

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(г. Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.12.2023 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 9,1. Тираж 50 экз.

Заказ № 409/467.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

ВЛАСТЬ

**Панкевич Наталья Владимировна,
Руденко Валентина Викторовна**
Союзное государство Беларуси
и России: идентитарная политика
как ключевой фактор интеграции.....7

Егоров Павел Александрович
Эстетический опыт
в политической философии
А. Кожева: к осмыслению
практики и теории
тотального государства.....21

Ковалев Андрей Андреевич
Войны современности
и их влияние
на национальную безопасность.....37

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- Хосе Баррьентос Растрохо* —
доктор философии,
профессор (г. Севилья, Испания)
- Сергей Валентинович Борисов* —
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Юрий Геннадьевич Ершов* —
доктор философских наук,
профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- Филип Иванович* —
Ph.D (г. Подгорица, Черногория)
- Виктория Лезьер* —
доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- Валерий Георгиевич Ледяев* —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Андрей Николаевич Медушевский* —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Валерий Аркадьевич Нехамкин* —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Александр Валентинович Павлов* —
доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- Владимир Дмитриевич Попов* —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- Григорий Львович Тульчинский* —
доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- Александр Степанович Чупров* —
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- Сергей Григорьевич Зырянов* —
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Балташ Нурмухамбетович Карипов* —
доктор политических наук, профессор
(г. Кокшетау, Казахстан)
- Александр Васильевич Павероз* —
доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- Ольга Фредовна Русакова* —
доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- Александр Юрьевич Сунгуров* —
доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

- Ольга Васильевна Артемова* —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Лаура Маратовна Байтенова* —
доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Виктор Иванович Бархатов* —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Ляйля Маратовна Муталиева* —
кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- Ирина Викторовна Лаврентьева* —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

КУЛЬТУРА

Фам Тиен Бак

Особенности вьетнамской
конфуцианской этики51

Тухватулина**Ксения Александровна**

Эстетико-гносеологическая
функция искусства в контексте
неклассической
научной парадигмы59

Погорельская Елена Юрьевна,**Чернов Леонид Сергеевич**

Кино: конструирование времени69

ИНФОРМАЦИЯ для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ

Научный журнал «Социум и власть»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней

доктора и кандидата наук по специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)
- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки)
- 5.7.2. История философии (философские науки)
- 5.7.3. Эстетика (философские науки)
- 5.7.4. Этика (философские науки)
- 5.7.5. Логика (философские науки)
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки)

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 103.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При использовании любых материалов ссылка на журнал «Социум и власть» и на авторов материалов обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Подписной индекс E38909

Агентство «Книга-Сервис»

<https://www.akc.ru>

© Челябинский филиал РАНХиГС, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гулеватая Анастасия Николаевна

«Будущее образования,

мышления и навыков»

на VIII Форуме

молодых ученых БРИКС:

философско-антропологическое

осмысление84

Нечаева

Светлана Владимировна

Муниципальное управление

в новых реалиях:

современные вызовы

и возможности.

Итоги Всероссийской

научно-практической

конференции

(26—27 октября 2023 года,

Челябинск,

Российская Федерация)97

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

A.S. Chuprova,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand.Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics

Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.
Passed for printing on 30.12.2023.
Format 70×108 1/16
Reference sheet area 9,1. Issues — 50.
Order № 409/467.
Designed and printed at
454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

POWER

**Natalia V. Pankevich,
Valentina V. Rudenko**

The Union State of Belarus
and Russia: an identity policy
as a key factor of integration7

Pavel A. Egorov

Aesthetic experience
in the political philosophy
of A. Kojève:
towards understanding
the practice and theory
of the total statea21

Andrey A. Kovalev

Modern wars and their impact
on national security,37

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
- Sergey V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yurii G. Ershov* — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Filip Ivanovic* — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
- Victorya Lezyer* — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
- Valery G. Ledyayev* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Andrey N. Medushevsky* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Valery A. Nekhamkin* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Alexander V. Pavlov* — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
- Vladimir D. Popov* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Grigorii L. Tulchinskii* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
- Alexander S. Chuprov* — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- Sergey G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Baltash N. Karipov* — Ph.D., Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)
- Alexander V. Pavroz* — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
- Olga F. Rusakova* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
- Alexander Yu. Sungurov* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Economics

- Olga V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Laura M. Bajtenova* — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)
- Victor I. Barkhatov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Lyailya M. Mutaliev* — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- Irina V. Lavrentyeva* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

CULTURE

Pham Tien Bac

- Features of Vietnamese
Confucian ethics51

Ksenia A. Tukhvatulina

- Aesthetic and epistemological
function of art in the context
of the non-classical
scientific paradigm59

**Elena Yu. Pogorelskaya,
Leonid S. Chernov**

- Cinema: the construction of time69

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the « SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER» scientific journal are located at page 103.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the Journal «SOTSIUM I VLAST / SOCIETY AND POWER» and the author(s) of the material in question

The journal is published quarterly

Free price

**Subscription index
in Russia
E38909**

© Chelyabinsk branch of RANEPА, 2023

SCIENTIFIC LIFE

Anastasia N. Gulevataya

“The Future of Education, Mindset and Skillset” at the VIII BRICS Young Scientists Forum: philosophical and anthropological understanding84

Svetlana V. Nechaeva

Municipal management in new realities: modern challenges and opportunities. Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 26-27, 2023, Chelyabinsk, Russian Federation)97

Для цитирования: Панкевич, Н. В. Союзное государство Беларуси и России: идентитарная политика как ключевой фактор интеграции / Н. В. Панкевич, В. В. Руденко // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 7—20. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-07-20. — EDN POYDKY.

УДК 323.21 + 342.24 + 342.722

EDN POYDKY

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-07-20

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ИДЕНТИТАРНАЯ ПОЛИТИКА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ¹

Панкевич Наталья Владимировна,
Институт философии и права Уральского
отделения РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат политических наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0001-7661-1754
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Руденко Валентина Викторовна,
Институт философии и права Уральского
отделения РАН,
старший научный сотрудник,
кандидат юридических наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-6641-691X
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Аннотация

Цель: проанализировать идентитарную политику, реализуемую в рамках Союзного государства Беларуси и России, и определить пути ее совершенствования.

Методы и материалы: в качестве материала использованы акты Союзного государства Беларуси и России и материалы российских и белорусских СМИ, методологическую основу заложили общенаучные методы познания (метод системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, восхождения от единичного к общему, синтеза, сравнительный метод),

специальные правовые и политологические частнонаучные методы (формально-юридический метод, метод правовой герменевтики, институционально-функциональный и системно-структурный подходы, метод контент-анализа).

Результаты и выводы: становление Союзного государства Беларуси и России вписано в сложный многоуровневый контекст международных и внутривнутриполитических процессов, которые во взаимосвязи определяют возможности и закладывают ограничения для реализации объединительных стратегий. Авторы исследуют причины замедленного характера интеграционного процесса в условиях международной среды, которая предрасполагает к становлению интеграционных объединений, а также в рамках внутривнутриполитических закономерностей. Предложен один из возможных интеграционных векторов, нуждающихся в комплексном развитии, а также правовом и институциональном обеспечении. Данный вектор предполагает осуществление многоуровневой идентитарной политики, которая имеет целью формирование согласованной политической общности в основе союзного государства. Авторы показывают, что осуществление данной политики возможно только в рамках развития согражданственности. Сформулированы некоторые направления данной политики, которые в настоящее время не в полной мере раскрыли свой объединяющий потенциал и нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова:

Союзное государство,
политика идентичности,
согражданственность,
консолидация общества,
интеграционные объединения

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

Введение

Сегодня в геополитических условиях, когда Россия находится в поисках партнеров на международной арене, интенсификация интеграционных процессов Беларуси и России приобретает стратегическое значение для противостояния вызовам современности. Одним из институциональных механизмов такой интеграции является Союзное государство Беларуси и России. Несмотря на глубинные связи российского и белорусского народов, основанные на общности культуры и истории, интеграционные процессы в рамках Союзного государства затруднены. Целью настоящей статьи является анализ идентитарной политики, реализуемой в рамках Союзного государства Беларуси и России, и определении путей ее совершенствования. Для достижения данной цели ставятся следующие задачи: 1) исследование особенностей интеграции Беларуси и России, обуславливающих специфику идентитарной политики, реализуемой в рамках Союзного государства, 2) характеристика института единого гражданства на уровне Союзного государства и выявление его роли в идентитарной политике, 3) выявление и анализ основных инструментов реализации идентитарной политики, 4) определение направлений дальнейшего совершенствования идентитарной политики.

Интеграция Беларуси и России: поликонтекстуальность ограничений и неизбежность общей идентитарной политики

Становление Союзного государства Беларуси и России вписано в сложный многоуровневый контекст международных и внутривосточных процессов, которые во взаимосвязи определяют возможности и закладывают ограничения для реализации объединительных стратегий. Интеграционный процесс является ответом двух стран на вызовы международной среды и потребности

внутреннего развития. Безопасность, стабильность и устойчивое социально-политическое и экономическое положение на постсоветском пространстве является одним из естественных приоритетов российской внешней политики¹, которая встречает поддержку в белорусском обществе.

Возможность и необходимость объединительного вектора определены глубинными трансформациями международной системы, в рамках которой организационная форма национального государства перестает быть единственно достаточной для успешной реализации долгосрочных стратегий по защите интересов и ценностей конкретного социума. Интеграционные объединения, характеризующиеся высоким экономическим и демографическим потенциалом, согласованной стратегией и достаточным институциональным развитием, рассматриваются в качестве перспективной формы структурирования становящегося многополярного мира [12]. При этом наиболее развитые формы интеграции позволяют осуществить консолидацию государственного суверенитета стран-участниц [5, с. 101]. Последнее является предпосылкой для более эффективных стратегий не только в международной конкуренции, но и создает благоприятные условия для комплексного развития объединения в целом.

В этом случае формирование Союзного государства Беларуси и России имеет очевидные преимущества, которые делают его одним из наиболее перспективных направлений в создании устойчивых интеграционных объединений в пространстве евразийского континента. Несмотря на то, что Россия участвует в значительном числе интеграционных процессов в постсоветском, евразийском и глобальном масштабах, вектор на построение интегративной структуры с Республикой Беларусь имеет особое значение. Ценность объединения в составе двух участников,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229.

принципиально открытого для присоединения других стран¹, формулируется в терминах глубинного культурно-исторического и цивилизационного единства российского и белорусского народов, их совместного исторического опыта и общности судьбы, тесного взаимодействия в политической, геостратегической, экономической, гуманитарной, оборонной областях². В этом смысле российско-белорусское единство имеет непреходящее значение для идентичности обоих государств на фоне крупных политических и исторических процессов.

Тем не менее, несмотря на наличие столь фундаментальной основы для создания общего надгосударственного объединения, интеграционный процесс разворачивается достаточно медленно, проходя путь от межгосударственного взаимодействия в режиме дружбы и добрососедства³ в период после распада СССР и многостороннего сотрудничества в рамках СНГ до первых шагов по созданию действующих структур органов союзного государства на основании Договора о создании Союзного государства 1999 г. В течение относительно краткого периода наблюдались как периоды интенсификации, так и принципиального затухания интереса к поиску оптимальных организационных и политических форм единения [14, с. 59—60].

Попытки объяснить преимущественно «спящий» формат интеграционного проекта осуществлялись в рамках различных подходов, каждый из которых вносит определенный вклад в объективное понимание ситуации. Так, логика политэкономического анализа

объясняет трудности сближения малой совместимостью хозяйственных и социальных моделей России и Беларуси [9, с. 25]. Если первая из указанных моделей ориентирована на создание стандартной модели конкурентного рынка на основе частной собственности и корректирующего государственного регулирования, то вторая — на сохранение народно-хозяйственного комплекса с широким государственным контролем над хозяйственной деятельностью. Данное различие в целом сводит возможности рыночной интеграции, которая, как правило, предшествует объединению на политическом уровне, к достаточно простым начальным формам в виде создания пространства свободной торговли и единого таможенного режима, а также кооперации в крупных инфраструктурных секторах экономики, в которых традиционно значимо государственное участие. Прежде всего речь идет об энергетическом секторе, в рамках которого Беларусь как транспортер и потребитель в течение длительного периода является получателем существенных преимуществ нерыночного характера. Последнее провоцировало широкую дискуссию о неадекватно высокой для РФ экономической цене за достижение политических преимуществ интеграции. Поэтому потенциально донорско-дотационный формат взаимодействия государств-участников вносил существенный вклад в делегитимацию проекта в целом.

Существенные ограничения возможностей для интеграции формулируют также исследования институциональных основ объединения. Избранная модель, закрепленная ст. 3 Договора о создании Союзного государства, представляет собой достаточно своеобразное сочетание принципов международного-правового образования, где участники в полной мере сохраняют автономию, отражающую их суверенный характер, и федеративной системы, основанной на разграничении предметов ведения и полномочий между ними.

В данной оптике объединительный процесс является стрессовым для

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» // Российская газета. 2000. 29 янв.

² Декларация о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации (принята в г. Москве 25.12.1998 г.) // Российская газета. 1998. 26 дек.

³ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь (ратифицирован Федеральным законом от 29 мая 1995 г. № 84-ФЗ) // Бюллетень международных договоров. 1996. № 7.

российской системы государственного устройства и территориального управления, которые длительно страдали от экономических эффектов асимметрии модели федеративных отношений [15]. Но, что еще более важно, указанная асимметрия имеет глубокие социальные истоки и, по мнению ряда специалистов, принципиально не устранима, поскольку связана с укорененностью этнической модели российского федерализма [3, с. 203—204]. Наиболее манифестные проявления данной асимметрии были преодолены лишь в последний период новейшей российской государственности, в том числе за счет внедрения новаций в Конституцию Российской Федерации. Однако, получив существенное развитие в годы после распада СССР и «парада суверенитетов», данный фактор и сегодня является определяющим для целого ряда «титულных» стратегий этнонациональных элит, эксплуатирующих идентитарные ресурсы соответствующих групп [19, с. 510; 3].

Поэтому интериоризация системой государственного устройства новых элементов статусной асимметрии, вносимых проектом союзного государства, вновь обостряет и дискуссию об этничности как ключевом факторе идентичности для целого ряда российских регионов и Российской Федерации в целом. Учитывая тот факт, что становление союзного государства достаточно часто обсуждается как политический проект славянских народов [см. напр., 8; 18], данное развитие может стать существенным триггером для стабильности общественного консенсуса относительно базовых характеристик политического сообщества в основе российской государственности и его идентичности многонационального русского народа.

В понимании, закрепленном на конституционном уровне, ценностные основы российской нации охватывают различные цивилизационные, национальные, культурные, религиозные общности в рамках широкого политического единства на основе равного признания, равенства прав и обязан-

ностей, распределения ответственности между всеми гражданами страны безотносительно их принадлежности к конкретным этнонациональным общностям. На первый взгляд, в этих условиях построение союзного государства с присоединением нового сегмента, обладающего очевидной этнонациональной спецификой, не является проблематичной. Однако присоединение данного сегмента на особых условиях провоцирует появление новых линий напряжения. Объединение двух государств и их государствообразующих народов в рамках новой политико-организационной формы, представляющей в противовес стандартным моделям взаимодействия центра и регионов «неразрушимый союз, составленный из неразрушаемых единиц» [6, с. 14], самым непосредственным образом поднимает вопрос об иерархиях идентичности в рамках объединения в целом и в каждом из его субъектов: народов, относящихся к титульным на уровне республик в составе Российской Федерации, и не относящихся к таковым, народов, относящихся к государствообразующим народам России и Беларуси, и не относящихся к таковым, национальных меньшинств и др. Кроме того, следует учитывать, что Россия является одним из важнейших центров интеграции на пространстве Евразии [1]. Это предполагает формирование широкого сообщества, куда более культурно и религиозно разнообразного, нежели объединенное лишь славянским кодом, что требует дополнительных механизмов учета этнического, культурно-языкового и религиозного многообразия. Поэтому даже минимальная приоритизация маркированного этнически единства славянских народов, таким образом, является фактором, закрывающим развитие на многих направлениях внешней политики.

Нетрудно заметить, что в рамках рассмотренных направлений дискуссия о факторах, осложняющих интеграционный процесс, имеет две слабоотрефлектированные предпосылки, которые во многом задают основания

оценки интеграционного процесса в союзном государстве и его перспектив. Во-первых, очевидно, что в их основе лежит определенное предположение о социальных силах, реализующих интеграционный процесс. В их качестве предстают прежде всего российские и белорусские национальные и секторальные экономические элиты, чьи интересы затронуты объединительными процессами. Причем скорее негативно, поскольку они должны в определенной мере отказаться от эксклюзивного контроля над некоторой частью экономически, политически и властно значимых ресурсов в интересах создания более крупного политического объединения. Необходимость следовать балансу интересов национальных и субнациональных элит в противовес приоритету собственно общих интересов единства является причиной того, что по сей день правовой абрис проекта задан Договором о создании Союзного государства, который по сути фиксирует намерение сторон следовать по пути интеграции, но не создает обязывающие нормы единства и не определяет режимы их реализации. Такой подход фактически исключает конституционализацию объединения и фиксирует несовершенный характер интеграционной структуры [6].

А во-вторых, объяснительные подходы, анализирующие слабости интеграции, основаны на нормативном представлении о должных итогах интеграционного процесса. Которым должно стать формальное объединение, обладающее выраженным административным центром, регламентированным объемом полномочий и компетенций, бюджетом, организационным аппаратом, дифференцированной структурой органов. В данном случае судить об успехе интеграции возможно в том случае, если она ведет к созданию плотной государственоподобной структуры, обладающей признаками (консолидированного) суверенитета. Что, в свою очередь означает, перенос интеграционный повесток в область действия исключительно властных центров государств-участников.

Между тем, несовершенство формальных структур и органов наднационального уровня вовсе не является предпосылкой и не означает невозможности политической интеграции, предполагающей тесное взаимодействие элит и сообществ на субконституционном уровне [7]. Кроме того, не стоит забывать, что именно несовершенство институциональной структуры союзного государства, дифференциация правового пространства объединения в динамичных условиях современного мира не раз способствовали оперативному решению вновь возникающих вызовов — от противостояния международному санкционному давлению до реагирования на антиконституционные акции во время специальной военной операции.

При этом ключевой проблемой традиционного понимания специфики интеграционного процесса является полное исчезновение из поля зрения его основного участника и движущей силы интеграции, в интересах которого осуществляется проект союзного государства. Два по своей сути многонациональных народа, выступающих носителями народного, а соответственно и государственного суверенитета на уровне России и Беларуси соответственно, фактически устраняются из политического процесса и становятся лишь фигурой легитимации, а не действительным актором объединения. Их интерес редуцируется до интересов конкретных групп, а общая воля к единению до создания конкретных структур, органов и ведомств. Ценностное, культурное, цивилизационное единство народов становится презумпцией, но не организационным приоритетом интеграционного процесса.

Между тем данное упущение критично для успеха всего проекта союзного государства. Предполагаемое единство народов существенно пострадало на протяжении постсоветского периода как от собственных правительственных идентитарных программ, ориентированных на завершение процесса построения национального государства

в бывшей союзной республике Белоруссии, экспериментов с исторической политикой и политикой памяти [11], так и от внешних политических программ, направленных на взаимодействие с определенными сегментами белорусского общества. Не секрет, что программы публичной дипломатии Европейского союза, направленные на прямое взаимодействие с институтами гражданского общества в сопредельных странах, являются одним из приоритетов внешней политики, достаточно фондируются и, как показали события вокруг «белорусского протеста» 2020 г., способны принести весьма объемные результаты.

Учитывая тот факт, что многие организационные направления интеграции сегодня не проявили в достаточной мере свой объединительный потенциал, для Российской Федерации и Республики Беларусь открывается чрезвычайно важное поле действия, имеющее целью незамедлительное восполнение ресурса единения двух народов. Последнее делает неизбежной актуализацию объединяющей многоуровневой идентитарной политики на уровне союзного государства, выработку общего видения основных характеристик политического сообщества в его основе, ценностных оснований данного союза.

При этом необходимо в полной мере осознавать закрывающий возможности к реальному объединению характер этномаркированной идеи союзного государства. Поэтому данная политика может развиваться только в русле согражданственности, предполагающей построение сообщества на основе равноправия граждан государств-участников, единства правового статуса граждан Российской Федерации и Республики Беларусь во внутреннем и международном измерении.

Согражданство: институциональная основа

Анализ правовых документов, составляющих правовую основу Союзного государства, позволяет говорить

о наличии определенных элементов концепта согражданственности (согражданства) в плане гарантирования всем гражданам объединения прав и свобод независимо от социального положения, этнокультурной принадлежности и других характеристик.

Если в изначально заключенном в 1996 г. Договоре об образовании Сообщества России и Беларуси речь шла больше об образовании единого экономического пространства, то Договор о Союзе России и Беларуси 1997 г.¹ предполагает сближение в политической, экономической, социальной, военной, научной, культурной и других сферах общественной жизни [20, с. 120]. В Декларации о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. подчеркивается фундаментальное значение общности двух народов.

На основе и в продолжение положений вышеназванных документов Договор о создании Союзного государства обозначает Союзное государства как новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство (ст. 1).

Анализ материалов СМИ показывает, что на уровне комитетов Парламентского Собрания Союза Беларуси и России периодически поднимаются вопросы: о необходимости выработки ценностных основ Союзного государства; духовно-нравственном воспитании молодежи двух стран, вопросы защиты исторической памяти в целях обеспечения национальной безопасности; ежегодно проводятся мероприятия, посвященные Дню единства народов России и Беларуси (2 апреля — день подписания Договора об образовании Сообщества России и Беларуси). Однако концептуального оформления и документального выражения данные вопросы пока не получили.

На уровне Устава Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г. (утратил силу

¹ Ратифицирован Федеральным законом от 10 июня 1997 г. № 89-ФЗ «О ратификации Договора о Союзе Беларуси и России и Устава Союза Беларуси и России» // Российская газета. 1997. 16 июня.

в 2000 г.) был впервые закреплен институт единого (союзного) гражданства, но при этом гражданство России и Беларуси как суверенных государств сохранялось. Положения о едином гражданстве сохранились в Договоре о создании Союзного государства, вступившем в силу в 2000 г., и более того в нем вопросам гражданства посвящена отдельная глава. Приобретение единого (союзного) гражданства недопустимо без приобретения гражданства участников Союза (ч. 4 ст. 14 Договора). Граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства — участника, если иное не предусмотрено законодательными актами государств — участников, договорами между ними (ч. 5 ст. 15). Договором предусмотрено принятие акта Союзного государства по вопросам гражданства, но такой акт не принят. Статус гражданина Союзного государства предполагает наличие следующих дополнительных прав: избирать и быть избранными в Парламент Союзного государства, а также назначаться на должности в органы Союзного государства, создавать союзные общественные объединения. Механизм реализации и защиты данных прав создан не был. Ст. 14 Договора содержит положение о введении документов, удостоверяющих личность гражданина Союзного государства, но это положение также не реализовано. Договором предусмотрено учреждение Комиссии по правам человека, но она не создана.

Прогнозы специалистов по положительному эффекту установления единого гражданства Союзного государства в виде единого статуса граждан Беларуси и России, упрощенного приобретения гражданства другой стороны оправдались лишь частично [13, с. 195]. В 2000 г. между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией было заключено соглашение об упрощенном порядке приобретения гражданства, согласно которого такой порядок применим в следующих случа-

ях: если заявитель состоял в гражданстве Белорусской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР или РСФСР и одновременно в гражданстве бывшего СССР, родился или проживал на территории Стороны приобретаемого гражданства до 21 декабря 1991 г.; при наличии у заявителя одного из постоянно проживающих на территории Стороны приобретаемого гражданства и являющихся ее гражданами близких родственников: супруга (супруги), одного из родителей (усыновителей), ребенка (в том числе усыновленного), сестры, брата, деда или бабушки, внука или внучки.

В 2020 г. для граждан Беларуси была предусмотрена возможность приобрести российское гражданство в упрощенном порядке без соблюдения требований о непрерывном проживании на территории России в течение пяти лет и наличия законного источника средств к существованию. Однако согласно Федеральному закону от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»¹ факт наличия гражданства Республики Беларусь сам по себе не дает каких-либо преимуществ при приобретении российского гражданства. Аналогичным образом согласно Закону Республики Беларусь № 136-З от 1 августа 2002 г. «О гражданстве Республики Беларусь» наличие российского гражданства не упрощает процедуру приобретения гражданства Республики Беларусь².

Развитие института единого гражданства на уровне Союзного государства значимо не только с точки зрения обеспечения связи граждан с данным политико-правовым образованием, сколько с точки зрения гарантирования гражданам стран-участниц особого правового статуса, дающего возможность адаптироваться на территории другого государства, и более того, для обеспечения связи граждан Беларуси и граждан России.

Деятельность по гарантированию равных прав граждан на территориях

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 28.04.2023).

² Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 88. 2/885.

стран-участниц Союзного государства ведется достаточно активно, значительные успехи достигнуты в области социально-экономических прав: права на образование, свободы экономической деятельности, права на труд, права на социальное обеспечение, права на получение медицинской помощи.

Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о равных правах граждан 1999 г.¹ провозгласил, в частности, что граждане Беларуси и России обладают равными правами избирать и быть избранными в выборные органы Союза, имеют равные права на участие в хозяйственной деятельности на территориях Сторон, пользуются равными гражданскими правами и свободами, имеют равные права граждан в получении среднего, среднего специального, высшего и послевузовского профессионального образования, равные права на социальное обеспечение, медицинскую помощь и доступ к услугам лечебно-оздоровительных учреждений. Заключен ряд соглашений, направленных на обеспечение равных прав граждан России и Беларуси: Соглашение 1995 г. между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь об избежание двойного налогообложения и предотвращения уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и имущество; Соглашение 1996 г. между Правительством РФ и Правительством РБ о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях; Соглашение 2004 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об использовании миграционной карты единого образца; Соглашение 2006 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан Российской Федерации и Республики Беларусь на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства; Соглашение 2006 г. между

¹ Российская газета. 1996. 22 нояб.

Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации и гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь от 24 января 2006 г.; Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании виз и по иным вопросам, связанным с въездом иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государств — участников Договора о создании Союзного государства (заключено в г. Минске 19.06.2020 г.) (не вступило в силу); Соглашение 2022 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о единых правилах конкуренции и др.

В 2015 г. была образована совместная межведомственная рабочая группа по рассмотрению вопросов обеспечения равных прав граждан Беларуси и России на основании Приказа Постоянного комитета Союзного государства от 6 мая 2015 г. № 34. Группа формируется из представителей министерств и ведомств Беларуси и России, Парламентского собрания Союза Беларуси и России, Постоянного комитета Союзного государства. Заседания проводятся не реже одного раза в год [подробнее о деятельности групп см.: 16, с. 44—45]. В 2021 г. одобрены «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021-2023 годы» и 28 программ, направленных на реализацию российско-белорусской интеграции, среди которых предусмотрены положения, направленные на обеспечение единых правил в области защиты прав потребителей, единые правила доступа к государственными заказам и государственным закупкам, на проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере, туристической сфере и др. Таким образом, на всех этапах интенсификации интеграционного процесса в рамках Союзного го-

сударства уделяется внимание вопросу гарантирования гражданам Союзного государства равных прав.

Интеграция в сфере образования и культуры

Культура и образование имеет ключевое значение в социокультурном процессе интеграции [17, с. 132]. Основу интеграции в названных отраслях составляет Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь 1996 г. о сотрудничестве в области культуры, образования и науки¹, целями которого являются налаживание и развитие связей между образовательными и научными учреждениями, обмен студентами и преподавателями, организация совместных мероприятий и др.

В целом в области образования заключено порядка 300 соглашений о сотрудничестве, включая региональный, ведомственный, вузовский уровни [16, с. 194]. Законодательство обеих стран также закрывает потребности участников образовательного процесса. С момента образования Союзного государства реализовано две концепции социального развития — Концепция социального развития Союзного государства до 2005 г. и Концепция социального развития Союзного государства на 2011-2015 гг. Частью первого акта была Концепция единого образовательного пространства Союзного государства как систем взглядов и принципов, определяющих цели, содержание и направления деятельности РФ и РБ в области образования. Согласно второму документу ставится цель достижения нового, отвечающего самым современным требованиям качества всех уровней образования, обеспечивающего развитие общего культурного, научно-исследовательского и технологического пространства, более полное удовлетворение социально-экономических потребностей РБ и РФ в высококвали-

фицированных специалистов. В соответствии с Приоритетными направлениями и первоочередными задачами дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014-2017 гг.), утв. Постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 3 марта 2015 г. № 3, страны будут продвигаться к дальнейшему сближению систем образования, поставлена цель создания открытой системы мониторинга изменений в системах образования стран для обеспечения сопоставимости образовательных программ, унификации специальностей и квалификаций в образовании. В 2019 г. создана Ассоциация вузов Российской Федерации и Республики Беларусь². Сотрудничество в области образования продолжает активно развиваться и в настоящее время. Например, реализуется проект Союзного государства «Развитие образовательной и научной деятельности Белорусско-Российского университета на базе инновационных технологий».

Задача единения российского и белорусского народов активно реализуется в сфере молодежной политики. Согласно Соглашению между Правительством РФ и Правительством РБ о сотрудничестве в области молодежной политики от 30 июня 1995 г.³, стороны договорились об обмене информацией в данной области, о проведении тематических семинаров, конференций, консультаций, о поощрении сотрудничества между молодежными организациями с целью ознакомления с культурным наследием, современным состоянием культуры через организацию фестивалей, выставок, гастролей, проведение дней литературы и искусства и др. Ежегодно проводится фестиваль «Молодежь за Союзное государство», заказником которого является Секретариат Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, организуются молодежные лагеря («Вита» (г. Анапа), Международный лагерь студенческого

¹ Бюллетень международных договоров. 1997. № 11.

² URL: <https://rus-bel.rsr-online.ru/#rec291770447> (дата обращения: 01.11.2023 г.).

³ Бюллетень международных договоров. 1997. №4.

актива «Славянское сотрудничество», Международный лагерь «Дружба» и др.), проводятся гражданско-патриотические мероприятия (гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны» и др.), олимпиады (олимпиада школьников Союзного государства «Россия и Беларусь: историческая и духовная общность» и др.), развивается проектная деятельность на базе некоммерческих организаций [2].

Заключение

Как показывает проведенный анализ, интеграционный процесс в определенной степени опирается на практики согражданственности, которая имеет целью формирование политического сообщества в основе союзного государства. Вместе с тем, существует значительный потенциал для существенного развития объединяющего начала данного направления идентитарной политики. Целенаправленная консолидация российского и белорусского народов может способствовать интенсификации интеграционных процессов в рамках Союзного государства. Ключевыми правовыми инструментами дальнейшего совершенствования идентитарной политики в рамках Союзного государства могут стать: 1) документы стратегического планирования (по аналогии с социально-экономической сферой [подробнее см.: 10]), 2) Акт Союзного государства о едином гражданстве, 3) соглашения о сотрудничестве между Беларусью и Россией.

Также следует отметить, что идентитарная политика союзного государства имеет прежде всего внутривнутриполитическое измерение. Представляется, что практики согражданственности могут в значительной мере способствовать процессу объединения, если также будут применены во внешнеполитических контекстах. К этому предрасполагает консолидация политики западных стран в отношении Беларуси и России, которые все больше рассматриваются не как отдельные участники междуна-

родных отношений, но полноценный политический союз. Эта позиция предопределяет равную уязвимость граждан обоих государств, к которым сегодня в стереотипно применяются различные дискриминационные практики (в трудовых отношениях, владении собственностью, ведении профессиональной деятельности, в том числе в искусстве и спорте, реализации родительских прав). Представляется, что участники союзного государства могли бы рассмотреть возможности совместной защиты граждан за рубежом, а также распространения на них национальных режимов поддержки граждан и соотечественников, проживающих за рубежом.

В совокупности реализация подобных мер может служить надежной основой сближения граждан двух государств, создавая необходимые предпосылки для будущего сближения в политической сфере и создания полномасштабных институциональных структур интеграции.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00427, <https://rscf.ru/project/23-18-00427/>

1. Алексеев, Д. С. Российская стратегия евразийской интеграции: ключевые элементы, детерминанты и перспективы развития / Д. С. Алексеев // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2020. — Т. 12. — № 4. — С. 3—39.

2. Артемчик, В. В. Гуманитарные проекты некоммерческих организаций как средство консолидации молодежи Союзного государства Беларуси и России / В. В. Артемчик, М. С. Новиков // Интеграция науки, образования и бизнеса — пути развития высшего образования XXI века: Материалы Международной научно-практической конференции. Выпуск 1. — Унеча, 2018. — С. 211—217.

3. Ачкасов, В. А. Этнический фактор в региональной политике России / В. А. Ачкасов // Политическая эксперти-

за : Политэкс. — 2022. — Т. 18, № 3. — С. 331—336.

4. Ачкасов, В. А. Российский этнофедерализм: становление и перспективы развития / В. А. Ачкасов, А. И. Абалян // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2021. — Т. 26, № 3. — С. 203—216.

5. Бабурин, С. Н. Консолидация современного российского общества и евразийская интеграция в условиях политических, социально-экономических, правовых и цивилизационных рисков / С. Н. Бабурин // Право и образование. — 2018. — № 12. — С. 92—102.

6. Бабурин, С. Н. Конституционный акт Союзного государства: несостоятельность официального проекта и необходимость альтернативы / С. Н. Бабурин // Государство и право. — 2019. — № 10. — С. 7—25.

7. Болгова, И. Евразийский экономический союз: между интеграцией и суверенитетом / И. Болгова, Ю. Никитина // Современная Европа. — 2019. — № 5. — С. 13—22.

8. Веревкина, Ю. И. Союзное Государство России и Белоруссии как форма реализации славянской идеи в современном мире / Ю. И. Веревкина // Наука и практика регионов. — 2019. — № 3. — С. 43—47.

9. Годин, Ю. Россия и Белоруссия: 10 лет интеграционной несовместимости / Ю. Годин // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — № 10. — С. 24—26.

10. Гончарик, Н. В. Стратегическое планирование как основа социально-экономического развития Союзного государства Беларуси и России / Н. В. Гончарик, В. А. Румянцев // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник : материалы XVIII Междунар. науч. конф. / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 2, ч. 2. — М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. — С. 497-501.

11. Грибовод, Е. Г. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика /

Е. Г. Грибовод, Д. М. Ковба, Я. Ю. Моисеенко // Дискурс-Пи. — 2019. — № 2 (35). — С. 28—41.

12. Дегтерев, Д. А. Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира / Д. А. Дегтерев. — М. : Русайнс, 2020. — 214 с.

13. Кожанова, М. А. Еще раз к вопросу о двойном гражданстве / М. А. Кожанова // Теоретические проблемы российского конституционализма / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2000. — С. 194-207.

14. Колосов, В. А. Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Часть II. Глядя на Восток / В. А. Колосов, М. В. Зотова, Ф. А. Попов, А. А. Гриценко, А. Б. Себенцов // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 5. — С. 57—69.

15. Панкевич, Н. В. Диспропорции регионального развития РФ: проблема без решения? / Н. В. Панкевич // Россия и современный мир. — 2010. — № 1 (66). — С. 97-109.

16. Право Союзного государства Беларуси и России : учебник : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Р. А. Курбанов. — М. : Проспект, 2021. — 522 с.

17. Савченко, И. А. Многоэтничное сообщество в поисках маршрута интеграции / И. А. Савченко. — М. : ИЦ РИОР : ИНФРА-М, 2019. — 189 с.

18. Серегин, А. В. Идеология славянского единства и философские проблемы юридической славистики в современном мире / А. В. Серегин // Российский журнал правовых исследований. — 2019. — Т. 6, № 2 (19). — С. 35—41.

19. Шабаев, Ю. П. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики / Ю. П. Шабаев, М. А. Омаров. — М. : Изд-во РГГУ, 2021. — 513 с.

20. Шаруева, М. В. Правовые основы Союзного государства России и Беларуси: развитие и перспективы / М. В. Шаруева // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. — 2020. — № 4. — С. 118—125.

References

1. Alekseev D.S. (2020) Rossijskaya strategiya evrazijskoj integracii: klyuchevye elementy, determinanty i perspektivy razvitiya [Russian Strategy for Eurasian Integration: Key Elements, Determinants and Development Prospects] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, vol. 12, no. 3, pp. 3-39 [in Rus].
2. Artemchik V.V., Novikov M.S. (2018) Gumanitarnye proekty nekommercheskih organizacij kak sredstvo konsolidacii molodyozhi Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii [Humanitarian Projects of Non-profit Organizations as a Means of Consolidating the Youth of the Union State of Belarus and Russia]. *Integraciya nauki, obrazovaniya i biznesa — puti razvitiya vysshego obrazovaniya XXI veka: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Vypusk 1. Unecha, pp. 211-217 [in Rus].
3. Achkasov V.A. (2022) Jethniceskij faktor v regional'noj politike Rossii [Ethnic Factor in the Regional Policy of Russia]. *Politicheskaja jekspertiza: Politjeks*, vol. 18, no. 3, pp. 331-336 [in Rus].
4. Achkasov V.A., Abalian A.I. (2021) Rossijskij jetnofederalizm: stanovlenie i perspektivy razvitiya [Russian Ethnofederalism: Evolution and Development Prospects]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 26, no. 3, pp. 203-216 [in Rus].
5. Baburin S.N. (2018) Konsolidacija sovremennogo rossijskogo obshchestva i evrazijskaja integracija v uslovijah politicheskikh, social'no-jekonomicheskikh, pravovykh i civilizacionnykh riskov [The Consolidation of Modern Russian Society and Eurasian Integration in Political, Socio-Economic, Legal and Cultural Risks]. *Pravo i obrazovanie*, no. 12, pp. 92-102 [in Rus].
6. Baburin, S.N. (2019) Konstitucionnyj akt Sojuznogo gosudarstva: nesostojatel'nost' oficial'nogo proekta i neobhodimost' al'ternativy [Constitutional Act of the Union State: official draft insolvency and the need for alternatives]. *Gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 7—25. DOI: 10.31857/S013207690007181-1 [in Rus].
7. Bolgova I., Nikitina Yu. (2019) Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: mezhdunarodnaja integratsiya i suverenitetom [Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty]. *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 13-22 [in Rus].
8. Verevkina Yu.I. (2019) Sojuznoe Gosudarstvo Rossii i Belorussii kak forma realizacii slavjanskoj idei v sovremennom mire [The Union State of Russia and Belarus as a Form of Implementation of the Slavic Idea in the Modern World]. *Nauka i praktika regionov*, no. 3, pp. 43-47 [in Rus].
9. Godin Yu. (2006) Rossija i Belorussija: 10 let integracionnoj nesovmestimosti [Russia-Belarus: 10 Years of Integration Non-Compatibility]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 10, pp. 24-26 [in Rus].
10. Goncharik N.V., Rumyancev V.A. (2019) Strategicheskoe planirovanie kak osnova social'no-ekonomicheskogo razvitiya Soyuznogo gosudarstva Belarusi i Rossii [Strategic Planning as the Basis for the Socio-Economic Development of the Union State of Belarus and Russia] // *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo: Ezhegodnik. Materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. red. V.I. Gerasimov*, vol. 2, part 2, Moscow, Institut nauchnoj informacii po obshchestvennym naukam RAN, pp. 497-501 [in Rus].
11. Gribovod E.G., Kovba D.M., Moiseenko Y.Y. (2019) Politika nacional'noj pamjati na postsovetskom prostranstve: podhody i praktika [The Policy of National Memory in the Post-Soviet Space: Approaches and Practice]. *Discourse-P*, no. 2, pp. 28-41 [in Rus].
12. Degtarev, D.A. (2020) Ocenka sovremennoj rasstanovki sil na mezhdunarodnoj arene i formirovanie mnogopoljarnogo mira. [Assessment of the current balance of power in the international arena and the formation of a multipolar world]. Moscow, Rusajns, 214 p. [in Rus].
13. Kozhanova M.A. (2000) Eshcheraz k voprosu o dvojnom grazhdanstve [Once Again on the Issue of Dual Citizenship]

Teoreticheskie problem rossijskogo konstitucionalizma / pod obshch. red. T.YA. Habrievoj. Moscow, pp. 194-207 [in Rus].

14. Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B. (2018) Postsovetskoe pogranich'e Rossii mezhdru Vostokom i Zapadom (analiz politicheskogo diskursa). Chast' II. GljadjanaVostok [Russia's Post-Soviet Borderzone in Between East and West (Analysis of Political Discourse). Part II: Looking East]. *Polis*, no. 5, pp. 57-69 [in Rus].

15. Pankevich N.V. (2010) Disproporcii regional'nogo razvitija RF: problema bez reshenija? [Disproportions of Regional Development in the Russian Federation: a Problem with no Solution?]. *Rossija i sovremennyj mir*, no. 1(66), pp. 97-109 [in Rus].

16. Pravo Soyuznogo gosudarstva Belarusii Rossii (2021) [Law of the Union State of Belarus and Russia]: uchebnyk v 2 t. T. 2. / Otv. red. R.A. Kurbanov. Moscow, Prospekt, 522 p. [in Rus].

17. Savchenko I.A. (2019) Mnogo-etnichnoe soobshchestvo v poiskah marshruta integracii [Multi-ethnic Com-

munity in Search of a Route to Integration]. Moscow, IC RIOR: INFRA-M, 189 p. [in Rus].

18. Seregin A. (2019) Ideologija slavjanskogo edinstva i filosofskie problem juridicheskoi slavistiki v sovremennom mire [Ideology of Slavic Unity and Philosophical Problems of Legal Slavistics in the Modern World]. *Rossiiskij zhurnal pravovykh issledovanij*, vol. 6, no. 2 (19) [in Rus].

19. Shabaev Ju. P., Omarov M. A. (2021) Regionalizm i etnichnost' v Rossii: istoricheskaja jevoljucija i sovremennye politicheskie praktiki. [Regionalism and Ethnicity in Russia: Historical Evolution and Modern Political Practices]. *Regionalizm i etnichnost' v Rossii: istoricheskaja jevoljucija i sovremennye politicheskie praktiki*. Moscow, Izdatel'stvo RGGU, 513 p. [in Rus].

20. Sharueva M.V. (2020) Pravovye osnovy Soyuznogo gosudarstva Rossii i Belarusi: razvitie i perspektivy [Legal Foundations of the Union State of Russia and Belarus: Development and Prospects]. *Vestnik RGGU. Seriya: Evrazijskie issledovaniya. Istorija. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4, pp. 118-125 [in Rus].

Статья поступила в редакцию
09.11.2023

For citing: Pankevich, N. V. The Union State of Belarus and Russia: an identity policy as a key factor of integration / N. V. Pankevich, V.V. Rudenko // Sotsium i vlast/Society and Power. — 2023. — № 4 (98). — P. 7—20. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-07-20. — EDN POYDKY.

UDC 323.21 + 342.24 + 342.722

EDN POYDKY

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-07-20

THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA: AN IDENTITY POLICY AS A KEY FACTOR OF INTEGRATION

Natalia V. Pankevich,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0001-7661-1754
E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Valentina V. Rudenko,

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-6641-691X
E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Abstract

The purpose of the article is to analyze the identity policy implemented within the Union State of Belarus and Russia and determine the ways of its improving.

Methods and materials: materials include acts of the Union State of Belarus and Russia and materials from Russian and Belarusian media; the methodological basis was laid by general scientific methods (system analysis, ascent from the abstract to the concrete, ascent from the individual to the general, synthesis, comparative method) and special legal and political science scientific methods (formal legal method, method of legal hermeneutics, institutional-functional and system-structural approaches, content analysis method).

Results and conclusions: the formation of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation is inscribed in a complex multi-level context of international and domestic political processes, which co-determine opportunities and settle limitations for the unification strategies. The authors analyze the international and domestic factors that determine the slow character of the integration process. The authors propose one of the possible integration vectors. This vector assumes implementing a multi-level identity policy, which aims at forming a coherent political community at the heart of the Union State and needs today comprehensive development and legal and institutional support. The authors show that implementing this policy is possible only within the framework of the citizenship development. The article formulates some directions of this policy, which currently have not fully revealed their unifying potential and need further improvement.

Keywords:

Union State,
identity policy,
citizenship,
consolidation of society,
integration associations

Для цитирования: Егоров, П. А. Эстетический опыт в политической философии А. Кожева: к осмыслению практики и теории тотального государства / П. А. Егоров // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 21—36. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-21-36. — EDN BWBVI.

УДК 165.3

EDN BWBVI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-21-36

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ОПЫТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ А. КОЖЕВА: К ОСМЫСЛЕНИЮ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ ТОТАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Егоров Павел Александрович,

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, старший преподаватель кафедры конфликтологии. Санкт-Петербург, Россия.
OCRID: 0000-0002-9477-1310
E-mail: conflictologegorov@gmail.com

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу эстетического аспекта философии А. Кожева, способности его философии, рассмотренной с эстетической точки зрения, прояснить ряд актуальных проблем современной политической и культурной среды.

Цель. Определить гносеологическую установку философии А. Кожева, способную прояснить то, каким образом его философия проблематизирует актуальную культурно-политическую действительность.

Методы. В качестве методов исследования были использованы герменевтика, сравнительный анализ и деконструкция. Сравнительный анализ позволяет демаркировать собственную линию рассуждений А. Кожева, в контексте эстетических и гносеологических теорий, а также собственно гегельянской тематики. Герменевтика является центральным методом в настоящей работе, так как философия А. Кожева требует истолкования как эстетическая теория. Деконструкция, формализованная

до статуса метода по П. де Ману, позволяет обнаружить несостыковки, принцип взаимной проблематизации философии Кожева и актуальной политической и гносеологической повестки.

Научная новизна исследования. Стандартным способом трактовки творчества А. Кожева является его оценка как интерпретатора Г. Гегеля. В статье предпринята попытка проанализировать некоторое отдельное от разъяснения текста Г. Гегеля значение философии А. Кожева. Новизна состоит не только в том, что философия А. Кожева определяется как идущее дальше технической герменевтики (ясное изложение) теоретизирование, но и как специфическое представление такого теоретизирования, как гносеоэстетической теории. Последнее — довольно редкая интерпретация философии А. Кожева. Это позволяет расширить традиционное предположение о том, что постгегелевская гносеоэстетика достояние крайне ограниченного числа авторов (например, Б. Кроче). Более того, подобная трактовка теорий А. Кожева является новым элементом в формирующейся тенденции рассмотрения политической проблематики в рамках гносеоэстетики.

Результаты. Специфический режим интерпретации Г. Гегеля, который осуществляет А. Кожев, превращает философию первого в своеобразный эстетический проект. В этом проекте на передний план выходит категория эстетического опыта, указывающая на пустой, формальный характер любого дискурса. В этой связи всякая претензия на знание действительности, на верное представление о предмете заменяется идеей творческого создания предмета дискурса. Последовательное рассмотрение этой идеи и является симптоматикой философии А. Кожева. Такая философия является отражением тех исторических изменений, которые породили культуру «эстетической рациональности»: пустую и формальную. В философии А. Кожева можно увидеть, как подобная культура Конца истории является, вопреки гегельянским представлениям, не эпохой заката борьбы, а эпохой её странной трансформации, симптомом возрастания политического насилия.

Выводы. Философия А. Кожева рассмотрена не как утопический политический проект, а как проблематизация современной культурной и политической сферы. Под последним понимается указание на несостоятельность онтологических дискурсов Истины, обнаружение в самой сути

дискурсивных практик пустого, формального, а от того интересующего в первую очередь эстетику, принципа. Современная эпоха Конца истории и конца эпохи убедительной речи даёт представление о главном политическом парадоксе (как минимум для философии А. Кожева, и как максимум для современной политической среды). Эпоха разочарования в дискурсе должна стать эпохой отказа от борьбы за дискурсы, но становится эпохой максимизации насилия, так как именно в ситуации разочарования дискурсы остаётся поддерживать лишь силой. От неубедительной речи мы переходим к убедительному насилию, однако понять истоки и специфику такого перехода возможно лишь рассмотрев философию А. Кожева в свете такой дисциплины, как эстетика.

Ключевые слова:
А. Кожев,
философия смерти,
эстетический опыт,
политическое насилие

Актуальность

Когда речь заходит о роли А. Кожева в философии XX века, то обычно указывают на его статус «интерпретатора Гегеля»¹ [10, с. 106]. Действительно, лекции А. Кожева по анализу и режиму понимания философской системы Г. Гегеля сформировали представления Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-П. Сартра, Р. Арона и других представителей французской философии, которые, в свою очередь, определили дух последней для всего остального XX в. Однако как бы ни была высока значимость философии А. Кожева в подобной трактовке, зачастую это приводит к несколько превратному толкованию. Дело в том, что из интерпретации гегелевской системы А. Кожев делает ряд довольно радикальных выводов, которые порождают своего рода разрыв, зазор, некоторое минимальное несоответствие между идеями Г. Гегеля и тем как сам А. Кожев стремится их организовать в ясный политический проект. Мимо этого разрыва очень легко пройти, потому что в изложении А. Кожева его собственные мысли — всё тот же самый текст Г. Гегеля.

Примером подобного понимания изложения А. Кожева может являться замечательная статья Б. Гройса «Романтическая бюрократия. Постисторическая мудрость Александра Кожева» [7]. В ней автор ставит цель выяснить условия постисторического существования человека, а, как известно, концепт «Конца истории» крайне интересовал А. Кожева: вокруг этого концепта выстраивалась политическая философия последнего. Описывая те условия постисторического существования, те сложности и противоречия, что встают на пути А. Кожева, Б. Гройс указывает на множество затруднений, которые связаны с наследованием А. Кожевом философии Г. Гегеля. Собственно, статья представляет собой довольно вы-

¹ «Неомарксистское и парахайдеггеррианское прочтение Феноменологии духа, которое предлагает Кожев... оказало формирующее и во многом определяющее воздействие на поколения французских интеллектуалов...»

разительное и последовательное, хоть и краткое, представление системы А. Кожева как интерпретации Г. Гегеля со всеми её сильными и слабыми сторонами, удачными, и не совсем, ходами. Однако такое изложение является лишь вариантом рассмотрения философии А. Кожева. Проблема этого варианта состоит в том, что кожевское гегельянство берётся как бы «в скобки». Да, А. Кожева интересуют постисторические условия существования, но каковы условия самого Конца истории? В статье Б. Гройса этому отводится не так много места. И хотя «сжатого введения» в философию А. Кожева достаточно для целей Б. Гройса, представляется, что может быть упущено нечто более важное. В изложении Б. Гройса, кожевская философия — это утопический проект постнационального тотального государства. Результирующая оценка этого проекта производится по тому, насколько такая утопия реализуема, а процессуальная оценка — насколько система А. Кожева смогла разобраться с затруднениями гегелевского изложения. Но это слабые формы представления кожевской философии. Слабые потому, что не различают вариативные и обязательные элементы. Какие-то положения, изложенные А. Кожевным обязательные, а какие-то легко можно изъять, заменить или улучшить. Но главная слабость состоит в том, что творчество А. Кожева рассматривается как «готовый продукт», как фиксированный проект, утопический или нет, соответствующий действительности или нет. Такой подход, как представляется, не проблематизирует философию А. Кожева. Он может очень много сказать о нём (о А. Кожеве, и в этом смысле статья Б. Гройса замечательная), но очень мало о нас, об актуальной действительности.

Мы предлагаем иное рассмотрение философии А. Кожева. Важно понять в чём проявляется симптоматичность его идей. Раз, с точки зрения Г. Гегеля, философская рефлексия возникает в определённых исторических условиях, а не просто волевым усилием [16, с. 43], то

каковы эти условия? Однако это также предполагает, что мы ответили на другой вопрос: в чём важность выявления подобных условий, зачем их выявлять? Забегая вперёд, сразу скажем, что условия кожевской философии находятся в эстетической плоскости. Современная культурная ситуация некоторыми авторами описывается как «эстетическая рациональность» [21, с. 20—45] (то есть не рациональность, основанная на разумном отображении онтологической действительности, а основанная на субъективном суждении, и порождаемой этим плюральности и конфликте равнозначных интерпретаций). Эстетика, зачастую оказывается единственной дисциплиной, способной ответить на множество вопросов и разъяснить множество проблем настоящего времени. При этом и само понятие «эстетика» и границы самой дисциплины трактуются довольно широко, что не идёт на пользу её ясности. В этом смысле, между А. Кожевом и эстетической рациональностью возникает следующее взаимное отношение. Философия А. Кожева позволяет понять в более строгом ключе то, о чём вообще идёт речь при употреблении рубрики «эстетическое». Эстетика же позволяет вычленивать те условия и те обязательные элементы философии А. Кожева, которые являются симптоматичными к нашей культуре и, в не последнюю очередь, к её политической сфере, раз уж эта сфера была основным предметом данной философии. Так в чём же эта симптоматичность и что же она позволяет нам увидеть?

Философия Смерти как путь к Эстетизации

В философском наследии А. Кожева есть один небольшой текст, который колоссально облегчает сепарацию обязательных и необязательных элементов его философии. Этот текст называется «Идея Смерти в философии Гегеля». В самом его начале А. Кожев обращает внимание на то, что Г. Гегель понимал свою философию как «абсолютную» [17, с. 135], т. е. сводимую к некоторому

набору положений, не подлежащих сомнению, и являющихся итогом европейской рефлексии как таковой (от себя добавим: классической рефлексии, т. е. метафизического поиска основания мира). Собственно, в этом тексте и представлена та линия рассуждений, которая характеризует гегелевскую систему (т. е. систематическое изложение феноменологии Духа, предпринятое Г. Гегелем) как абсолютную, тот набор положений, которые являются, как об этом было сказано выше, обязательными. Каковы же эти положения?

А. Кожев обращает внимание на то, что практически вся философия Г. Гегеля может быть воспроизведена из одного единственного тезиса с небольшим набором уточнений. Тезис этот гласит, что Дух необходимо понимать не как субстанцию, а как субъект. Уточнения же, следующие: субъект есть ограниченный во времени и пространстве Рассудок, при этом Рассудок сознаёт свою ограниченность, т. е. смертность; рассудок осуществляется в дискурсе как акт, поэтому, в субстанциональном смысле духа-субъекта нет, он понимается как Субъект-Ничто, как артикуляционный эффект языковой деятельности. В акте осознания, субъект постигает весь мир, но всякий раз обращаясь к истоку самой способности осознавать предметный мир он наталкивается лишь на саму способность к сознанию (процесс), не обнаруживая самого себя (сущность). Субъект дан самому себе лишь как пустота. Именно поэтому гегелевско-кожевский субъект — это Субъект-Ничто [17, с. 131-156].

В этом смысле, развитие Духа является историчным, Абсолютный дух не существует неким образом сразу¹, но разворачивается в дискурсе, то есть имеет принципиально историческую природу, не осуществляется каким-либо образом иначе, кроме как в акте исторического творчества субъекта. Творчество же такого субъекта характеризуется свободой, так как Рассудок противопоставляется Природе. Человек

¹ Это явно не Бог, и вообще для А. Кожева характерен радикальный атеизм

есть сама способность сказать жизни «нет», отрицать налично данное, отрицать своё собственное природное существование, и, отрицая, создавать существование, не сводимое к нормальному и естественному течению природных процессов. Такое существование и будет царством дискурса, или, иными словами, Культурой. Свобода человека проявляется в отношении Природы как способность именовать вещи и их дискурсивно осмыслять без всякого на то основания (свобода фантазии). Свобода есть также и свобода от внешних обстоятельств существования, от гнёта необходимости, пусть даже такая свобода и осуществляется как добровольная и осознанная смерть [17, с. 187—192].

Именно этот второй аспект свободы и создаёт специфику исторического развёртывания дискурса: борьбу. Субъект утверждает себя в борьбе, ища в этой борьбе не удовлетворения природных склонностей в пище и половом влечении, а утверждая себя как нечто существующее. Важным уточнением для этой системы является то, что Рассудок, сознающий свою конечность и ограниченность, стремится расширить собственные пределы, утвердив себя в борьбе за признание². Нерешаемым же затруднением такой борьбы является то, что субъект каждый раз втягивается в борьбу за признание лишь из-за того, что его внутренняя пустота нестерпима, он не в состоянии смириться с тем, что он Субъект-Ничто³ [25, с. 16—27]. Поэтому субъект постулирует себя как некое сущее (субстанция души), а все проекты и идеи своего творчества, как нечто существующее на основании истины, соответствия и т. д., т. е. речь идёт о Логоцентрическом представлении о тех дискурсах по поводу и посредством которых осуществляется борьба. Из-за того, что борьба призвана снять проблему внутренней пустоты, она апеллирует лишь к другим таким же

² Говоря лакановским языком: Субъект желает желания Другого.

³ Речь идёт о том ужасе, который испытывает Субъект в осознании своего отношения к Ничто.

существом, терпящим эту внутреннюю пустоту¹. Отсюда следует, что борьба осуществляется между субъектами по вопросу господства и подчинения, что в гегелевской философии находило отображение в диалектике Господина и Раба. Однако эта бинарная пара не может существовать, так как Раб не признаётся человеком, а о каком тогда признании Господина может идти речь? Кроме того, Раб обретает признание от своего труда, как борьбы с Природой, но не по своей воле, а по воле Господина и по причине животного страха перед смертью (надо работать, чтобы жить), при этом страх смерти — есть специфическая черта субъекта, как существа, трансцендирующего себя во времени. Поэтому, с одной стороны, система Господин-Раб не работает, а с другой, разворачиваясь в Истории, он не исчезает моментально, а лишь по прошествии длительного времени приводит к синтетическому снятию в лице Гражданина [17, с. 193—196].

Вот основные положения, которые являются обязательными, по мнению А. Кожева в гегелевской системе. Они и занимают центральное место. Столь нескромной характеристике как «абсолютная» философия обязана именно им. Конечно, в процессе ознакомления может возникнуть сомнение в «несомненности» абсолютной философии, но это сомнение попадает в ряд умело составленных А. Кожевом ловушек.

Во-первых, сразу можно отметить все возражения, которые завязаны на более ранних работах² А. Кожева, таких как «Декарт и Будда» (1920) или же «Атеизм» (1931) [14]. В них, можно сказать, ещё лишь выкристаллизовывается кожевская интерпретация Г. Гегеля, поэтому эти работы наполнены странными ходами, такими как аргументы в пользу атеизма на примере спора с Р. Декар-

ртом³ и т. д. Здесь виден ещё незрелый А. Кожев, и попытка апеллировать к таким текстам заведомо неудовлетворительна, однако встретить можно и её [18, с. 33—47].

Во-вторых, А. Кожеву серьёзно играет на руку простая и ясная позиция, сводимая к малому набору тезисов. Рассудок, мысля предмет не может мыслить исток мышления, потому как мыслить мышление требует мышление мышления и т. д. до бесконечности. В итоге саморефлексия всегда сталкивается с феноменологическим представлением о Ничто (как у М. Хайдеггера [25]) ведь исток мышления отдаляется. При этом сам акт мышления обнаруживающий себя как Ничто (схожие рассуждения представлены у М. Шелера [27, с. 153]) предельно строго сформулирован: Либо существо конечное, мыслящее и смертное, либо существо не конечное (длится неограниченно долго), но тогда оно тотально сущее, не членимое, а следовательно, неопредмечиваемое и не опредмечивающее, а следовательно, не мыслящее (мыслить можно сугубо предметно), а следовательно, его и нет, так как его нельзя артикулировать. В этом отношении ставка А. Кожева безукоризненна, либо мы есть, но Бога нет. Либо Бог есть, но нас нет. В любом случае человек имеет дело с пустотой. Важно отметить, что эта мысль, встречающаяся и у названных выше иных авторов, является для кожевской философии обязательной, что не случайно. Это исторический итог рефлексии европейской философии о категории самости.

Что же касается диалектики Раба и Господина, то это, хоть и представленное в тексте об «абсолютной» философии, рассуждение носит случайный характер. Вернее, случайно и вполне заменяема форма борьбы между Господином и Рабом, однако же утверждение себя в конфликте с другими (война) или природой (труд) не случайно. Различные

¹ Пассивность природы не даёт того же эффекта от её подавления, как подавление активной воли Другого. Поэтому даже борьба с Природой требует признания со стороны другого Человека — дискурсивного свидетельства, единственно имеющего силу в дискурсивной вселенной сознания.

² «Идея смерти в философии Гегеля» датирована 1947 годом.

³ Явное нарушение кожевской же идеи о радикальном отличии Природы и Человека, в то время как для Р. Декарта рассудочные (через мышление Природы, а не Свободы) аргументы всё ещё имеют силу.

случайные формы реализации этого неслучайного условия существования человека можно найти у Р. Жирара [13, с. 409] или, например, Ж. Батая [2, с. 77]. И если с диалектикой Господина и Раба легко можно поспорить, то развёртывание человека в борьбе опять же отсылает к описанной ставке: либо человек есть отрицание Природы, либо человека нет вовсе. Оба варианта А. Кожева устраивают, оба они имеют одинаковый смысл [8, с. 49—50]. В конечном итоге можно усомниться в чём-то, но в Ничто усомниться нельзя. Это Ничто является обязательным условием либо выбора в пользу человека, либо в пользу Бога, но несомненным является логическая автоматика кожевской системы равно приложимая и к первому, и ко второму. В конечном счёте, любое рассмотрение таких предельных понятий как Человек или Бог связано с Ничто, ведь Абсолют с необходимостью содер­жит своё собственное отрицание.

Именно этот набор тезисов об ограниченности и конечности духа автоматически, как на это указывает сам А. Кожев, делает всю эту систему радикально атеистической¹. Если Рассудок вообще хоть как-то существует, то только в своей ограниченности и конечности, то есть в смертности, или, в связи с его дискурсивным развёртыванием, только как Субъект-Ничто. Постулировать возможность существования Бога лишь как Субъекта-Ничто и есть, формально, атеизм². Поэтому А. Кожев и называет систему Г. Гегеля «Философией Смерти» [17, с. 146—147]. Смерть играет здесь главную роль в понимании функционирования гегелевской философии. Важнейшим же выводом из этого является то, что Метафизическим основанием мира является не некий внеположный Логос, а Ничто. Основание мира — это пустота. Поэтому никакая Великая Идея не обладает «подлинным» содержанием. Если что-то превышает всего, то это что-то может быть только Ничто, пото-

му как превыше Всего только Ничего. Осознание пустоты оснований мира происходит не сразу, хотя, как кажется, могло произойти и многим раньше, уже в христианстве [22, с. 214], или даже в античности³ [23, с. 255—259]. Но осознание Пустоты — это исторический факт, знаменующий собой собственно Конец Истории, окончание борьбы и приход к пониманию радикальной бессмысленности таковой. И как историческому факту ему требовалось вызреть во всех тех перипетиях исторического процесса, что вершились в Европе до середины XX века.

Именно в этот момент и заявляет о себе эстетика. А. Кожев указывает на эстетику как на систему, подвешенную в пустоте, неявно отсылая к кантовской идее о том, что эстетика существует как «целесообразность без цели», сама эстетика — первый звоночек Философии Смерти, ведь если Бога нет, то откуда красота? А если Бог есть, то конечно же красота от него, и эстетика как дисциплина выводящее чувство прекрасного и возвышенного из сферы субъективных способностей вообще не нужна [14, с. 21—55]. Этот формализм целесообразности без цели даёт возможность взглянуть на эстетику как на дисциплину деонтологизации. До тех пор, пока онтология представляется надёжной сферой рассуждений, эстетика не нужна. Картезианское сомнение заложит основы деонтологизации, а кантовский критический переворот станет как раз тем условием, своего рода, отказа от онтологии, или, как минимум, потери нашего наивного отношения к онтологии как к сфере рассудочного познания.

Таким образом, для А. Кожева любящая форма является формой без содержания, а эстетическое отношение есть лишь полное осознание и принятие этого факта. Иными словами, Философия Смерти воспроизводит эстетическое представление автоматически, эстети-

¹ «Радикально» подчёркивает здесь то обстоятельство, что пустующее место Бога не может быть занято никаким суррогатом божественного.

² Бог без рассудка уже не Бог, а Природа.

³ В этом смысле примечательно рассуждение Сократа в диалоге с Алкивиадом, где к понятию души он приходит с помощью последовательного отрицания сущего.

зация присуще ей с той же неуклонной необходимостью, что и атеизм.

Эстетизация, формализация и эстетический опыт

Фундаментальная важность эстетики для А. Кожева проявляется как итог его философского проекта, как постулирование примата эстетического в условиях радикальной деонтологизации, вызванной Философией Смерти. Для А. Кожева эстетика является важной темой именно в том измерении, в котором приходится говорить об эстетическом опыте. А. Кожев не приводит эстетику к виду философии искусства, хотя ряд его собственно эстетических работ и посвящены живописи, в частности живописи В. Кандинского. Именно текст «Конкретная (объективная) живопись Кандинского» [15, с. 258—294] и содержит в себе это состояние выведения эстетики в сферу свободную от философии искусства, хоть и апеллирующую к последнему как к примеру.

Первое, на что стоит обратить внимание при анализе этой статьи, так это на то, что А. Кожев сразу же определяет искусство дискурсивным образом по отношению к Ничто [15, с. 259]. Сфера искусства противопоставляется утилитарности. Многие вещи могут быть прекрасными (для нас), у них есть ещё что-то (для нас, какая-то конкретная польза для конкретной цели, например, на красивом автомобиле можно кататься¹). У искусства же *нет ничего*, кроме того, чтобы быть прекрасным. Это сразу же даёт понять, что искусство становится таковым лишь в сфере субъективного опыта (то есть в спонтанном Со-Бытии Субъекта-Ничто и Мира как внешнего представления). Мы не говорим в данном случае об оценке, потому как картины могут нравиться или не нравиться, но если даже в безобразных

картинах обнаруживают собственно картину, то, безотносительно субъективной оценки, она переживается как субъективный опыт прекрасного, пусть и неудачного [15, с. 261]. Далее А. Кожев описывает различие субъективного и объективного искусства на примере живописи. Субъективное искусство — это, собственно, выразительное искусство, где субъект свободно фиксирует некоторую природную, в значении внешне существующую, данность, и выражает её на холсте. Например, картина на которой изображено прекрасное дерево. Объективная же живопись, это, например, живопись В. Кандинского, которая не выражает реальные объекты, а формирует изображение без референта к действительности (чистые цвета или геометрические фигуры). По этой причине данная живопись и является объективной, так как субъект не фиксируется произвольно на некотором аспекте сущего. Из этого рассуждения А. Кожев делает довольно любопытный вывод: изобразительное искусство абстрактно, по той причине, что художник выражает некоторый абстрактный образ дерева, а не конкретно дерево (в последнем случае дерево, стоило бы поставить на место картины, что, конечно же означает уничтожение дискурсивности²) [6, с. 23]. Конкретное же искусство, наоборот, не выражает некую абстракцию, а выражает прекрасное без отсылки к внешней действительности, т. е. выражает без природы выражаемого (т. е. чистое Творчество). Именно таковое искусство и будет тотальным, так как не зависит от абстрактной субъективной воли, а соотносится с конкретным и объективным положением дел, пусть даже такое положение дел и является дискурсивным, т. е. субъективным, но это, как ни странно, объективность внутри субъективного представления, не отсылающая ни к чему иному, кроме как к самому себе.

На первый взгляд, эта работа А. Кожева носит весьма скромный характер

¹ Важно отдавать себе отчёт в том, что аспект искусства может быть сепарирован. Какой бы полезным не был автомобиль — его красота существует как бы сверх того, как нечто необязательное. В конечном счёте, картина может выполнять функцию загораживания дырки в стене.

² Хотя не всё так просто, ведь и представление о дереве как о прекрасном дереве уже есть дискурсивная операция.

и занимает побочное положение в его философии. Происходит странное переворачивания представлений об абстрактной/конкретной живописи. В лучшем случае статья иллюстрирует актуальные на момент её написания (1936 год) тенденции в искусстве, в худшем, является формой пиара родственника (В. Кандинский — дядя А. Кожева). В то же время, статья приобретает центральное значение для философии А. Кожева если проанализировать её под иным углом.

Эстетика для А. Кожева — это сфера чистого формализма, выражения без природы выражаемого, деонтологизированная сфера. Там, где речь идёт о выразительной живописи А. Кожев подчёркивает, что речь идёт ещё не о чисто эстетическом, что эстетическое мыслится абстрактно и субъективно, что живопись здесь может смешиваться с иной формой благоволения, а именно быть просто фиксатором красоты реального дерева. Но даже в такой абстрактной живописи сфера эстетического предстаёт в полной мере пустой, в сфере отрицания конкретности дерева. Различие между абстрактной и конкретной живописью не столь принципиально, если обратить внимание на сам принцип их разделения и отделение сферы искусства от иных сфер — отрицания налично данного. В этой связи А. Кожев говорит о музее абсолютного искусства [15, с. 264], где всё, что определяется как картина, а не случайное (естественно-природное) стечение обстоятельств, уже есть искусство. Иными словами, в основе эстетики лежит не аксиологическое условие (нравится), а гносеологическая установка (узнаю), или, иными словами, приматом эстетики является не эстетическая оценка, а эстетический опыт. Здесь, волей-неволей, реализуется классическое, буквально первое, представление об эстетике как «низшей форме гносеологии» [4, с. 454—455]. Эстетика оказывается для А. Кожева гносеологической формулой анализа условий отношения человека к миру.

По этой причине в центре «кожевской эстетики» стоит эстетический

опыт: такое отношение Субъекта-Ничто и Бытия, которое раскрывается в дискурсивном выражении, но так как такое отношение всегда является отрицанием, то это выражение без природы выражаемого (но не без выражаемого в принципе), т. е. Творчество. Иными словами, выражая дерево я выражаю формальную составляющую, имеющую смысл лишь в самом акте выражения, то есть прекрасное, без относительно к дереву, в дискурсивном отрицании дерева. Позади искусства не стоит ничего, его основание — это Пустота. Поэтому А. Кожев так интересовался японской культурой, которая, по европейским меркам, в связи со своей ритуальностью, является пустой формой [1].

Именно в перспективе эстетического опыта необходимо трактовать и идею Конца Истории, на которую обычно и обращают внимание при работе с кожевской интерпретацией Г. Гегеля. Эта гегелевская идея встречает самую разнообразную критику. Первым крупным возражением была идея Ф. Ницше о вечном возвращении, где каждое повторение истории есть автоматически новая история, потому как это повторение + знание о повторении и т.д. То есть историю закончить невозможно [9, с. 64—85]. Существуют и иные формы возражений, начиная от теоретических [11] и кончая эмпирическими. Однако от Конца Истории нельзя отмахнуться так легко как кажется. Конец Истории — это обнаружение того, что всякий человеческий опыт не есть опыт Бытия, но лишь опыт Творчества. Не онтологический, а эстетический опыт. Вместо онтологической Истины как чего-то сущего мы обнаруживаем лишь феноменологическую пустоту субъекта. Культура становится пустой. Само рождение дисциплины «эстетика» — симптом подобной пустоты. В конце истории может существовать только эстетическое Искусство, как, впрочем, и только такая эстетическая Культура, которая не претендует ни на какое схватывание содержания, а уж тем более на какую-то правоту или же превосходство, относительно иных пустых форм. Все формы

находятся на одной дистанции от Истины-Ничто. Ведь и Истина, не существует как субстанция, но только как субъект. Эта эстетическая идея и является обязательным элементом кожевской философии — она играет роль гносеологического базиса его рассуждений. Но оценить всю суть этой эстетической идеи можно только в сфере применения, которая и составляет основную форму философствования А. Кожева — политическая философия.

Тотальное государство эстетики

А. Кожев, возводя искусство в ранг вещи-в-себе-к-пользе, указывает на автономность эстетического как такового. Эта автономность указывает и на дискурсивность выражения, как на автономное предприятие, на тотальность пустого формализма как на единственно возможную тотальность. Безусловно, такое положение дел приведёт к конфликту с одним из доминирующих принципов политики начала прошлого века: с тоталитаризмом.

В первую очередь, это личный конфликт самого А. Кожева. Советская Власть, строя тотальное государство не может вынести А. Кожева (да и его дядю В. Кандинского, да и множество иных оппозиционеров и несогласных) с их искусством «в-себе-и-для-себя», с их идеями не для советского государства. Оно не служит установлению коммунизма (избегает тотальности, мобилизации для нужд рабочих и крестьян), а значит оно бесполезно. Но для А. Кожева, как и для его дяди, бесполезное не равно вредное. Для тотальной же системы бесполезное есть балласт, а балласт вещь вредная, тормозящее движение к светлому будущему [3, с. 77-81]. Вся эта неприязнь усугубляется ещё и тем, что А. Кожев работает с гегельянской позицией, причём, в отличии от множества иных оппонентов марксизма, с безапелляционно гегельянской позицией, не терпящий компромиссов ради ухода от острых углов этих учений. Могло ли найтись в нарождающемся СССР место для такого философа?

Здесь-то и происходит переход к практическим следствиям эстетизации. Для Советской власти Истина понимается в субстанциональном ключе, это что-то, притом мыслимая как нечто такое, чьи характеристики известны, хотя бы апофатическим (через логическое отрицание) образом. Поэтому Советская Власть высылает ненужную ей интеллигенцию, ведь она не вписывается в новые условия существования. Однако это сразу же высвечивает невозможность Советского проекта как тотально-абсолют с неизбежностью содержит и своё собственное отрицание. Советская же власть не может выдержать оппозиционную интеллигенцию идейно, а не по причине её какого-то неправового поведения (например, если бы такая интеллигенция занималась разбоем, диверсиями и т.д.). Невозможность классического тоталитаризма добиться своего происходит в силу того, что тоталитаризм, претендуя на, собственно, тотальность, делает это субстантивно-позитивным образом, содержательно. Партия стремится привести к содержанию марксизма государство, или же убрать то, что к этому содержанию не приводится (пусть даже такая партия, и, соответственно, такое государство и провозглашает, что для него марксизм не «догма, но руководство к действию»).

Как бы в пику подобной неудаче проекта тоталитарного государства, А. Кожев выдвигает идею «тотального государства» [7]. Тотальное государство может быть осуществлено лишь как пустая форма, неудержимая в том, что какой бы антитезис вы ему не выдвинули, оно везде узнает самоё себя, ведь такое государство может быть тотальным, только как априорный абсолют, поглощающий всё, ведь абсолюту присуще даже собственное отрицание. Тотальное государство есть государство пустое (= формальное), а значит оно эстетическое. Это единственная возможность полной реализации тоталитаризма, и, в то же время, недостижимый для него идеал. Недостижимый в своей отвратительности для всякой претензии на субстантивную,

содержательную Истину. Именно поэтому, будучи, в сущности, белоэмигрантом, А. Кожев был сталинистом. В фигуре И. В. Сталина он видел (в той мере, в которой это вообще реально делать находясь во Франции, в эмиграции) фигуру тирана-философа, действующего из тотализирующей политической идеи (марксизм-ленинизм), но отрицающей субстантивацию оснований (ропуск Коминтерна; Большой Террор, первыми жертвами которого стали самые идейные коммунисты, сближение с православной церковью в годы Великой Отечественной войны). По мнению А. Кожева, только такое государство и могло бы быть Государством Конца Истории. Тотальным государством эстетического [7].

А. Кожев указывает на то обстоятельство, что Конец истории характеризуется эпохой «конца убедительной речи». Субъект, отрицающий наличное данное, создаёт пространство дискурса, в котором он обладает «абсолютной властью». Идея переубеждения, подчинения Истине, строилась на, по сути, античном концепте Модельного знания [11], идеи подразумевающей, что позади дискурса есть субстантивная истина, а не Истина-Ничто. Историческое осознание Ничто позади Дискурса лишает речь даже иллюзии убедительности (неубедительной она была всегда, ведь Субъект неотделим от своей свободы добровольного согласия или же добровольной гибели, если иной Субъект настаивает на своей правде до конца) [17, с. 150]. Отсюда и вытекает необходимость Тотального государства эстетики, ведь выходит так, что многообразие дискурсов не сводится к некоему единому основанию, иному, кроме как отсутствию всяких оснований, а значит логическое выражение позиций может служить лишь принципу всеобщей сообщаемости, принципу выразительности, но никогда не может служить принципу доказательности и репрезентации, потому как репрезентовать, строго говоря, нечего. Эстетическое правило о том, что о суждениях вкуса нельзя спорить, но можно

только диспутировать [14, с. 184—185] (т. е. нельзя доказывать/опровергать, но только выражать, представлять на суд публики) распространяется на весь Дискурс в целом. Многообразие же дискурсов определено не заблуждениями и не частичными соответствиями к Логосу, но многообразием эстетического опыта, многообразием субъективного узнавания вещей в сенсорных данных, сами же эти вещи оказываются сугубо интимным знанием субъекта. Интимность этого знания описывается меткой христианской формулировкой: «кто хочет словом разъяснить чувство и действие Божьего света людям, не ведающим его, подобен человеку, который захотел бы словами передать сладость мёда тем, кто его не ел» [22, с. 115]. Тотальное государство, будучи таковым без внутренней сути, пустым государством, способно объединить любые дискурсы, не отрицая никакие из них. Тотальное государство — это государство всеобщего принятия, в ясном сознании того, что всё находится на одинаковой дистанции от Ничто. Такое государство противопоставляется национальному государству (А. Кожев вообще был противником последнего) как государство Наднациональное [7]. Как пишет об этом Б. Гройс, А. Кожев был не только теоретиком подобного государства, но и его практиком, что нашло выражение в его дипломатической работе внештатного консультанта министерства экономики Франции. А. Кожев был одним из участников составления Римского договора, который, в дальнейшем, приведёт к созданию Европейского Союза [7].

Таким образом, замыслом А. Кожева была такая политическая философия, которая реализуется в свете эстетического опыта. При этом сама эстетика у А. Кожева сводится к гносеологической операции узнавания, к эстетическому опыту выражения сырых сенсорных данных в формулировке искусства, безотносительно к какой бы то ни было пользе (это видно на примере анализа творчества его дяди). В то же время эта ранняя статья А. Кожева лишь прояс-

няет эстетическую специфику его философии. Сам же он переносит эстетический опыт из сферы искусства в сферу политики, так как и сама политика не несёт пользы, ведь польза — это производное от животного-природной стороны человека, тогда как жажда признания, лежащая в основе политики, заставляет отрицать налично данное, идти против пользы. В этом отношении любое человеческое творчество есть, в некотором смысле, искусство, так как оно везде пронизано отрицанием полезного, и лишь сферу искусства как таковую мы можем выделить как сферу не только отрицающую, но и отринувшую пользу, в то время как все прочие сферы отрицают, но не могут (пока что?) отринуть пользу. Это означает, что нам уже ясен ответ на вопрос о том, какая связь между Ничто и эстетикой: любое предметное рассуждение в свете Ничто становится эстетическим. Это особенно хорошо видно в моменте, где А. Кожев рассуждает об «абсолютной власти в дискурсе» и о «конце эпохи убедительной речи». Убедиться можно только из внутреннего опыта, поэтому любая формально-логическая процедура может лишь объединять опыты на равных условиях, не имея никакой возможности их сравнения с внеположным основанием (что довольно сильно напоминает принципы патафизики, изложенные А. Жарри [12, с. 261—349]). Любой опыт оказывается эстетическим.

Заключение

Итак, в чём же проявляется симптоматичность философии А. Кожева для нашей эпохи? Что нам необходимо увидеть на примере его философии? Ответ прост: всякая человеческая практика Истины оказывается практикой Творчества. Когда в том или ином дискурсе (лучше всего это видно в политической сфере, но и другие сферы не исключение, например, научная сфера, как на то указал П. Фейерабенд [24, с. 20—23]) настаивают на онтологическом знании, на знании того, как правильно, как истинно и т.д., то мы имеем

дело не с достоверностью, а с претензией на престиж, не с Нечто истинным, а с истиной-Ничто. Практика такой истины радикально насильственна. Из этого сразу становится ясным для чего нужно тотальное эстетическое государство. Такое государство, по мнению А. Кожева, является единственной альтернативой всеобщей кровавой бойне, где каждый претендует на свою правоту, без возможности её аргументировать. Конец эпохи убедительной речи — это открытие эпохи принуждающего оружия. В этом и стояла задача А. Кожева, хорошо проанализированная Б. Гройсом. И если такой проект можно оценивать как утопический и спорный, то это кое-что говорит о современном положении дел.

Хорошим примером этого тезиса может быть уже упоминавшаяся борьба с оппозицией в Советской России, в частности, «философский пароход» (т.е. высылка философов-оппонентов Советской власти за границу по решению руководства СССР в 1922 г.). В этом контексте любопытна фраза Л. Д. Троцкого: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно» [26, с. 265—268]. В этом состоит двойственная позиция русской эмигрантской философии по отношению к большевизму: занимая иную политическую позицию, она высказывает истину большевиков, не будучи ими, так как, выражаясь в духе Ж. Лакана [19, с. 75—78], существование чего-либо всегда связано с сокрытием своей собственной Истины.

Философскую оппозиционную интеллигенцию нельзя привести к некой формуле внешнего по отношению к любому дискурсу основания, с помощью которой её можно было бы уличить в неправоте. Также такую интеллигенцию нельзя переубедить (в большевизм) или же разубедить (вывести из их дискурса), по причине того, что никакая внешняя (к дискурсу вообще) сила их не касается. Строго говоря, сугубо дискурсивная оппозиционность с трудом позволяет их подвести даже под уголовно-политическую статью контрреволюционной

деятельности, потому как такая оппозиция не деятельна, а именно что дискурсивна. Весь грех этой интеллигенции состоит лишь в том, что её дискурс не является большевистским. Ни больше, ни меньше. Не будучи ни тезисом, ни антитезисом большевизма, этот дискурс приоткрывает завесу дискурса последнего, исподволь демонстрируя пустоту его основания, невозможность претендовать на тотальность и в то же время обосновывать себя так, будто большевизм соответствует некоей субстантивной Истине. Конечно же, такой дискурс, нетотализируемый, балластный, вредительский своей бесполезностью и должен быть изъят из общественного поля.

Однако же и большевизм высказывает Истину дискурса философской оппозиции, демонстрируя, что та сила отталкивания, та несводимость, порожденная разностью дискурсов, удерживается скрытой претензией на собственную тотальность. Философия представителей белоэмигрантской интеллигенции ведёт свою борьбу за собственный престиж, на своём собственном уровне, и верность этим воззрениям точно такой же политической жест, как и жест большевиков. Им двоим в равной мере не хватает знания о собственных основаниях, чтобы понять, что этот жест был, в сущности, эстетическим. Философский пароход и Большевизм — это две стороны одной медали русской философии в частности, и, на их примере, Дискурса вообще. Каждая из этих сторон знает Истину другой, но скрывает свою, и эта зеркальность окупается тем, что Истина у них одна на двоих. Отсюда и эта странная фигура А. Кожева, белоэмигранта-сталиниста. Это лишний раз напоминает нам, что не существует какого-то конкретного «Властного дискурса», но наоборот, любой дискурс может занять место Власти, и более того, любой дискурс структурно к этому стремится (каким бы освободительным или же оппозиционно-плюральным он не казался).

В современности же этот принцип действует ещё более явно. Множество современных идеологий являются

лишь эстетическими проектами, лишь некими «гармоничными» формами представления жизни. В работе Г. И. Мусихина «Очерки теории идеологии» дана прямая связь между эстетикой и политическими идеологиями и движениями современности [20, с. 17]. Эстетика является наиболее удобной дисциплиной для их анализа именно по причине пустоты любой идеологии (чуть ли не в форме «ложного сознания»), и в то же время её неизбежности (кроме идеологий ничего нет, поэтому это не ложное сознание просто в силу того, что оно единственное). Однако в работе Г. И. Мусихина есть одна любопытная оговорка: «Кантовская рационалистическая мораль всегда смущала сторонников политического прогресса «лояльным» отношением к абсолютизму» [20, с. 24]. В политической философии И. Канта субъективное усмотрение целесообразности (описываемое эстетикой), или же то, что является механизмом идеологии на индивидуальном уровне (по Г. И. Мусихину) должно быть компенсировано формальной системой. Смущение проистекает из того, что эстетика — дух буржуазного освобождения суждений должна быть мгновенно подавлена некоей пустой, ритуализованной бюрократией. Почему? Просто потому, что многообразие эстетических, а следовательно, не подлежащих спору (то есть аргументировано не доказуемых) суждений приводит к конфликтам. В эпоху конца убедительной речи убеждает насилие (если мы не можем апеллировать к онтологической реальности, остаётся лишь настаивать на своём в борьбе, вопреки мнению другого). В этом отношении, важно помнить указание К. Шмитта о том, что отказ от политики является политическим жестом, хоть и последним. Прерывание содержательного дискурса дискурсом пустым и формальным — есть последняя претензия, есть последнее содержание [28, с. 8—15].

Всё это и порождает тот клубок противоречий, что пытался распутать А. Кожев. Конец Истории демонстрирует Истину Ничто, но от неё можно за-

крыться просто настаиванием на своём дискурсе, однако последовательное настаивание есть настаивание в сознании пустоты дискурса. Пустой дискурс, циничный разум, должен был бы быть избавлен от идеологии, но избавится от неё — избавиться от мышления как такового. Конец истории — это конец борьбы, но в мире, где каждый настаивает на своём без возможности переубедиться — борьба накаляется до предела.

Было бы наивно оценивать философию А. Кожева, его интерпретацию Г. Гегеля лишь по неудаче распутать этот клубок. И было бы в корне неверно считать, что неудача А. Кожева в этом — свидетельство того, что этого клубка нет вовсе. В этом смысле, самая большая опасность для пустой эстетизации, это её радикальная переносимость классическим разумом (субстантивным и детерминистичным). А. Кожев одна из тех фигур, которые, как известно, знает слишком невыносимые вещи (он знает, что Истина Мира — это Пустота). Любая теория, обнаруживающая принцип Смерти внутри себя, растворяется под его действием, приобретает странную пустую форму [5, 274—275]. Такая теория теряет то, что делает, в некотором смысле, теорию теорией: возможность различия между достоверностью и заблуждением, ведь эта диспозиция смята нейтральностью эстетического опыта

Симптоматичность философии А. Кожева в этом наборе противоречий. Современная эпоха — это эпоха возрастающего насилия. Конец Истории не является концом борьбы. Современные общественные движения инклюзивности (включение во всё приемлющую пустую форму), фундаментализма (настаивание на своём дискурсе в условиях неубедительной речи), рационального расчёта и престижа — всё это находит своё отображение в кожевском тексте.

Неспособность А. Кожева распутать эти противоречия — отображение нашего собственного бессилия. Говорят, что несоответствие фактов гегелевской философии было бедой для самих фак-

тов. В случае философии А. Кожева — это наша беда.

1. Барт, Р. Империя знаков / Р. Барт. — М. : Праксис, 2004. — 144 с.

2. Батай, Ж. Проклятая часть: сакральная социология / Ж. Батай. — М. : Ладомир, 2006. — 742 с.

3. Бауман, З. Актуальность холокоста / З. Бауман. — М. : Издательство «Европа», 2010. — 316 с.

4. Баумгартен, А. Эстетика / А. Баумгартен / История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. 2. М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1964. С. 454-455.

5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и Смерть / Ж. Бодрийяр. — М. : «Добросвет» 2000 — 387 с.

6. Гегель, Г. Ф. В. Лекции по Эстетике. К. 1. / Г. Ф. В. Гегель. — М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. — 472 с.

7. Гройс, Б. Романтическая бюрократия. Постисторическая мудрость Александра Кожева / Б. Гройс. — URL: https://redmuseum.church/groys_kojeve (дата обращения: 08.07.2023).

8. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. — М. : Академ. Проект, 2011. — 472 с.

9. Делёз, Ж. Ницше и философия / Ж. Делёз. — М. : Ад Маргинем, 2003. — 394 с.

10. Деррида, Ж. Призраки Маркса / Ж. Деррида. — М. : Logosaltera : Левая карта, 2006. — 256 с.

11. Егоров, П. А. Проблема использования категории противоречия в конфликтологии / П. А. Егоров // Конфликтология, Ежеквартальный научно-практический журнал. 2023. — Т. 18, № 1. С. 51—69.

12. Жарри, А. «Убью король» и другие произведения: пьесы, романы, эссе / А. Жарри. — М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, 2002. — 603 с.

13. Жирар, Р. Насилие и священное / Р. Жирар. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 448 с.

14. Кант, И. Сочинения : в 8 т. Т. 5 / И. Кант. — М. : Чоро, 1994. — 414 с.

15. Кожев, А. Атеизм и другие рабо-

ты / А. Кожев. — М. : Праксис, 2006. — 512 с.

16. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 год в Высшей практической школе / А. В. Кожев. — СПб. : Наука, 2003. — 792 с.

17. Кожев, А. Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. — М. : Логос : Прогресс-Традиция, 1998. — 208 с.

18. Курилович, И. С. Мышление бесконечного как эпистемологическая проблема философской системы А. Кожева / И. С. Курилович // Философский журнал. — 2019. — Т. 12, № 3. — С. 33—47.

19. Лакан, Ж. Изнанка психоанализа. Семинар 17 (1969/1970) / Ж. Лакан. — М. : Гнозис : Логос, 2008. — 272 с.

20. Мусихин, Г. И. Очерки теории идеологии / Г. И. Мусихин. — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. — 288 с.

21. Никонова, С. Б. Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление / С. Б. Никонова. — М. : Согласие, 2012. — 416 с.

22. Палама, Г. Триады в защиту священо-безмолствующих / Григорий Палама. — М. : Канон, 1995. — 384 с.

23. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 / Платон. — М. : Мысль, 1990. — 860 с.

24. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд. — М. : АСТ : АСТ МОСКВА : Хранитель, 2007. — 413 с.

25. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / Мартин Хайдеггер. Статьи и выступления. — М. : Республика, 1993. — С. 16—27.

26. Хрестоматия по истории России: 1917—1940 / под ред. проф. М. Е. Главатского. — М. : Аспект Пресс, 1994. — 352 с.

27. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. — М. : Гнозис, 1994. — 490 с.

28. Шмитт, К. Политическая теология : сборник / К. Шмитт. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. — 336 с.

References

1. Bart R. (2004) Imperija znakov [Empire of signs]. Moscow, Praksis, 144 p. [in Rus]. 2. Bataj Zh. (2006) Prokljataja chast': sakral'naja sociologija [The cursed part: sacral sociology]. Moscow, Lodomir, 742 p. [in Rus].

3. Bauman Z. (2010) Aktual'nost' holokosta [Relevance of the Holocaust]. Moscow, Izdatel'stvo «Evropa», 316 p. [in Rus].

4. Baumgarten A. (1964) Jestetika [Aesthetics]. *Istorija jestetiki. Pamjatniki mirovoj jesteticheskoj mysli*. Т. 2. Moscow, Izdatel'stvo Akademii hudozhestv SSSR, pp. 454-455 [in Rus].

5. Bodrijar Zh. (2000) Simvolicheskij obmen i Smert' [Symbolic exchange and Death]. Moscow, "Dobrosvet", 387 p. [in Rus].

6. Gegel' G. F. V. (1938) Lekcii po Jestetike. K. 1. [Lectures on Aesthetics, Vol. 1]. Moscow, Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo. 472 p. [in Rus].

7. Grojs B. Romanticheskaja bjurokratiya. Postistoricheskaja mudrost' Aleksandra Kozheva [Romantic bureaucracy. Post-historical wisdom of Alexander Kozhev] [Romantic bureaucracy. Post-historical wisdom of Alexander Kozhev], available at: https://redmuseum.church/grojs_kozeve (accessed 08.07.2023) [in Rus].

8. Deljoz Zh. (2011) Logika smysla [Logic of meaning]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 472 p. [in Rus].

9. Deljoz Zh. (2003) Nicshe i filosofija [Nietzsche and philosophy]. Moscow, Ad Marginem, 394 p. [in Rus].

10. Derrida Zh. (2006) Prizraki Marksa [Ghosts of Marx]. Moscow, Logosaltera, Levaja karta, 256 p. [in Rus].

11. Egorov P. A. (2023) Problema ispol'zovanija kategorii protivorechija v konfliktologii [The problem of using the category of contradiction in conflictology]. *Konfliktologija*, v. 18, no. 1, pp. 51-69 [in Rus].

12. Zharri A. (2002) "Ubu korol'" i drugie proizvedenija: p'esy, romany, jesse ["Ubu King" and other works: plays, novels, essays]. Moscow, B.S.G.-PRESS. 603 p. [in Rus].

13. Zhirar R. (2010) Nasilie i svjashhenoe [Violence and the sacred]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Rus].
14. Kant I. (1994) Sochinenija: v 8 t. T. 5 [Works in 8 volumes. Vol. 5]. Moscow, Choro, 414 p. [in Rus].
15. Kozhev A. (2006) Ateizm i drugie raboty [Atheism and other works]. Moscow, Praksis, 512 p. [in Rus].
16. Kozhev A. V. (2003) Vvedenie v chtenie Gegelja: Lekcii po Fenomenologii duha, chitavshiesja s 1933 po 1939 god v Vysshej prakticheskoj shkole [Introduction to reading Hegel: Lectures on the Phenomenology of Spirit, read from 1933 to 1939 at the Higher Practical School]. Saint Petersburg, Nauka, 792 p. [in Rus].
17. Kozhev A. (1998) Ideja smerti v filosofii Gegelja [The idea of death in Hegel's philosophy]. Moscow, Logos, Progress-Tradicija, 208 p. [in Rus].
18. Kurilovich I. S. (2019) Myshlenie beskonechnogo kak jepistemologicheskaja problema filosofskoj sistemy A. Kozheva [Thinking of the Infinite as an Epistemological Problem of A. Kozhev's Philosophical System]. *Filosofskij zhurnal*, v. 12, no. 3, pp. 33-47 [in Rus].
19. Lakan Zh. (2008) Iznanka psihoanaliza. Seminar 17 (1969/1970) [The wrong side of psychoanalysis. Seminar 17 (1969/1970)]. Moscow, Gnozis, Logos, 272 p. [in Rus].
20. Musihin G. I. (2013) Oчерki teorii ideologii [Essays on the theory of ideology]. Moscow, Izd. dom Vyshej shkoly je-konomiki, 288 p. [in Rus].
21. Nikonova S. B. (2012) Jesteticheskaja racional'nost' i novoe mifologicheskoe myshlenie [Aesthetic rationality and new mythological thinking]. Moscow, Soglasie, 416 p. [in Rus].
22. Palama G. (1995) Triady v zashhitu svjashhenno-bezmolstvujushhih [Triads in defense of the sacred silent]. Moscow, Kanon, 384 p. [in Rus].
23. Platon (1990) Sobranie sochinenij v 4 t. T. 1 [Collected Works in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl', 860 p. [in Rus].
24. Fejerabend P. (2007) Protiv metoda. Oчерk anarhistskoj teorii poznanija [Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge]. Moscow, AST:AST MOSKVA: HRANITEL'', 413 p. [in Rus].
25. Hajdegger M. (1993) Chto takoe metafizika? [What is metaphysics?]. *Martin Hajdegger. Stat'i i vystuplenija*. Moscow, Respublika, pp. 16-27 [in Rus].
26. Hrestomatija po istorii Rossii: 1917-1940 (1994) [Reader on the history of Russia: 1917-1940]. Moscow, Aspekt Press, 352 p. [in Rus].
27. Sheler M. (1994) Izbrannye proizvedenija [Selected works]. Moscow, Izdatel'stvo "Gnozis", 490 p. [in Rus].
28. Shmitt K. (2000) Politicheskaja teologija. Sbornik [Political theology. Collection]. Moscow, KANON-press-C, 336 p. [in Rus].

*Статья поступила в редакцию
18.10.2023*

For citing: Egorov, P. A. Aesthetic experience in the political philosophy of A. Kojève: towards understanding the practice and theory of the total state / P. A. Egorov // Sotsium i vlast/Society and Power. — 2023. — № 4 (98). — P. 21—36. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-00-00. — EDN BWBBJI.

UDC 165.3

EDN BWBBJI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-21-36

AESTHETIC EXPERIENCE IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF A. KOJÈVE: TOWARDS UNDERSTANDING THE PRACTICE AND THEORY OF THE TOTAL STATE

Pavel A. Egorov,

St. Petersburg University of the Humanities
and Social Sciences,
Senior Lecturer, Department of Conflict Studies
Russia, Saint-Petersburg
OCRID: 0000-0002-9477-1310
E-mail: conflictologegorov@gmail.com

Abstract

Introduction. The article is focused on analyzing the aesthetic aspect of A. Kojève's philosophy, the ability of his philosophy, from an aesthetic point of view, to clarify a number of key problems of the modern political and cultural environment. The purpose of the study is to determine the epistemological attitude of A. Kojève's philosophy able to clarify the way in which his philosophy problematizes the current cultural and political reality.

Methods. Hermeneutics, comparative analysis and deconstruction are used as research methods. Comparative analysis allows us to demarcate A. Kojève's own line of reasoning, in the context of aesthetic and epistemological theories, as well as Hegelian themes themselves. Hermeneutics is the central method in the work, since the philosophy of A. Kojève requires interpretation as an aesthetic theory. Deconstruction, formalized to the status of a method according to P. de Man, allows us to detect inconsistencies, the principle of mutual problematization of Kojève's philosophy and the current political and epistemological agenda.

Scientific novelty of the research. The standard way of interpreting the work of A. Kojève is to evaluate him as an interpreter of G. Hegel. The author analyzes some meaning of A. Kojève's philosophy, separate from G. Hegel's explanation of the text. The novelty lies not only in the fact that A. Kojève's philosophy is defined as theorizing that goes beyond technical hermeneutics (clear presentation),

but also as a specific representation of such theorizing as epistemological aesthetic theory. The latter is a rather rare interpretation of the philosophy of A. Kojève. This allows us to expand the traditional assumption that post-Hegelian epistemesthetics is the property of an extremely limited number of authors (for example, B. Croce). Moreover, such an interpretation of A. Kojève's theories is a new element in the emerging trend of considering political issues within the framework of epistemological aesthetics.

Results. The specific mode of interpreting G. Hegel, which is carried out by A. Kojève, turns the philosophy of the former into a unique aesthetic project. In this project, the category of aesthetic experience comes to the foreground, indicating the empty, formal nature of any discourse. In this regard, any claim to knowledge of reality, to a correct idea of the subject is replaced by the idea of creating the subject of discourse. Consistent treatment of this idea is symptomatic of the philosophy of A. Kojève. This philosophy is a reflection of those historical changes that gave rise to the culture of "aesthetic rationality": empty and formal. In A. Kojève's philosophy, one can see how such a culture of the End of History is, contrary to Hegelian ideas, not the era of the struggle decline, but the era of its strange transformation, a symptom of increasing political violence.

Conclusions. A. Kojève's philosophy is considered not as a utopian political project, but as a problematization of the modern cultural and political sphere. The latter is understood as an indication of the inconsistency of ontological discourses of Truth, the discovery in the very essence of discursive practices of an empty, formal principle, and therefore primarily of interest to aesthetics. The modern era of the End of History and the end of the era of persuasive speech gives an idea of the main political paradox (at least for the philosophy of A. Kojève, and at most for the modern political environment). The era of disappointment in discourse should become an era of refusal to fight for discourses, but it becomes an era of maximizing violence, since it is in a situation of disappointment that discourses can only be supported by force. We move from unconvincing speech to convincing violence, but it is possible to understand the origins and specifics of this transition only by considering A. Kojève's philosophy in the light of such a discipline as aesthetics.

Keywords:

A. Kojève,
philosophy of death,
aesthetic experience,
political violence

Для цитирования: Ковалев, А. А. Войны современности и их влияние на национальную безопасность / А. А. Ковалев // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 37—50. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-37-50. — EDN UWPLYV.

УДК 355.01

EDN UWPLYV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-37-50

ВОЙНЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Ковалев Андрей Андреевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления — филиал, доцент кафедры государственного и муниципального управления, кандидат политических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия. ORCID: 0000-0002-7760-5732 E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Война занимает особое место в развитии человечества, т. к. представляет собой неотъемлемую часть его истории.

Проблема войны является предметом междисциплинарных исследований на протяжении всего периода становления социальных наук. Осмысление противоборства народов и отдельных социальных групп имеет место в философской мысли со времен возникновения первых крупных цивилизаций. На современном этапе развития общества проблематика войны тесно сопряжена с феноменом национальной безопасности, которая направлена на защиту государства от внутренних и внешних угроз и предупреждение рисков, посягающих на гармоничное развитие человека и общества, инфраструктуру, экономику, а также социально-политическое благополучие нации.

Цель. Определение степени влияния войн современности на национальную безопасность.

Методы. В работе использованы: логический метод для структурирования

материалов, исторический метод для корректного и хронологически последовательного изложения фактов, сравнительный метод с целью выявления особенностей рассматриваемых феноменов и дедуктивный метод для формулирования выводов по результатам исследования.

Научная новизна исследования. В исследовании проведен детальный анализ современных войн и их воздействия на национальную безопасность. Автором изучены взаимосвязи между различными формами военных конфликтов и их последствиями для стабильности государства. Особое внимание уделено методологии анализа гибридных и асимметричных войн, что позволило глубже понимать их характеристики и влияние на систему национальной безопасности. Этот подход помогает лучше осознавать динамику современных угроз и стратегии их противодействия.

Результаты. Дано определение национальной безопасности через феномен войны, определены особенности обычной войны, которые оказывают влияние на национальную безопасность государства. Также сделан анализ влияния методов асимметричной войны на национальную безопасность, определены особенности гибридной войны в противостоянии основам национальной безопасности, рассмотрены новые вызовы российской национальной безопасности и ответы на них.

Выводы. На современном этапе развития мирового сообщества классификация войн существенно изменилась и расширилась. Это обстоятельство, в свою очередь, требует от государства изменения принципов обеспечения национальной безопасности, основанной на превентивных способах организации и практической реализации, устойчивой национальной идентичности, эффективной работе всех акторов национальной безопасности, стремлении к социально-экономической и политической стабильности.

Ключевые слова:

традиционная война, асимметричная война, гибридная война, национальная безопасность, актор национальной безопасности, государство, национальная идентичность

Введение

Война занимает особое место в развитии человечества, т. к. представляет собой неотъемлемую часть его истории. Она является предметом междисциплинарных исследований. Противоборство родов, племен, общностей, народов как социально-политический факт наблюдается в философской мысли с эпохи возникновения первых крупных цивилизаций. На современном этапе развития общества проблематика войны тесно сопряжена с феноменом национальной безопасности, которая направлена на защиту государства от внутренних и внешних угроз и предупреждение рисков, посягающих на гармоничное развитие человека и общества, инфраструктуру, экономику, а также социально-политическое благополучие нации.

Цель исследования — определение степени и форм влияния войн современности на национальную безопасность.

В работе были использованы логический метод для структурирования материалов, исторический метод для корректного и хронологически последовательного изложения фактов, сравнительный метод с целью выявления особенностей рассматриваемых феноменов и дедуктивный метод для формулирования выводов по результатам исследования.

Научная новизна исследования заключается в изучении влияния современных войн, несущих угрозы государству, на обеспечение его национальной безопасности.

В ходе исследования были использованы материалы научных трудов отечественных и зарубежных исследователей в области философской антропологии, социологии и политологии, в том числе работы Сунь-Цзы, Карла фон Клаузевица, Гарольда Ласвелла, Арнольда Вулферса, Фрэнка Хоффмана, О. В. Тиханчева, Л. В. Дериглазовой и др.

Война и национальная безопасность: определение понятий

Понятие войны является предметом дискуссии уже многие века. Так, Сунь-Цзы определял войну как насущный для государства вопрос, бойкотирующий жизнь или смерть, способ выживания или гибели [8, с. 24], а для оценки ее основ предлагал провести анализ пяти ключевых факторов: морального влияния, климата, местности, лидерства и учения (науки познания). При этом он заявлял, что «крайне важно на войне подавлять стратегию врага» [4, с. 25—26].

Карл фон Клаузевиц определил войну как «подмножество теорий крупного конфликта», т. е. как нечто ограниченное в большем масштабе, действие сил по принуждению врага к подчинению, продолжению политики другими средствами, делая заключение, что «война — это жестокая борьба воли» [5, с. 54—55].

Марксистская концепция определяла понятие «война» как продукт конфликта социальных классов. Согласно Всемирной арабской энциклопедии война — это «совокупность негативных социальных процессов, характеризующихся насильственным разрушительным конфликтом» [21, с. 154—155]. В этом конфликте ведущая роль принадлежит регулярной армии (организованным вооруженным группам) или ополченцам/военизированным группам. Цель — нанесение ущерба противоположной стороне, как в ее военном, так и в гражданском качестве. Таким образом, война — это конфликт между соперничающими силами.

Важно отметить, что цель любой войны заключается в стремлении подчинить себе волю противника. При этом данная цель достигается не только технологическим и военно-силовым преимуществом, но и социально-психологическими методами воздействия на противоборствующую армию, общество, элиты. Также используется метод

экономической блокады и ряд других.

Таковы определения традиционной (классической) войны. Однако за последние несколько десятилетий военная практика и военная теория претерпели значительные изменения. В настоящее время категория «война» расширилась и приобрела новый смысл благодаря многообразию ее разновидностей, сложившихся под влиянием различных факторов.

В рамках настоящего исследования, помимо традиционной войны, будут рассмотрены такие ее формы, как асимметричная и гибридная, которые нарушают правила и логику обычной войны и сочетают традиционные и нетрадиционные методы борьбы [6, с. 7]. При этом важно понимать, как нетрадиционные войны в различных своих вариациях способны влиять на национальную безопасность современного государства для эффективного противостояния новым вызовам.

Национальная безопасность изначально понималась как свобода от военной угрозы и политического принуждения [18, с. 3—4], то есть как обороноспособность суверенного государства. Защита от военного нападения — это ключевой элемент национальной безопасности в случае применения традиционных способов ведения войны.

Согласно Вальтеру Липману «нация чувствует себя в безопасности, когда ей не приходится жертвовать своими законными интересами, чтобы избежать войны, а также когда она способна, в случае необходимости, поддерживать их с помощью войны» [20, с. 122]. Гарольд Дуайт Ласвелл, в свою очередь, писал, что «отличительный смысл национальной безопасности означает свободу от иностранного диктата» [15, с. 14]. Даже Арнольд Оскар Вулферс, смягчая в дальнейшем описание термина, соглашался, что «национальная безопасность объективно означает отсутствие угроз приобретенным ценностям, а субъективно — отсутствие страха, что такие ценности подвергнутся нападению» [23, с. 91].

С течением времени понятие национальной безопасности расширилось. Например, Чарльз Майер утверждал, что национальная безопасность «лучше всего описывается как способность контролировать те внутренние и внешние условия, которые общественное мнение считает необходимыми для осуществления его собственного самоопределения или автономии, процветания и благополучия» [17, с. 5]. Прабакаран Палери дал еще более широкую трактовку. Он определил национальную безопасность как «поддающееся измерению состояние способности нации преодолевать многомерные угрозы очевидному благополучию своего народа и своему выживанию как национального государства в любой момент времени путем уравнивания всех инструментов государственной политики посредством управления...» [18, с. 52—54].

Итак, во всех приведенных определениях национальной безопасности упоминается угроза войны и необходимость ее преодоления. Однако важно отметить, что по причине усложнения самого феномена войны и появления ее новых разновидностей возникает необходимость пересмотра стратегии национальной безопасности для современных государств, чтобы отвечать вызовам и угрозам настоящего времени.

Согласно нынешним аспектам развития международных отношений, внутренней политики государств и вызовам современности национальную безопасность можно определить как комплекс мероприятий, которые направлены на профилактику и предупреждение внутренних и внешних угроз, оказывающих нелегитимное влияние и провоцирующих дестабилизацию политических, социальных и экономических процессов, посредством военно-силового воздействия.

Таким образом, феномен национальной безопасности неразрывно связан с понятием «война». Как уже было отмечено, можно выделить несколько

разновидностей современных войн. В рамках настоящего исследования будет проанализировано влияние традиционной (обычной) войны, а также гибридной и асимметричной на национальную безопасность современного государства.

Особенности обычной войны в современном понимании национальной безопасности

Обычная (традиционная) война — это конфликт между двумя государствами или двумя воюющими сторонами, каждая из которых может быть коалицией нескольких национальных государств. В войне государство оставляет за собой право монополизировать законное применение силы в отношении другого государства. Стратегическая цель обычной войны состоит в том, чтобы навязать свою волю враждебному государству или, наоборот, предотвратить навязывание воли государства-агрессора. Такие войны целесообразно называть классическими, они происходили на протяжении всей истории человечества.

Обычная война — это формально объявленное военное противостояние между государствами, возникающее из-за множества причин, отражающих их национальные интересы. Это борьба за гегемонию между коалициями государств, а также с участием негосударственных субъектов, которые используют обычные военные технологии и методы. В таких войнах физический ущерб в виде человеческих жертв среди военных и гражданских лиц является закономерным результатом. Кроме того, происходит значительное уничтожение ресурсов, что также наносит ущерб экономике и инфраструктуре страны.

Национальная безопасность в рамках противодействия обычным войнам предусматривает предупреждение появления массовых жертв среди граждан своей страны. В связи с этим внешнеполитические доктрины таких государств,

как, например, США, Великобритании, Израиля и Российской Федерации, предусматривают активную политическую и дипломатическую работу за пределами границ государства с целью предотвращения возможности возникновения и эскалации военных действий на своей территории и, следовательно, факта потерь среди граждан данного государства.

Обычная война предполагает боевые действия, основанные на применении силы, в которых противники используют различные современные для данной эпохи технологии, а противостояние разворачивается на поле боя. Тактика обычной войны характеризуется серией наступательных, оборонительных и стабилизационных операций, проводимых против вражеских сил.

Классик теории традиционных войн К. Клаузевиц отмечал, что война характеризуется изменяющимся взаимодействием трех сил: эмоций (нелогичной), совпадения (логической) и разума (рациональной), с которыми связаны ключевые акторы, состоящие из людей, армии и правительства. Эти переменные часто объединяются, чтобы вызвать «туман войны» [4, с. 101]. Именно эти три силы учитываются и в обеспечении национальной безопасности государства: мирное население является объектом охраны, армия — инструментом охраны, а правительство формирует концепцию и реализует ее посредством руководства вооруженными силами. Тем самым национальная безопасность в контексте обычной войны существует и в активной форме, и в пассивной. В активной форме она порождает предупредительные или опережающие военные действия, направленные на поражение противника до того момента, когда его потенциальная угроза будет реализована. В пассивной форме она, напротив, выполняет функцию сдерживания военной мощи агрессора по возможному факту нападения в виде проведения интенсивной военной операции.

Военные действия в обычной войне, как правило, сосредоточены на вооруженных силах противника. Механизмы победы здесь включают поражение вооруженных сил противника, уничтожение его военных ресурсов или захват и удержание земли. Обычная война предполагает, что население на территории операций не является стороной конфликта, оно будет зависеть от любого политического исхода, навязанного или оговоренного в ходе переговоров. Одной же из основных целей национальной безопасности остается сокращение массовых потерь среди гражданского населения в процессе проведения военных действий.

В настоящее время в рамках обычной войны встречается несбалансированный вариант ее проведения¹. Несбалансированная война зависит от технологий, таких, например, как блокировка сетей и доступа к Интернету. При этом технологические системы, несмотря на положительные характеристики, являющиеся технически уязвимыми для манипуляций, ведь у противника появляется возможность с их помощью атаковать жизненно важные инфраструктуры. Важно отметить, что данные уязвимости современных информационных технологий используются как агрессором, так и защищающейся стороной конфликта. Следовательно, развитые механизмы обеспечения национальной безопасности также включают в себя применение новейших технологий нападения и защиты, преследуя цель свести к минимуму их использование противником.

Таким образом, особенности обычной войны имеют свое отражение в современном понимании национальной безопасности, мотивируя обе стороны военного конфликта к комплексному подходу к механизмам предупреждения угроз, которые каждая из сторон интерпретирует как механизмы

реализации своей национальной безопасности.

Влияние методов асимметричной войны на национальную безопасность

Асимметричная война — это война между двумя или более сторонами конфликта с кардинально различающимися военными возможностями, в которой хотя бы одна из них должна быть негосударственной силой [1]. Еще в учении Сунь-Цзы отмечалось, что «все войны асимметричны, потому что в них используются сильные стороны противника, атакуя его слабости» [8, с. 57]. Впоследствии военные мыслители расширили данное определение, включив в него такой признак, как несоответствие в планировании и стратегии. В этом типе конфликта стратегия и тактика нетрадиционной войны и партизанской войны смешиваются, слабая сторона конфликта пытается преодолеть количественное и качественное превосходство противника и часто действует так, чтобы преимущества его сил обернулись против него.

Брендан Лют дал следующее определение асимметричной войне: «это тип войны между воюющими сторонами, относительная военная мощь, стратегия или тактика которых существенно различаются» [16]. Согласно исследователю этот вид ведения войны также используется повстанцами или ополченцами движения сопротивления, которые могут иметь статус незаконных комбатантов, действующих против постоянной армии. Роберт Тоумз утверждал, что асимметричная война может характеризовать конфликт с неравномерными ресурсами у сторон. В таком противостоянии обе стороны могут использовать относительные слабости противника. Часто это приводит к применению нетрадиционных военных методов, когда менее мощная сторона стремится компенсировать свои недостатки в численности или оборудовании через стратегические ходы [22].

¹ Unbalanced warfare not new for U.S. Navy // NBC News. URL: <https://www.nbcnews.com/id/wbna30157793> (дата обращения: 08.10.2023).

Асимметричная война также происходит между регулярными военными и неправительственными группами, не только уничтожая военные объекты и комбатантов, как в обычной войне, но и охватывая широкий спектр политических, экономических и социальных целей.

Асимметричная война — это война, которую ведет более слабая сторона для реализации своей политической цели, которая может быть достигнута только путем нанесения тяжелых потерь более сильной стороне с целью информирования международного сообщества о том, что ситуация обострена и требует разрешения.

Такая война крайне сложна для государства, разрабатывающего концепцию национальной безопасности. В XX в. считалось, что ее сложность преувеличена ввиду технологической отсталости повстанцев или вооруженной оппозиции, т. к. чаще всего они получали сравнительно дешевое вооружение, уже утратившее актуальность у технологически развитых государств-спонсоров. Военная же активность оппозиции в XXI веке на примере Ливии, Сирии, Израиля, Омана и ряда других стран показала, что ситуация изменилась. Так, регулярная армия или подразделения специального назначения государства начинают сталкиваться с хорошо оснащенными повстанцами, которые получают высокотехнологичное вооружение, крупное финансирование, используют современные методики ведения боев не только на пересеченной местности, но и в городской черте.

Исследователи объясняют эффективность таких войн несколькими особенностями, которые могут быть характерны для слабой стороны, например:

- наличие секретного оружия;
- наличие могущественных союзников;
- игнорирование сильной стороной реальности угроз;
- требование выполнить экстремальные, часто заведомо невыполнимые условия;

— имитация соотношения сил [12; 13; 19].

Следовательно, акторы национальной безопасности — регулярная армия и различные войска специального назначения, службы безопасности и быстрого реагирования, полиция — должны быть обучены противостоять таким угрозам, а также проинструментированы на предмет наличия у нелегитимных групп видов вооружения, владения технологиями и техниками ведения боевых действий.

Необходимо заметить, что с точки зрения национальной безопасности государства любые военные формирования граждан его страны вне его юридического поля становятся террористическими. Государство не приемлет таких трактовок, как «повстанческий» или даже «оппозиционный». Это незаконно.

Поскольку ситуация с национальной безопасностью имеет прямое влияние на способность государства получать кредиты, это делает повстанчество и терроризм орудием воздействия на его положение. Так достигается политический, а не военный успех. Следовательно, акторы национальной безопасности в лице институтов государственного аппарата и силовых структур, например, федерального бюро расследований, федеральной службы безопасности, государственного разведывательного управления и пр., при использовании методов асимметричной войны против государства должны акцентировать внимание на формировании системы устойчивых и однозначно понятных идеологических ценностей у рядовых граждан и представителей структур иных акторов. Это позволит нивелировать и снизить масштабирование воздействия «слабой» стороны конфликта на «сильную».

Так становится возможным снизить потенциальную угрозу экономического дисбаланса государства. Если правительство государства как один из акторов национальной безопасности будет владеть методами и механизмами предупреждения экономического дисбаланса от последствий биржевого

шока, то экономическая деятельность достаточно быстро возвратится примерно к прежним показателям и сможет нивелировать негативные последствия афтершоков, сведя к минимуму влияние «слабой» стороны.

Также необходимо отметить, что асимметричная война характеризуется рядом признаков, которые отличают ее от обычной или системной войны как с точки зрения целей, средств и инструментов, так и с точки зрения театра военных действий и времени проведения. Сунь-Цзы описал основные техники не прямых подходов и посоветовал «избегать силы и атаковать слабость противника» [8, с. 77]. Менее сильные противники в асимметричной войне предпочитают использовать неравные методы и избегать прямой конфронтации с превосходящими военными силами, нанося удары по невоенным целям, стремясь при этом контролировать местное население и использовать дипломатические, информационные и экономические методы.

Асимметричная война ведется в широком диапазоне направлений и не ограничена географическим районом, в отличие от традиционных войн, в которых театр военных действий известен и определен для обеих сторон. В отличие от обычной войны, в которой оружие применяется напрямую, в асимметричной войне для обеспечения своей пользы более слабая сторона также использует технологические и интеллектуальные средства.

Такой тип асимметричной войны, как, например, партизанское (или повстанческое) движение, видоизменяется во времени, переходя с территориальной локации в интернет-пространство, тем самым фактически растворяясь в обществе без необходимости проведения сепарации от него. Социальные сети, видеохостинги и чат-боты становятся новым оружием «слабой» стороны конфликта, ставя под угрозу стабильность власти в неизвестном месте в неизвестное время. В то же время усиление акторами национальной безопасности ре-

прессивного воздействия на отдельные слои граждан или социальные группы (ввиду невозможности идентификации представителей «слабой» стороны) ведет к социальной дестабилизации.

Глобализация также становится оружием «слабой» стороны, т. к. предусматривает ориентирование на некие ценности и традиции, которые созданы сообществом извне и не учитывают особенностей национального менталитета, национальной идентичности. Используя глобализацию, «слабая» сторона имитирует новые установки, которые практически не имеют никакой ценности кроме отрицания существующих установок в обществе или их замены на временные. Актеры национальной безопасности научились определять активных представителей «слабой» стороны, действующих стандартно в социальных сетях. Однако современные технологии VPN позволяют изменять идентификацию, тем самым исключать инфлюенсеров, т. е. представителей влияния на аудиторию, из поля идентификации.

Таким образом, асимметричная война может выступать орудием борьбы оппозиционных сил с легитимной властью в государстве. Насильственные формы такой войны постепенно уходят в прошлое, но все же сохраняются и в XXI в. Им на смену приходят формы виртуальной войны «слабой» силы. Это изменяет баланс сил и в скором времени может уже рассматриваться исследователями не как форма асимметричной войны, а как форма гибридной войны, т. к. асимметрия между «слабой» силой оппозиции и «сильной» силой акторов национальной безопасности практически уравниваются.

Особенности гибридной войны в противостоянии основам национальной безопасности

Гибридная война — это теория военной стратегии, впервые предложенная Фрэнком Хоффманом [14], которая использует политические инструменты

и сочетает методы обычной и асимметричной войны с другими методами влияния, такими как фейковые новости, традиционная дипломатия, правоохранительная деятельность и иностранное вмешательство в выборы¹. Сочетая кинетические военные действия с подрывными операциями, агрессор намеревается избежать возмездия².

О. В. Тиханычев дает следующее определение гибридной войне: это «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захвата инициативы и получения психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением» [9].

Гибридная война представляет собой сочетание обычной войны и асимметричной войны. Она характеризуется использованием современных технологий, не подчиняется установленным правилам от командования до военных операций и направлена на уничтожение мощи противника, нейтрализацию его возможностей, а также нанесение наибольшего ущерба. Таким образом, гибридная война полностью противоречит известным правилам ведения войны.

По мнению В. Л. Черноперова и У. И. Сулеймановой, гибридная война сочетает многие угрозы. Она нелегитимна, поэтому находится вне рамок

¹ Standish, R. Inside a European Center to Combat Russia's Hybrid Warfare / R. Standish // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/01/18/inside-a-european-center-to-combat-russias-hybrid-warfare/> (дата обращения: 08.10.2023); Tifekci Z. It's the (Democracy-Poisoning) Golden Age of Free Speech // Wired. URL: <https://www.wired.com/story/free-speech-issue-tech-turmoil-new-censorship/?CNDID=50121752> (дата обращения: 08.10.2023).

² Pindják P. Deterring hybrid warfare: a chance for NATO and the EU to work together? // NATO Review. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/11/18/deterring-hybrid-warfare-a-chance-for-nato-and-the-eu-to-work-together/index.html> (дата обращения: 08.10.2023).

прописанных международных правовых актов. Другим аспектом проблемы является появление принципиально новых типов оружия, например, климатического, которое в силу неочевидности его применения может стать идеальным средством ведения «гибридного» противостояния. Также к таким типам оружия можно отнести, в частности, биологическое и ряд других. Сложившееся положение порождает крайне опасные взаимосвязанные между собой тенденции [11].

Природа конфликтов в настоящее время приняла более сложные формы в результате технологических и информационных революций, создавших новые области противостояния, не известные ранее. Изменились условия возникновения конфликтов и факторы влияния на них. Например, Интернет и мобильные телефоны предоставили надежные средства связи на местном и международном уровнях.

Постепенно присутствие человека на географическом поле боя становится неочевидным и необязательным. Современное развитие технологий позволило перейти на войну дронами, роботизированной техникой, а в ближайшем будущем, вероятно, и андроидами, или человекоподобными роботами. Здесь же можно отметить технологии спутникового мониторинга, которые оставляют безоружными тысячи военных и гражданских лиц перед атакой баллистических ракет и иного оружия, оснащенных самонаводящимися боеголовками, способными уклоняться не только от искажений рельефа, но и от других ракет. Фактически последнее десятилетие ведущие армии мира воюют с планшетами в руках даже на поле боя.

Искусственный интеллект и нейросети создают множество вариантов ведения военной операции или даже целой кампании. Они способны заменять десятки специалистов и предоставлять в сжатые сроки разные варианты уничтожения вражеской силы. Однако данные программы вряд ли смогут понять

ценность человека, разграничить гражданское население и военных на той или иной территории.

Таким образом, гибридная война становится новым вызовом для акторов национальной безопасности, т. к. требует от них качественно иных методов защиты государства от потенциальных угроз. Последние военные операции ведущих стран мира показали, что на сегодняшний день методы гибридной войны преобладают над методами защиты государства от внешних угроз. Тем самым разработка самых современных технологий, направленных на противостояние в гибридной войне, становится приоритетной задачей в области обеспечения национальной безопасности. Фактически становится очевидным перекося в политике ведущих стран мира в сторону подавления основ национальной безопасности государств-врагов интенсивной разработкой методов и технологий гибридной войны.

Национальная безопасность России: новые вызовы и ответы

Национальная безопасность современной России видоизменилась под влиянием новых вызовов и угроз. И в первую очередь большое значение имеет юридическое (законодательное) оформление смысла этих угроз, степени их влияния на наше государство и общество, а также мер противодействия им и устранения их последствий. Так, в современной России действует несколько нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы национальной безопасности в контексте войн современности. К ним относятся Конституция РФ (1993 г.), Уголовный кодекс РФ (1996 г.), ФЗ «О безопасности» (2010 г.), ФЗ «О противодействии терроризму» (2006 г.), Военная доктрина РФ (2014 г.), Стратегия о национальной безопасности РФ (2021 г.) и ряд других.

Отдельно необходимо остановиться на Стратегии национальной безопасности РФ (02.07.2021). В этом документе

национальная безопасность определяется как «состояние защищенности интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны»¹. Важно отметить, что новая редакция Стратегии определяет национальные интересы государства (а не личности) как основополагающие [10, с. 72]. По нашему мнению, такая формулировка может означать, что внешние и внутренние угрозы, порожденные возможным внешним воздействием, признаны в современной России важной проблемой, требующей нестандартных решений. Именно эти угрозы стали характерными для асимметричных и гибридных войн, проявившихся в последние годы при столкновении России с её противниками.

Это означает, что угрозы национальной безопасности внешнего происхождения могут рассматриваться как одно из проявлений войны современности (например, гибридной или асимметричной). Тем более в самой Стратегии методы обеспечения внутренней и внешней безопасности четко разделены. Так, для отражения внешних угроз необходимо наращивать военную мощь государства, повышать его оборонный потенциал, совершенствовать системы раннего предупреждения о возможной агрессии против России и пр. [3, с. 195-196]. Также в данном документе говорится о симметричных и несимметричных мерах в ответ на недружественные действия.

В настоящее время своеобразным решением в вопросах обеспечения нацио-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 08.10.2023).

нальной безопасности в асимметричных войнах стало привлечение частных военных компаний (ЧВК). Они уже показали свою эффективность на поле боя, однако нахождение их вне правового поля увеличивает риски неуправляемости и неподконтрольности данных участников войн современности.

Текущий военный конфликт на территории Украины является асимметричным, и перед Россией стоит сложная задача по его разрешению. Для этого необходимы, во-первых, единогласная поддержка собственного населения; во-вторых, доверие большей части мирового сообщества по части обоснования и правомерности целей данного конфликта; в-третьих, лояльность населения противника; в-четвертых, снижение рисков гуманитарной катастрофы. Современный мир фактически столкнулся с новой разновидностью асимметричной войны, когда на территории одного государства разрешают собственные противоречия другие страны или коалиции стран («война чужими руками») [2, с. 35].

Что касается обеспечения национальной безопасности от угроз гибридной войны, то здесь для России важно предотвратить культурный, конфессиональный и этнический расколы (причины сепаратизма), а также социально-политические кризисы и внутренние конфликты [7, с. 98]. Именно эти меры позволят сохранить территориальную целостность страны, государственный суверенитет, обеспечить работу независимого от внешних воздействий правительства и сформировать многополярную систему международных отношений.

Заключение

Феномен национальной безопасности неразрывно связан с понятием «война» и не может рассматриваться в отрыве от него. Типология войн современности в научной литературе постоянно расширяется. Этому способствует появление и новых видов ору-

жия, и новых стратегий войны, и новых участников вооруженных конфликтов. В рамках настоящего исследования были рассмотрены особенности традиционной (обычной), асимметричной и гибридной войн как наиболее развитых и действенных способов военного противостояния современности и их влияние на национальную безопасность современного государства.

Национальная безопасность — это комплекс мероприятий, которые направлены на профилактику и предупреждение внутренних и внешних угроз, оказывающих нелегитимное влияние и провоцирующих дестабилизацию политических, социальных и экономических процессов посредством подобного военного воздействия.

Таким образом, в ходе исследования было дано определение войны и национальной безопасности; определены особенности таких войн, как обычная (традиционная), асимметричная и гибридная; а также рассмотрено их влияние на национальную безопасность Российского государства.

На современном этапе развития мирового сообщества феномен войны трансформируется, влияя тем самым на методы и механизмы обеспечения национальной безопасности. В результате такого влияния эти механизмы и методы должны быть способны предупреждать угрозы на основании устойчивой национальной идентичности, эффективной работы всех акторов национальной безопасности, стремления к социально-экономической и политической стабильности.

1. Дериглазова, Л. В. Парадокс асимметрии в международном конфликте / Л. В. Дериглазова // Международные процессы. — 2005. — № 3 (9). — С. 85—94.

2. Дериглазова, Л. В. Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века / Л. В. Дериглазова // Международная аналитика. — 2022. — № 13 (2). — С. 23—41. DOI:

10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42.

3. Карпова, Е. А. Эволюция ключевых содержательных аспектов стратегии национальной безопасности России / Е. А. Карпова // Вестник Российской нации. — 2023. — № 1-2 (89). — С. 191—196.

4. Клаузевиц, К. Принципы ведения войны / К. Клаузевиц. — М. : Центрполиграф, 2009. — 228 с.

5. Германская военная мысль / К. фон Клаузевиц, Х. Дельбрюк, А. фон Шлиффен, А. фон Богуславский и др. — М. : Астрель, 2013. — 674 с.

6. Копичев, О. А. Современные войны: анализ тенденций развития межгосударственного противоборства, классификация форм и способов борьбы, формирование признаков и критериев военного конфликта / О. А. Копичев, А. Е. Николаев // Системы управления, связи и безопасности. — 2021. — № 1. — С. 1—32. — DOI: 10.24411/2410-9916-2021-10101.

7. Родачин, В. М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России / В. М. Родачин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2019. — № 4. — С. 93—99. — DOI: 10.26794/2226-7867-2019-94-93-99.

8. Сунь-Цзы. Воинские правила / Сунь-Цзы. — М. : АСТ, 2019. — 223 с.

9. Тиханычев, О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? / О. В. Тиханычев // Вопросы безопасности. — 2020. — № 1. — С. 30—43.

10. Феоктистов, А. В. Эволюция развития законодательства о национальной безопасности в Российской Федерации / А. В. Феоктистов, И. В. Зернов // Наука. Общество. Государство. — 2023. — № 1 (41). — С. 68—76. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-8.

11. Черноперов, В. Л. Гибридная война: предпосылки появления, концепции, сущность, цели, инструментарий, правовые вопросы, риски / В. Л. Черноперов, У. И. Сулейманова // Ноосферные исследования. — 2021. — № 3. — С. 33—46.

12. Allen, M. A. Deadly Triangles: The Implications of Regional Competition on Interactions in Asymmetric Dyads / M. A. Allen, S. R. Bell, K. Ch. Clay // Foreign Policy Analysis. — 2016. — № 14 (2). — P. 169—190.

13. Allen, M. A. From Melos to Baghdad: Explaining resistance to militarized challenges from more powerful states / M. A. Allen, B. O. Fordham // International Studies Quarterly. — 2011. — № 4 (55). — P. 1025—1045.

14. Hoffman, F. Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars / F. Hoffman. USA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007. — 72 p.

15. Lasswell, Harold D. Power and Society / Harold D. Lasswell. NY, Toronto, London : McGraw-Hill Book Company, 1950. — 295 p.

16. Luyt, B. Debating reliable sources: writing the history of the Vietnam War on Wikipedia / B. Luyt // Journal of Documentation. — 2015. — № 71 (3). — P. 440—455.

17. Maier, Ch. S. Peace and security for the 1990s. Unpublished paper for the MacArthur Fellowship Program, Social Science Research Council, 12 Jun 1990 / Ch. S. Maier // Joseph J. Romm. Defining national security: the nonmilitary aspects. Pew Project on America's task in a changed world (Pew Project Series). USA : Council on Foreign Relations, 1993. — 632 p.

18. Paleri, P. National security: Imperatives and challenges / P. Paleri. — New Delhi : Tata McGraw-Hill, 2008. — 285 p.

19. Paul, Th. V. Asymmetric conflicts: war initiation by weaker powers / Th. V. Paul. — New York : Cambridge University Press, 1994. — 410 p.

20. Romm, J. J. Defining national security: the nonmilitary aspects. Pew Project on America's task in a changed world (Pew Project Series) / J. J. Romm. — USA : Council on Foreign Relations, 1993. — 522 p.

21. The Arabic Encyclopedia. Volume 7. USA : Gorgias Press, 2018. — 580 p.

22. Tomes, R. Relearning Counterinsurgency Warfare / R. Tomes // Journal of the US Army War College. — 2004. — № 34 (1). — P. 16—28.

23. Wolfers, A. O. Developments in military technology and their impact on United States strategy and foreign policy / A. O. Wolfers, P. H. Nitze, J. E. King. — USA : Washington Center of Foreign Policy Research for U.S. Senate Foreign Relations Committee, 1959. — 73 p.

References

1. Deriglazova L.V. (2005) Paradoks asimmetrii v mezhdunarodnom konflikte [Paradox of asymmetry in international conflict]. *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 3 (9), pp. 85-94 [in Rus].
2. Deriglazova L.V. (2022) Pobedy i porazheniya SShA i RF v asimmetrichnykh konfliktakh XXI veka [Victories and defeats of the USA and the Russian Federation in asymmetric conflicts of the 21st century]. *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 13 (2), pp. 23-41. DOI: 10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42 [in Rus].
3. Karpova E.A. (2023) Evolyutsiya klyuchevykh sodержatel'nykh aspektov strategii natsional'noy bezopasnosti Rossii [Evolution of the key substantive aspects of Russia's national security strategy]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*, no. 1-2 (89), pp. 191-196 [in Rus].
4. Klauzevits K. (2009) Printsipy vedeniya voyny [Principles of warfare]. Moscow, Tsentrpoligraf, 228 p. [in Rus].
5. Klauzevits Karl fon. (2013) German-skaya voennaya mysl' [German military thought]. Moscow, Astrel, 674 p. [in Rus].
6. Kopichev O.A., Nikolaev A.E. (2021) Sovremennye voyny: analiz tendentsiy razvitiya mezhdunarodnogo protivoborstva [Modern wars: analysis of trends in the development of international confrontation]. *Sistemy upravleniya, svyazi i bezopasnost'*, no. 1, pp. 1-32. DOI: 10.24411/2410-9916-2021-10101 [in Rus].
7. Rodachin V.M. (2019). Gibridnye voyny i obespechenie natsional'noy bezopasnosti Rossii [Hybrid wars and ensuring Russia's national security]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, no. 4, pp. 93-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99 [in Rus].
8. Sun'-Tzy (2019) Voinskie pravila [Military rules]. Moscow, AST, 223 p. [in Rus].
9. Tikhanovich O.V. (2020) Gibridnye voyny: novoe slovo v voennom iskusstve ili khorosho zabytoe staroe? [Hybrid wars: a new word in military art or a well-forgotten old one?]. *Voprosy bezopasnosti*, no. 1, pp. 30-43 [in Rus].
10. Feoktistov A.V., Zernov I.V. (2023). Evolyutsiya razvitiya zakonodatel'stva o natsional'noy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii [Evolution of the development of legislation on national security in the Russian Federation]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, no. 1 (41), pp. 68-76. DOI: 10.21685/2307-9525-2023-11-1-8 [in Rus].
11. Chernoperov V.L., Suleymanova U.I. (2021) Gibridnaya voyna: predposylki poiavleniya, kontseptsiya, sushchnost', tseli, instrumentarii, pravovye voprosy, riski [Hybrid war: prerequisites, concept, essence, goals, tools, legal issues, risks]. *Noosfernye issledovaniya*, no. 3, pp. 33-46 [in Rus].
12. Allen M.A., Bell S.R. & Clay K.C. (2016) *Deadly Triangles: The Implications of Regional Competition on Interactions in Asymmetric Dyads*. Foreign Policy Analysis, no. 14 (2), pp. 169-190 [in Eng].
13. Allen M.A. & Fordham B.O. (2011) *From Melos to Baghdad: Explaining resistance to militarized challenges from more powerful states*. International Studies Quarterly, no. 4 (55), pp. 1025-1045 [in Eng].
14. Hoffman F. (2007) *Conflict in the 21st century: The rise of hybrid wars*. USA: Potomac Institute for Policy Studies, 72 p. [in Eng].
15. Lasswell H.D. (1950) *Power and Society*. NY, Toronto, London: McGraw-Hill Book Company, 295 p [in Eng].
16. Luyt B. (2015) *Debating reliable sources: writing the history of the Vietnam War on Wikipedia*. Journal of Documentation, no. 71 (3), pp. 440-455 [in Eng].
17. Maier Ch.S. (1993) *Peace and security for the 1990s*. In Romm, J.J. Defining national security: the nonmilitary aspects. USA: Council on Foreign Relations, 632 p. [in Eng].
18. Paleri P. (2008). *National security: Imperatives and challenges*. New Delhi: Tata McGraw-Hill, 285 p. [in Eng].

19. Paul Th.V. (1994). *Asymmetric conflicts: war initiation by weaker powers*. New York, NY: Cambridge University Press, p. [in Eng].

20. Romm J.J. (1993). *Defining national security: the nonmilitary aspects*. USA: Council on Foreign Relations, 522 p. [in Eng].

21. *The Arabic Encyclopedia*. (2018). Volume 7. USA: Gorgias Press, 580 p. [in Eng].

22. Tomes R. (2004). *Relearning Counterinsurgency Warfare*. Journal of the US Army War College, no. 34 (1), pp. 16-28 [in Eng].

23. Wolfers A.O., Nitze, P.H., King, J.E. (1959). *Developments in military technology and their impact on United States strategy and foreign policy*. USA: Washington Center of Foreign Policy Research for U.S. Senate Foreign Relations Committee, 73 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию
02.07.2023

For citing: Kovalev, A. A. Modern wars and their impact on national security / A. A. Kovalev // *Socium i vlast' Sotsium i vlast/Society and Power*. — 2023. — № 4 (98). — P. 37—50. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-37-50. — EDN UWPLYV.

UDC 355.01

EDN UWPLYV

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-37-50

MODERN WARS AND THEIR IMPACT ON NATIONAL SECURITY

Andrey A. Kovalev,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management — branch, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Cand. Sc. (Political sciences), Associate Professor. Saint-Petersburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-7760-5732
E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract

Introduction. War occupies a special place in the mankind development because it is an integral part of its history. Thousands of researchers have been engaged in the problem of war from the standpoint of various sciences. The confrontation of nations and individual social groups as a social and political fact has been seen in philosophical thought since the epoch of the first major civilizations. However, at the present stage of society's development, the problems of war are closely connected with the national security phenomenon because the state protection from internal and external threats actually prevents the risks of damage to manpower, civilian population, infrastructure, and economy. The purpose of the study is to determine to what degree the leading characteristics of the three main war forms influence the national security transformation at the present stage of society development.

Methods. To achieve the study purpose and solve the tasks set, the logical method of analysis

for structuring materials, the historical method for correct and chronologically consistent presentation of facts, the comparative method for identifying distinctive parameters in the compared judgments and the deductive method for determining conclusions based on the results of the study are used. Scientific novelty of the research. The study provides a detailed analysis of modern wars and their impact on national security. The author has studied the interrelationships between various forms of military conflicts and their consequences for the stability of the state. Special attention is paid to the methodology of analyzing hybrid and asymmetric wars, which allows a deeper understanding of their characteristics and impact on the national security system. This approach helps to better understand the dynamics of modern threats and strategies to counter them.

Results. The author gives the definition of national security through the war phenomenon, determines the features of conventional war that influence the formation of the national security of the state and the requirements for transforming security, analyzes the influence of asymmetric warfare methods on national security, determines the features of hybrid warfare in opposition to the fundamentals of national security, and makes the conclusion on the influence of various war forms on national security transformation and stability.

Conclusions. At the present stage of the world community development, various war forms require an individual state to transform methods and mechanisms of national security that would not keep up or catch up with the war technologies but prevent threats based on a stable national identity, the coordinated work of all actors of national security, the construction of mechanisms that serve the stability of social and economic activity.

Keywords:

traditional war,
asymmetric war,
hybrid war,
national security,
national security factor,
state,
national identity

Для цитирования: Фам, Тиен Бак. Особенности вьетнамской конфуцианской этики / Тиен Бак Фам // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 51—58. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-51-58. — EDN VTKDYW.

УДК 1(091)

EDN VTKDYW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-51-58

ОСОБЕННОСТИ ВЬЕТНАМСКОЙ КОНФУЦИАНСКОЙ ЭТИКИ

Фам Тиен Бак^{1, 2}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), аспирант, Москва, Россия

² Политическая академия Региона II, преподаватель.

Хошимин, Вьетнам.
E-mail: tienbacht@gmail.com

Аннотация

Конфуцианская этика, когда она была принята во Вьетнаме, то потеряла свою первозданность и была адаптирована и дополнена в соответствии с исторической практикой народа, чтобы удовлетворить его потребности и соответствовать изменениям в феодальном обществе Вьетнама. Иными словами, конфуцианская этика была «вьетнамизирована». В статье анализируется процесс внедрения и развития конфуцианской этики во Вьетнаме и определяется ее специфика. По мнению автора, принципы конфуцианской этики были переосмыслены с позиции интересов вьетнамской нации и народа.

Ключевые слова:

конфуцианская этика, Вьетнам, гуманизм, вьетнамизация, религии, феодализм

Поскольку Вьетнам соседствует с Китаем, между двумя странами происходит процесс культурного взаимодействия и аккультурации. Выделим два этапа в процессе импорта конфуцианства во Вьетнам.

Первый — период введения конфуцианства и конфуцианской этики во Вьетнаме (период «северного господства» — 179 г. до н. э. — 939 г. н. э.). До введения конфуцианства Вьетнам был независимой страной, которая «имела культуру со своими специфическими чертами» [17, с. 56]. Она называлась Ванланг (2524—258 гг. до н. э.), а позже — Аулак (258—208 гг. до н. э.). Однако, в 179 г. до н. э. государство Аулак было завоёвано и вошло в состав китайской династии Чьеу (207—111 г. до н. э.), положив начало темному периоду, длившемуся более тысячи лет, полному боли и унижений для вьетнамского народа (вьетнамские историки часто называют его «северным колониальным периодом»). Для идеологического порабощения вьетнамского народа западная китайская династия Хань (206 г. до н. э. — 9 г. н. э.) распространила конфуцианство и конфуцианскую этику во Вьетнаме. Китайские конфуцианские добродетели были введены во Вьетнаме в качестве духовного оружия для господства и ассимиляции вьетнамцев с конечной целью — служения политической экспансии, превращения Вьетнама в китайскую колонию: «китайские династии обязывали вьетнамцев возделывать землю и пахать поля, следовать “китайскому этикету”, одеваться и шить китайскую одежду, проводить бракосочетание по китайским обычаям, соблюдать китайскую семейную этику, а также учить китайский язык» [19, с. 72; 20, с. 90].

Второй этап — это период активного принятия конфуцианства и конфуцианской этики во Вьетнаме (1009—1883 гг. н. э.). После 1000-летнего колониального периода в 938 г. на реке Батьданг император Нго Куен одержал победу над китайской династией Хань, положив начало новому периоду независимости Вьетнама. Исходя из не-

обходимости укрепления централизованного монархического государства и порядка феодального общества, начиная с периода династии Ли (1009—1225 гг.) и Чан (1225—1400 гг.), конфуцианство и конфуцианская этика активно принимались императорским дворцом. В исторических вьетнамских записях сказано: «В феврале 1419 года, год свиньи, китайская династия Мин отправила наставника Дуонг Нгия во Вьетнам для продажи таких книг, как “Пять классических произведений”, “Четыре книги”, “Великое рассуждение”, “Добродетель звука” с целью распространения и изучения конфуцианства в провинциях, областях и районах» [13, с. 242].

Подводя итоги сказанному, отметим, что, хотя конфуцианство и конфуцианская этика были введены во Вьетнаме задолго до этого, но укоренились в политической и духовной жизни общества Вьетнама намного позже: «конецу XIV — начало XV в. в качестве господствующего учения начинает выступать конфуцианство, которое бессленно играет эту роль до конца XIX в.» [4, с. 72]. Это случилось только после стабилизации феодальной власти вьетнамских династий. Исходя из исторических событий, а именно из процесса введения и развития конфуцианства во Вьетнаме, можно сделать вывод, что вьетнамское общество находилось под глубоким влиянием китайской конфуцианской этики, но вьетнамское конфуцианство, помимо сходства с китайским, приобрело много особенностей.

Во-первых, **вьетнамская конфуцианская этика гуманна**, не так строга, как китайское конфуцианство.

Причина, по которой вьетнамская конфуцианская этика имеет эту специфику, заключается в том, что до того, как конфуцианство было введено во Вьетнам, вьетнамский народ уже имел традицию взаимной любви и взаимоважания. Имеются известные вьетнамские пословицы, говорящие о дружбе и единстве народа, такие как: «Рваные листья завёртываются целыми листьями» (подставлять своё плечо, протягивать руку помощи), «Люби другого как

себя». Нравственные специфики вьетнамских традиций дополнили китайскую конфуцианскую этику, убирая ненужные строгости в общении и жизни.

Наиболее ярко это отражено во вьетнамской конфуцианской концепции женщины. И вьетнамское, и китайское конфуцианство проявляют «уважение к мужчине и пренебрежение к женщине», однако вьетнамская конфуцианская этика ставит роль и положение женщин в обществе выше, чем китайская. В супружеских отношениях, если китайское конфуцианство абсолютизирует роль мужа, считает жену «низшим рангом», она должна полностью подчиняться мужу, то во вьетнамском конфуцианстве женщины более свободны и самостоятельны. В повседневной жизни вьетнамские женщины имеют право на участие в финансовых и бытовых вопросах. Были даже времена, когда вьетнамские конфуцианцы ценили женщин больше, чем мужчин. Если в китайском конфуцианстве у мужчин имеют семь предлогов для развода с женой: нет детей в браке, порочная жена, непочтительное поведение жены к свекрови, многословная жена, воровство со стороны жены, ревнивая жена, у жены неизлечимая болезнь, то во вьетнамском конфуцианстве этика снижает строгость и суровость гендерных ролей, что отмечено в кодексе «Хонг Дык» (сборник законов Вьетнама), где ограничивается право мужчины на развод [18, с. 113]. Что касается собственности, то положения свидетельствуют о том, что феодальное право во Вьетнаме добилося большого прогресса в защите прав женщин. Если китайское конфуцианство подчеркивает роль отцов, то во вьетнамской конфуцианской этике обучение детей в основном осуществляется матерью. В китайском конфуцианстве, словосочетание «муж и жена» ставит «мужа» в начале, что подчеркивает главенство мужчины в семье, но во вьетнамском конфуцианстве, словосочетание «жена и муж» ставит «жену» в начале для обозначения равенства. Вьетнамские женщины имеют право вести переговоры в семейном бизнесе

и торговле, если нужно, то им необязательно ждать последнее слово мужчины для решения семейных вопросов. Эти факты наглядно показывают, что идеология «уважение к мужчине и пренебрежение к женщине» во вьетнамском конфуцианстве намного мягче по сравнению с китайским. Феодальные запреты и правила в отношении вьетнамских женщин были не такими жестокими, как в Китае. Некоторые европейские исследователи, посетившие Вьетнам в семнадцатом и восемнадцатом веках, были глубоко поражены свободой вьетнамских женщин. Они отметили, что вьетнамским женщинам было дозволено свободно путешествовать, и вьетнамские женщины чувствуют себя в обществе более комфортно, чем мусульманские женщины и китайки [3, с. 116]. В связи с этим, китайский исследователь Пань Юй отметил: «Во вьетнамской семье уважают женщин, они держат ключи от сокровищ семьи, ... они защищены законом и не имеют такого же низкого статуса, как китайские женщины» [12, с. 55].

Во-вторых, **вьетнамская конфуцианская этика переплетается с идеологиями других учений и религий.**

Придя во Вьетнам, конфуцианство видоизменилось и переплелось с другими идеологиями и доктринами. Помимо народного верования и нравственных традиций вьетнамского народа, при изучении конфуцианской этики во Вьетнаме, можно отметить присутствие элементов буддизма, даосизма, западной философии и религии. Это привносит отличительную черту вьетнамского конфуцианства. Известный вьетнамский историк Хуинь Конг Ба описывал идеологию некоторых вьетнамских конфуцианцев восемнадцатого века следующим образом: «Конфуцианское учение Нгуен Бинь Хиём являлось сочетанием учения Лао-цзы — Чжуан-цзы, учение Нгуен Зы — сочетание конфуцианства и даосизма, учение Нго Тхи Ньам — конфуцианство с буддизмом, учение Ле Куи Дон — конфуцианство с учением о семейных ценностях, но главным кон-

фуцианским учением восемнадцатого века являлось переплетение конфуцианства, даосизма и буддизма» [5, с. 96]. Во вьетнамской конфуцианской этике наблюдается пересечение конфуцианско-буддийско-даосских нравственных понятий, это взаимное воздействие заставило каждую идеологию измениться, содержание одной идеологии также принимает вид другой. Автор множества исторических книг, профессор Чан Куок Вьонг утверждал: «В очередной раз вьетнамский народ “приспособил” ортодоксию, смягчая идеи конфуцианства, разнообразив их с даосско-буддийской религией и народными верованиями» [1, с. 169].

Тройная религия — конфуцианство, буддизм и даосизм, сосуществуют во Вьетнаме под названием «синкретизм трех религий». Слияние трех религий во Вьетнаме известно с конца второго века: «Исследуйте буддизм, вместе с этим изучайте учение Лао-Цзы и слушайте пятикнижие» [6]. Практические примеры слияния учений трех религий выражены в поговорках, стихах, вьетнамской литературе. Если в литературе китайского конфуцианства имеется поговорка: «Лучше родить сына, чем дочь», то во Вьетнаме изменили эту поговорку на: «Что рождение сына и дочь. Главное — это почтительность детей» [8, с. 1588]; «У девушек любовных чувств больше, чем у коварных мужчин» [7, с. 1185]. Поговорки показывают, что рождение сына или дочери во Вьетнаме не имеет значения, лишь бы ребенок жил с сыновней почтительностью и благодарностью к своим родителям. Эти представления были взяты из учения буддизма и дополнили конфуцианство [2, с. 193]. Ещё один наглядный пример из вьетнамской литературы, обучающей феодальных девушек учениями конфуцианства: «Брак — это благословление судьбы / Предначертано божеством созвездия Южного Креста «Нам Тао» / И даже в бедности и богатости / Супружеский долг преодолет все трудности» (дословн. пер.). Стихотворение отражает влияние идеи буддизма (брак — это благословление судьбы)

и даосизма (предначертано божеством созвездия Южного Креста «Нам Тао»). Вьетнамская литература доказывает, что особенности гендерных вопросов во вьетнамском конфуцианстве являются синкретизм буддийских и даосских идей. Именно гармония и взаимодополняемость различных учений делают вьетнамскую конфуцианскую этику уникальной.

В-третьих, **вьетнамская конфуцианская этика согласуется с вьетнамской практической жизнью.**

Виды и нормы китайской конфуцианской этики были приняты, активно и избирательно использовались конфуцианцами вьетнамских феодальных династий, они видоизменялись и применялись в соответствии с практическими требованиями вьетнамского общества на каждый исторический период. Как утверждает Е. В. Кобелев: «Действительно, если китайские завоеватели и их вьетнамские союзники стремились к утверждению во Вьетнаме наиболее реакционных черт конфуцианства, таких как преклонение перед властью, консерватизм, догматизм, схоластические формы просвещения и т. п., то патриотически настроенные и прогрессивно мыслящие представители вьетнамской феодальной интеллигенции делали упор на имевшиеся в конфуцианстве рациональные, позитивные по тем временам элементы» [5, с. 65]. Трансформация китайских конфуцианских моральных понятий во Вьетнаме была необходима, поскольку она связана с практикой национально-освободительной борьбы против иноземных захватчиков, которая существовала весь период вьетнамского феодализма.

Если в китайской конфуцианской этике почтительный ребенок должен жертвовать всем заботясь о своих родителях, то во Вьетнаме моральный императив «сыновняя почтительность» делится на два понятия: маленькая и большая «сыновняя почтительность». Маленькая «сыновняя почтительность» — это любовь к родителям, а большая — к обществу, к людям, к государству, к стране. В исторических запи-

сах о жизни мандарина Нгуен Чай был описан случай, где можно ясно увидеть различия морального императива «сыновняя почтительность» во Вьетнаме: «Будучи ещё молодым, семья Нгуен Чай была в заложниках китайской династии Мин. Прибыв в город Дунгуань, отец Нгуен Чай сказал своим сыновьям, нечего следовать за ним и плакать, дело маленькой «сыновней почтительности» останется за его младшим сыном (забота о своем отце), а Нгуен Чай, будучи образованным, талантливым и смелым, выполнит дело большой «сыновней почтительности», он должен заботиться об освобождении и спасении страны, о спасении людей и своего народа» [16, с. 185]. Если следовать китайской конфуцианской этике, то Нгуен Чай должен был сопровождать своего отца и вместе с братом заботиться о нём, но послушав отца, в итоге Нгуен Чай вернулся во Вьетнам и освободил свою страну от гнёта, хотя он знал, что это в последний раз он видит своего отца. Здесь имеется другая сторона понятия «сыновней почтительности», любовь не только к своим родителям, но и к родине. Вьетнам является страной, сталкивающейся с большим количеством вторжений со стороны других стран, поэтому стремление к независимости и миру характеризует вьетнамский народ. Следовательно, «сыновняя почтительность» подразумевает большую ценность в идеологии национально-освободительного движения во Вьетнаме.

«Верность» во Вьетнаме означает не только лояльность к государю, императору или феодальной династии, но и к стране и народу. Китайский исследователь Сунь Яньфэн в своей монографии писал: «Понятие «верность» в китайском феодальном обществе в значительной степени воспринимается как лояльность к императору» [14, с. 361—362]. Во Вьетнаме же наоборот, конфуцианское учение «верности» относится к стране. В конце XIX в., когда французы вторглись во Вьетнам, император династии Нгуен «Ты Дык» (1847—1883 гг.), подписав «Сайгонский

договор» (1862 г.), передал управление тремя провинциями Вьетнама французским колонизаторам. Это событие вызвало протест во Вьетнаме. Конфуцианец Фан Ван Чи (1830—1910 гг.) призвал к свержению и обезглавливанию императора Ты Дыка. Такие смелые действия редко можно встретить в китайской истории.

В-четвертых, **вьетнамская конфуцианская этика более практична по сравнению с китайской.**

Конфуцианская этика в значительной степени была упрощена поколениями вьетнамских конфуцианцев для решения практических требований, которые предъявляет история. Обходя сложные и премудрые знания китайского конфуцианства, вьетнамские конфуцианцы компилируют знания различных конфуцианских книг для простоты и понимания. Компилированные конфуцианские учения стали более легкими в усвоении для вьетнамского народа, легкими для практики и применения. Профессор Дай Келаи прокомментировал это явление следующим образом: «Вьетнам принимает содержание китайского конфуцианства, но упрощает и прагматично приспособливает его к национальным условиям своей страны» [10, с. 103]. Соглашаясь с этой мыслью, профессор Фан Дай Зоан отметил, что «вьетнамские конфуцианцы упростили мысли Конфуция...» [15, с. 9—10]. Если в Китае существует различная литература о конфуцианском учении, к примеру «Четверокнижие» Чжу Си (1130—1200 гг.), «Четыре книги» от династий Сун, Юань, Мин, Тхань, то во Вьетнаме конфуцианские книги представляют собой только содержание с краткими объяснениями и обобщением доктрин. Это длилось на протяжении многих феодальных династий во Вьетнаме, к примеру, при династии Чан популярной конфуцианской книгой являлось «Ты Тхы Тхует Блок» (автор Чу Ван Ан, 1292—1370 гг.), династии Ле — «Ты Тхы Блок Зай» (автор Ле Куи Дон, 1726—784 гг.).

По сравнению с китайским конфуцианством, вьетнамское конфуцианство имеет меньше аргументов и отсутствие

разнообразных взглядов на одну и ту же тему. Взгляды вьетнамских конфуцианцев аргументированы и менее противоречивы, когда речь заходит об одном и том же вопросе. Они часто наследовали и развивали взгляды предшествующих конфуцианских ученых, и это в значительной степени способствует единообразию идей. Упрощенность идей конфуцианства имела много преимуществ, таких как легкость в восприятии и запоминании, однако, имела и свои недостатки. Упрощенность нарушает систематичность и логику самой доктрины, сужает возможность творческого развития идеологии. Вьетнамские конфуцианцы сосредоточили свое внимание на укреплении идеи государственной структуры, национализма, но не развивали этической теоретической системы. Можно утверждать, что основными чертами конфуцианской этики во Вьетнаме являются пракτικότητα и применимость, отсутствие теоретической системы и академичных идей [9, с. 15—16].

В заключение отметим, что в эволюции человечества всегда существовали коммуникация и взаимовлияние между различными культурами [11, с. 2], что является естественным процессом развития общества. В процессе культурного взаимодействия компоненты одной культуры могут влиять на другую, при этом они видоизменяются и адаптируются в зависимости от национальной особенности. При изучении процесса внедрения и изменения конфуцианской этики во Вьетнаме, а также ее специфики, мы можем заметить, что несмотря на глубокое влияние китайской конфуцианской этики, вьетнамская конфуцианская этика имеет множество отличий. Основные идеи вьетнамской конфуцианской этики направлены на развитие национальных принципов и сопротивления внешней культурной ассимиляции. Они придают вьетнамской конфуцианской этике свою уникальность, а также показывают творческую сторону вьетнамского народа в принятии элементов внешней культуры.

1. Ву Кхиеу. Конфуцианство в древности и наши дни / Ву Кхиеу. — Ханой : Общественные науки, 1991. — 348 с. (Vũ Khiêu. Nho giáo xưa và nay. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1991. 348 trang).

2. Вьетнамская Трипитака. Институт буддийских исследований. — Хошимин : Город Хошимин, 1991. — Т. I. — 686 с. (Đại tạng Kinh Việt Nam. Viện nghiên cứu Phật học Việt Nam. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1991. Tập I. 686 trang).

3. Инсун, Ю. Право и вьетнамское общество XVII-XVIII вв. / Ю. Инсун. — Ханой : Общественные науки, 1994. — 274 с. (Insun Yu. Luật và xã hội Việt Nam thế kỷ XVII — XVIII. Hà Nội: Nxb Khoa học Xã hội, 1994. 274 trang).

4. Кнорозова, Е. Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев / Е. Ю. Кнорозова. Санкт-Петербург : БАН, 2020. — 507 с.

5. Кобелев, Е. В. Фан Бой Тяу — вьетнамский революционный демократ, предшественник Хо Ши Мина / Е. В. Кобелев // Восточная Азия: факты и аналитика. — 2021. — № 4. — С. 63-70.

6. Нгуен Ланг. История вьетнамского буддизма / Нгуен Ланг. — Сайгон : Ла Бой, 1973. — 1162 с. (Nguyễn Lang. Việt Nam Phật Giáo Sử Luận. Sài Gòn: Nxb Lá Bối, 1973. 1162 trang).

7. Нгуен Суан Кинь. Сокровище вьетнамских пословиц / Нгуен Суан Кинь. — Ханой : Культура и информация, 2002. — Т.1. — 1685 с. (Nguyễn Xuân Kính. Kho tàng tục ngữ người Việt. Hà Nội: Nxb Văn hóa thông tin, 2002. Tập 1. 1685 trang).

8. Нгуен Суан Кинь. Сокровища вьетнамских народных песен / Нгуен Суан Кинь, Фан Данг Нхат, Фан Данг Тай, Нгуен Тхуи Лоан, Данг Зьеу Чанг. — Ханой : Культура и информация, 2001. — Т. I. — 1830 с. (Nguyễn Xuân Kính, Phan Đăng Nhật, Phan Đăng Tài, Nguyễn Thuý Loan, Đặng Diệу Trang. Kho Tàng Dân Ca Việt Nam. Hà Nội: Nxb Văn hóa Thông tin, 2001. Tập I. 1830 trang).

9. Нгуен Тай Тхы. Некоторые основные характеристики вьетнамского

конфуцианства / Нгуен Тай Тхы // Философский журнал. — 2009. — № 9. — С. 12—20. (Nguyễn Tài Thư. Một số đặc điểm cơ bản của Nho giáo Việt Nam // Tạp chí Triết học. 2009. Số 9. Trang 12-20).

10. Некоторые новые взгляды на древнюю историю и культуру Вьетнама. Пекинский университет. — Пекин : Пекинского университета, 1993. — Т. 2. — 546 с.

11. Огурцов, А. П. Аккультурация / Гуманитарный портал: Концепты / А. П. Огурцов, В. А. Эдельман // Центр гуманитарных технологий. 2002-2021. — URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7180> (дата обращения: 18.12.2022).

12. Пань Ю. Вьетнамская культура и ее новая перспектива / Ю. Пань. — Ханой : Культура, 1994. — 320 с. (Pan Yu. Văn hóa Việt Nam và cách nhìn mới. Hà Nội: Nxb Văn hóa, 1994. 320 trang).

13. Полное собрание исторических записок Великого Вьета. Институт социальных наук. — Ханой : Общественные науки, 1998. — Т. 2. — 533 с. (Đại Việt Sử ký Toàn thư. Viện Khoa học xã hội. Hà Nội: Nxb Khoa học xã hội, 1998. T.2. 533 trang).

14. Сунь Яньфэн. Распространение, развитие и изменение конфуцианства во Вьетнаме / Сунь Яньфэн. — Пекин : Шанс, 2004. — URL: <http://www.iceaworld.org/lb/content.aspx?nodeid=42&page=ContentPage&contentid=2269> (дата обращения: 12.07.2013).

15. Фан Дай Зоан. О некоторых проблемах вьетнамского конфуцианства / Фан Дай Зоан. — Ханой : Государственная политика, 1998. — 293 с. (Phan Đại Doãn. Một số vấn đề Nho giáo ở Việt Nam. Hà Nội: Nxb Chính trị quốc gia, 1998. 293 trang).

16. Фан Нгок. Вьетнамская культурная самобытность / Фан Нгок. — Ханой : Литература, 2008. — 550 с. (Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa Việt Nam. Hà Nội: Nxb Văn học, 2008. 550 trang).

17. Чан Ван Зяу. Развитие вьетнамской мысли с XIX века до Августовской революции / Чан Ван Зяу. — Хошимин : Город Хошимин, 1993. — Т. 1. — 560 с. (Trần Văn Giàu. Sự phát triển của tư tưởng Việt Nam từ thế kỷ XIX đến Cách mạng

tháng Tám. Thành phố Hồ Chí Minh: Nxb Thành phố Hồ Chí Minh, 1993. Tập 1. 560 trang).

18. Чан Нгок Тхем. Культурный фонд Вьетнама / Чан Нгок Тхем. — Ханой : Образование, 2006. — 336 с. (Trần Ngọc Thêm. Cơ sở văn hóa Việt Nam. Hà Nội: Nxb Giáo dục, 2006. 336 trang)

19. Чыонг Ху Куинь. Всеобщая история Вьетнама / Чыонг Ху Куинь. — Ханой : Образование, 2001. — Т.1. — 487 с. (Trương Hữu Quỳnh. Đại cương lịch sử Việt Nam. Hà Nội: Nxb Giáo dục, 2001. Tập 1. 487 trang).

20. Ralston, D. A. Vietnam: A cross-cultural comparison of upward influence ethics / D. A. Ralston, J. T. Tong, I. Maignan, N. K. Napier, V. T. Nguyen // Journal of International Management. — 2006. — Vol. 12. — P. 85-105.

References

1. Vu Khieu. (1991) Konfutsianstvo vdrevnosti i nashi dni [Confucian past and present]. HaNoi, Izd-vo Obshchestvennyye nauki, 348 p. [in Viet].

2. Institute of Buddhist Studies. (1991) V'yetnamskaya Tripitaka [Vietnamese Tripitaka]. Vol 1. HoChiMinh, Izd-vo Gorod Khoshimin, 686 p. [in Viet].

3. Insun Yu. (1994) Pravo i v'yetnamskoye obshchestvo XVII-XVIII vv. [Law and Vietnamese Society in the Seventeenth and Eighteenth Centuries]. HaNoi, Izd-vo Obshchestvennyye nauki, 274 p. [in Viet].

4. Knorozova, E. I. (2020) Dukhovnaia kul'tura v'etnama. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie vozzreniia v'etnamtsev [Spiritual culture of vietnam. Traditional religious and mythological views of the vietnamese]. St.petersburg, ban (rara orientalia), 507 p. [in Rus].

5. Kobelev. Ye.V. (2021) *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, no. 4, pp. 63-70 [in Rus].

6. Nguyen Lang. (1973) Istoriya v'yetnamskogo buddizma [History of Buddhism in Vietnam]. Saigon, Izd-vo La Boy, 1162 p. [in Viet].

7. Nguyen Xuan Kinh. (2002) Sokrovishche v'yetnamskikh poslovits [A treasure

of Vietnamese proverbs]. HaNoi, Izd-vo Kul'tura i informatsiya, 1685 p. [in Viet].

8. Nguyen Xuan Kinh, Phan Dang Nhat, Phan Dang Tai, Nguyen Thuy Loan, Dang Dieu Trang. (2001) Sokrovishcha v'yetnamskikh narodnykh pesen [A treasures of Vietnamese folk songs]. HaNoi, Izd-vo Kul'tura i informatsiya, 1830 p. [in Viet].

9. Nguyen Tai Thu. (2009) *Filosofskiy zhurnal*, no. 9, pp. 12-20. [in Viet].

10. Peking University. (1993) Nekotoryye novyye vzglyady na drevnyuyu istoriyu i kul'turu V'yetnama [New perspectives on the ancient history and culture of Vietnam]. Vol 2. Beijing, Pekinskogo universiteta, 546 p. [in Chinese].

11. Ogurtsov. A. P., Edelman V. A. (2022) Akkul'turatsiya [Acculturation]. Gumanitarnyy portal: Kontsepty. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, available at: <https://gtmarket.ru/concepts/7180> [in Rus].

12. Pan Yu. (1994) V'yetnamskaya kul'tura i yeye novaya perspektiva [Vietnamese culture and its new perspective]. HaNoi, Izd-vo Kul'tura, 320 p. [in Viet].

13. Institute of Social Sciences. (1998) Polnoye sobraniye istoricheskikh zapisok Velikogo V'yeta [A Complete history of Dai Viet]. Vol 1. HaNoi, Izd-vo Obshchestvennyye nauki, 533 p. [in Viet].

14. Sun Yanfeng. (2004) Rasprostraneniye, razvitiye i izmeneniye konfutsianstva vo V'yetname [Spread, development and change of Confucianism in Vietnam]. Beijing, Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans», available at: <http://www.iceaworld.org/lb/content.aspx?nodeid=42&page=ContentPage&contentid=2269> [in Chinese].

15. Phan Dai Doan. (1998) O nekotorykh problemakh v'yetnamskogo konfutsianstva [Some of the problems relating Confucianism in Vietnam]. HaNoi, Izdatel'stvo Gosudarstvennaya politika, 293 p. [in Viet].

16. Phan Ngoc. (2008) V'yetnamskaya kul'turnaya samobytnost [Vietnamese cultural identity]. HaNoi, Izd-vo Literatura, 550 p. [in Viet].

17. Tran Van Giau. (1993) Razvitiye v'yetnamskoy mysli s KHIKH veka do Av-

gustovskoyrevolyutsii [The development of Vietnamese thought from the nineteenth century to the August Revolution]. Vol 1. HoChiMinh, Izd-vo Gorod Kho-shimin, 560 p. [in Viet].

18. Tran Ngoc Them. (2006) Kul'turnyy fond V'yetnama [Cultural Foundation of Vietnam]. HaNoi, Izd-vo Obrazovaniye, 336 p. [in Viet].

19. Truong Huu Quynh. (2001) Vseobshchaya istoriya V'yetnama [General Outline of Vietnam History]. Vol. 1. HaNoi, Izd-vo Obrazovaniye, 487 p. [in Viet].

20. Ralston, D. A., Tong, J. T., Maignan, I., Napier, N. K., Nguyen, V. T. (2006) *Journal of International Management*, vol. 12, pp. 85-105 [in Eng].

*Статья поступила в редакцию
13.09.2023*

For citing: Pham, Tien Bac. Features of Vietnamese Confucian ethics / Tien Bac Pham // *Sotsium i vlast/Society and Power*. — 2023. — № 4 (98). — P. 51—58. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-51-58. — EDN VTKDYW.

UDC 1(091)

EDN VTKDYW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-51-58

FEATURES OF VIETNAMESE CONFUCIAN ETHICS

Pham Tien Bac^{1,2},

¹ RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Moscow, Russia

² Political Academy of Region II,
Ho Chi Minh, Viet Nam

E-mail: tienbacht@gmail.com

Abstract

Confucian ethics, being adopted in Vietnam, lost its originality and was adapted and supplemented in accordance with the historical practice of the people in order to meet their needs and correspond to changes in the feudal society of Vietnam. In other words, Confucian ethics was "Vietnamized". The article analyzes the process of implementing and developing Confucian ethics in Vietnam and defines its specifics. According to the author, the Confucian ethical principles are reviewed from the view point of the national interests of Vietnam.

Keywords:

Confucian ethics,
Vietnam,
humanism,
Vietnamization,
religions,
feudalism

Права: © Фам Тиен Бак (2023).
Опубликовано Челябинским филиалом
РАНХиГС. Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Copyright: © Pham Tien Bac (2023).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Тухватулина, К. А.

Эстетико-гносеологическая функция искусства в контексте неклассической научной парадигмы / К. А. Тухватулина // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 59—68. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-59-68. — EDN XRBFGM.

УДК 7.01

EDN XRBFGM

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-59-68

ЭСТЕТИКО-ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСКУССТВА В КОНТЕКСТЕ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

Тухватулина Ксения Александровна,

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат исторических наук.
Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0001-9171-0136
E-mail: ksusha-81@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматривается влияние научной картины мира на формы и способы существования искусства. Раскрывается гносеологическая функция искусства в различные исторические периоды смены научных парадигм, обозначается роль искусства в эпоху Средневековья (донаучное познание), Возрождения, Нового времени (классическая научная парадигма), периода конца XIX — первой половины XX в. (неклассическая научная парадигма). Уделяется особое внимание модернизму, в искусстве которого во многом реализуется гносеологическая функция, а художники воплощают достижения современной им научной картины мира в новых формах, отображая сложность новых научных теорий, которые обычный человек должен принять на веру.

Ключевые слова:

искусство,
гносеологическая функция искусства,
картина мира,
модернизм,
неклассическая научная парадигма

Введение

Искусство всегда существовало в тесной связи с социальной, культурной реальностью и соответствующей философско-мировоззренческой традицией эпохи. Обратимся к одной из важнейших функций искусства — гносеологической. Данная функция раскрывается в возможности познания действительности — мира, общества, самого человека — через художественные образы. В рамках семиотического подхода тартуско-московской школы искусство понимается как вторичная моделирующая система. «Искусство отличается от некоторых других видов познания тем, что пользуется не анализом и умозаключениями, а воссоздает окружающую человека действительность второй раз, доступными ему (искусству) средствами. То, что познание в искусстве достигается в процессе воссоздания действительности, — чрезвычайно существенно», — пишет Ю. М. Лотман [10, с. 30]. Искусство помогает воплотить в зрительных образах картину мира определенной исторической эпохи, ее важнейшие структуры, понятия и отношения сквозь призму личностного видения художником важнейших мировоззренческих категорий. Как отмечают В. С. Жидков и К. Б. Соколов, для художественного сознания картина мира имеет, по крайней мере, двоякое значение. Во-первых, она формирует содержание искусства, и во-вторых, картина мира сама заключает в себе программу собственного художественного представления — творческий метод, с помощью которого картина мира художника реализуется в его творчестве [9, с. 152]. Существование искусства в пространстве донаучной, классической и неклассической научных парадигм в отдельные исторические периоды воплощает основные мировоззренческие понятия в художественном творчестве и накладывает отпечаток на формы и способы практической художественной деятельности. Искусство сквозь призму художественной оценки мира выступает одним из посредников между ауди-

торией и современными ему способами познания бытия, способствуя, таким образом, реализации познавательной функции. Понимание и отражение мира в искусстве соответствует отдельным историческим этапам развития способов осмысления реальности. Рассмотрим ближе средневековую и ренессансную картины мира и их отражение в художественном творчестве, искусство как объективное отражение мира в пространстве классической науки, выделим способы и приемы объяснения новых научных открытий в неклассической науке в рамках модернистской художественной системы.

Средневековая донаучная картина мира

В средневековой картине мира на первый план выходит мир идеально-го — сакральное пространство, скрытое, умопостижимое. Средневековая мысль была ориентирована на Богопознание, и познание мира, природы, человека фактически выполняло задачу приближения к Богу. Знание о мире в данную эпоху было слито с философскими и религиозными представлениями и являло во многом тип так называемого «верящего знания». Английский философ и естествоиспытатель Роджер Бэкон писал: «Движение всей философии состоит в том, чтобы через познание творения познать творца» [цит. по: 8]. Отсюда отметим особую роль герменевтики: «герменевтика — искусство истолкования — оказывается в центре культуры этого периода» [13, с. 156]. С помощью толкования текстов, поиска скрытого в трансцендентной и социальной реальности решаются вопросы понимания окружающего мира и реализации истинного знания.

Средневековое искусство было направлено на достижение важнейшей цели — позволить рассмотреть то, что требовала вера, открыть человеку мир горний, мир единственной истины, царства Божия. В связи с этим художник использовал в процессе создания художественного изображения такие

приемы как сознательная деформация внешней формы, искажение пропорций, плоскостность, бесплотность изображаемого, прием обратной перспективы, совмещение углов зрения на предмет, сложные временные ракурсы, взгляд художника «изнутри» картины [20, с. 221—303]. Религиозная живопись и иконопись характеризуются символичностью, присутствием сакральной аллегории, высокого иносказания. Художественная форма рассматривалась в качестве средства, способного вызвать у людей эмоциональное отношение к сакральным образам, утвердить веру в существование сверхъестественного. Таким образом, в пространстве религиозной картины мира искусство выполняло сакральную функцию, стремясь с помощью художественных средств выражения проявлять скрытое, формировать зрительные образы нематериального, Абсолютного, Божественного. В обоснование иконописной традиции встречаем у Иоанна Дамаскина: «Для путеводительства к знанию, для откровения и обнародования скрытого и выдуман образ. Именно же, к пользе, в благодеяние и спасение, — чтобы мы распознавали скрытое в известных и прославляемых делах; и хорошего желали бы и ревновали, противоположного же, то есть худого, отвращались и ненавидели» [6, с. 335]. Символизм иконы имеет и более глубокое значение. В основе его лежит идущее из позднеантичной философии (Псевдо-Дионисий Ареопагит) представление, согласно которому в этом мире решительно все — всего лишь оболочка, за которой скрывается, как ядро, истинный смысл [1, с. 28].

Наука и искусство в эпоху Ренессанса

Важную роль в эпоху Ренессанса (вт. пол. XIII — XVI в.) играет творческая деятельность человека по преобразованию мира, сотворению красоты и самого себя. Человек-творец реабилитирует мир земной, мир человеческой телесности, возвращает право человека на

познание не только духовной реальности, но и мира в целом, в том числе, его природного, социального, культурного содержания.

Начиная с эпохи Возрождения, искусство все активнее обращается к реальности бытия, воплощает новую картину мира в видимых формах, выводит на первый план материальный и природный мир, мир естественных и социальных законов. Новые достижения живописи строятся на законах естествознания, оптики, развивается учение о пропорциях, прямой и воздушной перспективе, объеме, свете и тени. Связь науки и искусства становится неразрывной. «И поистине живопись — наука и законная дочь природы, ибо она порождена природой. Мы справедливо будем называть ее внучкой природы и родственницей бога» [3, с. 362], — восклицает Леонардо да Винчи. Возникшую в эпоху Возрождения «перспективную живопись», теоретик живописи XV в. Пьетро делла Франческо возводит в ранг науки, а Леонардо да Винчи воспекает человеческий орган зрения. Антропоцентризм и гуманизм Ренессанса, его попытки увидеть небесное сквозь земное, приблизить Бога к человеку и через это человека к Богу строят мосты к новому типу познания, к новой функции искусства: «...для Возрождения земля, ее поверхность становится родом экрана, отражающего изменчивую картину неба, с ее вечным чередованием света и мрака, негативно отраженным в постоянном появлении, исчезновении, перемещении и изменении» [7, с. 41].

Искусство в пространстве классической научной парадигмы

Картина мира Нового времени связана с научным познанием окружающего видимого мира, объективной реальности, данной человеку непосредственно в его опыте. Установление истины и ее подтверждение происходит с опорой на такие методы познания как эксперимент, наблюдение, из-

мерение. Особенности зрительного и чувственного восприятия искусства, в чем-то неизменные и сегодня, частично проистекают из эмпиризма и рационализма, распространившихся в качестве методов научного познания в эпоху Просвещения [19, с. 93]. Мир классической рациональной научной парадигмы получает свое воплощение и в искусстве. Наука, основанная на математике, ценности объективного как единственно верного способа познания мира, сопутствует искусству в освоении мира, формирует классическую рациональную парадигму научного знания, отражая отношения между познающим и познаваемым как между субъектом и объектом.

Индивидуализм и рационализм Нового времени находят отражение в стилях и направлениях искусства, формирующих мир наличного бытия. В период XVII—XIX вв. художники заняты поисками новых выразительных средств, способствующих лучшему видению и отражению реальности. В искусстве этого времени господствуют и зачастую сосуществуют многочисленные художественные стили и направления:

- стиль барокко (XVII — первая половина XVIII в.), торжественный, пышный, материально весомый, с его акцентом на новых приемах композиции, иллюзорности, обмане ожиданий зрителя;
- стиль классицизм (XVII—XVIII вв.), высокий пафос гражданских идеалов, его математическая строгость и логика, мера и соподчиненность частей, упорядоченность и гармония проистекают во многом из рационализма, рожденного философией Рене Декарта. Художественное произведение в рамках данного стиля связано с действием строгих законов, и призвано отразить стройность и закономерность самого мира;
- стиль рококо (первая треть XVIII в.), выразивший себя в изысканности, утонченности и гедонизме, во внимании к актуально-

му моменту и провозглашении высшей ценностью земной реальной жизни;

- реализм в мировом искусстве XIX в. предстает как наивысшее воплощение мира объективной реальности, отражение действительности (социальной, природной) в формах самой действительности.

В искусстве идут поиски всеобщих законов, постепенно формулируются законы композиции (необходимость связи и взаимной согласованности всех элементов произведения), типизации (узнаваемость характеров и отражение кульминационного момента времени), новизны, контрастов, закон подчиненности всех средств композиции идейному замыслу. Разрабатываются приемы изображения объема и плоскости, цвета, тона, света и тени. В произведении уделяется внимание ритму, пропорциям, линии, перспективе. В целом искусство Возрождения и особенно Нового времени, как и научное познание, сосредотачивает свое внимание на мире объективной реальности, чувственно воспринимаемом пространстве бытия, доступного непосредственному наблюдению и пониманию. Эстетико-гносеологическая проблематика становится определяющей.

Искусство модернизма в рамках неклассической научной парадигмы

На рубеже XIX—XX вв. происходят важнейшие изменения в структуре мировоззрения. На фоне развития научного знания завершается разложение религиозной картины мира. Идет возникновение неклассического научного знания. Подробно характеристику последнего встречаем в трудах В. С. Степина. Переход от классической науки к неклассической характеризовался «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. В противовес идеалу

единственно истинной теории, «фотографирующей» исследуемые объекты, укореняется норма, допускающая альтернативные теоретические описания одной и той же реальности, в каждом из которых может содержаться момент объективно-истинного знания» [18, с. 48]. В научном сознании постепенно формируются новые представления о природе познавательной деятельности. В. Гейзенберг выразил их в известной идее о том, что, если научное познание интерпретировать как постановку вопросов, на которые природа дает ответы, то характер этих ответов зависит не только от устройства природы, но и от способа нашей постановки вопросов. «Мы должны помнить, — пишет В. Гейзенберг, — что то, что мы наблюдаем — это не сама природа, а природа, которая выступает в том виде, в каком она выявляется благодаря нашему способу постановки вопросов... При этом вспоминаются слова Бора о квантовой теории: если ищут гармонии в жизни, то никогда нельзя забывать, что в игре жизни мы одновременно и зрители и участники. Понятно, что в научном отношении к природе наша собственная деятельность становится важной там, где приходится иметь дело с областями природы, проникнуть в которые можно только благодаря сложнейшим техническим средствам» [4, с. 27].

Различные аспекты этого нового понимания разума и познания вырабатывались в философии второй половины XIX — начала XX в. В трудах таких философов как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, К. Маркс, Э. Гуссерль, М. Вебер, З. Фрейд, Э. Мах и А. Пуанкаре своей критикой прямого онтологизма классической научной парадигмы также способствовали становлению неклассической рациональности. Эти философские идеи намечали программу построения новых философских оснований научного познания мира.

В эпоху рубежа XIX—XX вв. происходит своеобразная цепная реакция революционных перемен в различных областях знания. Установление относительности объекта к научно-

исследовательской деятельности привело к тому, что наука стала изучать не неизменные вещи, а вещи и объекты в конкретных условиях их существования. Теория относительности А. Эйнштейна переворачивает прежние представления об абсолютности категорий времени и пространства. Неевклидова геометрия Георга Б. Римана и Н. И. Лобачевского предложила новое решение пространственных геометрий. Мир, проявленный наукой, становится сложнейшей, неподвластной обыденному сознанию действительностью. В физике происходит открытие и формирование электромагнитной картины мира, открытие радиоактивности, затем прорыв в микромир атомной структуры, становление квантовой механики, возникновение физики элементарных частиц и в итоге — становление квантово-релятивистской картины мира. В биологии — появление клеточной теории, эволюционизма, открытия законов наследственности, формирование генетики. В медицине закладываются основы бактериологии и эпидемиологии. В химии — разработка Периодического закона химических элементов, происходит формирование атомно-молекулярной теории и учения о химических элементах, появляются химическая термодинамика, химическая кинетика и учение о катализе. В астрономии и космологии утверждается гипотеза о нестационарности Вселенной, формируется теория Большого взрыва. Мир человека разрастается до бесконечности в различных модусах бытия — мегамире, микромире. Осмыслить новое в теории, в новейших терминах и понятиях, формируемых научным знанием можно, но проверить в рамках обыденного опыта, невозможно. В этих условиях пространство науки формирует мир знания, которое обычный человек должен принять на веру.

И искусство, вновь пытаясь отстоять гносеологическую функцию, функцию отражения новой картины мира, идет путем утверждения принципов и форм альтернативного видения мира, его объяснения и понимания. В противо-

вес реализму, его стремлению отразить видимую предметную действительность, на рубеже XIX-XX веков искусство обращается к сложным теоретическим понятиям, вводимым в научное пространство. Свет, скорость, время и пространство, частицы, энергия, подсознание, и многие другие явления предстают в произведениях искусства. Традиционные формы искусства перестают соответствовать усложнившейся картине реальности. Необходимость отвечать революционному моменту приводит в искусстве к новой творческой экспериментальности, воплощающейся в бунтарском антитрадиционализме.

Модернизм как художественно-эстетическая система утверждает себя с конца XIX в., в основном формируя художественное пространство первой половины века XX. Модернизм — явление сложносоставное и включает в себя такие течения в эстетике и искусстве как фовизм, абстракционизм, супрематизм, сюрреализм, экспрессионизм, футуризм, кубизм, кубофутуризм, лучизм, конструктивизм, аналитическое искусство. В основе нового эстетического модернистского мировоззрения выделим следующие идеи:

- антитрадиционализм и приоритет инновации;
- приоритет Я художника и признание уникальности личностного видения мира;
- поиски новых выразительных форм и средств;
- программный, декларативный характер нового искусства, насыщенного теоретическими произведениями в форме манифестов, монографических авторских текстов («Обоснование и манифест футуризма» Филиппо Томазо Маринетти 1909 г., «О кубизме» Альберта Глеза и Жана Метценже 1912 г., «Манифест сюрреализма» Андре Бретона 1924 г., «Супрематизм» Казимира Малевича и т.д.);
- выход за пределы внешнего отражения социального и предметного мира, размывание или «полный отказ от миметического

принципа в искусстве», по поводу чего Х. Ортега-и-Гассет пишет: «Художник ослеп для внешнего мира и повернул свой зрачок вовнутрь, в сторону внутренних субъективных пейзажей» [14, с. 54], а Андре Дерен, один из лидеров фовизма в письме Морису Вламинку замечает: «Я уверен, что реалистический период живописи закончился. Собственно живопись только начинается» [12, с. 273];

- поиск и попытка осознания границ искусства;
- усиление рецептивной активности читателя, зрителя, слушателя, превращение их не только в равновеликих автору творцов художественного текста, но реципиентов, которые в процессе интерпретации текста становятся более важными, чем автор творцами художественного смысла.

Меняются требования к художнику. Как в рамках религиозной картины мира художник должен был глубоко разбираться в аспектах священной истории, как в пространстве реалистической традиции художник должен был отражать представления об актуальных событиях, политических и социальных потрясениях, так и в рамках новой картины мира, пишет А. Белый: «...художник для того, чтобы творить, должен сперва знать;... художник настоящего все более и более превращается в ученого; <...> область искусств технический прогресс приближает все более к области знаний; искусство есть группа особого рода знаний» [2].

Новые представления о мире предстают в преломленном сквозь призму индивидуального сознания художника видении мира.

Новая научная теория света и цвета находит свое отражение в художественном направлении дивизионизма (пуантилизма), которое основывается на методичном разложении сложного цветового тона на чистые цвета, фиксируемые на холсте четко различимыми отдельными мазками в расчете на

оптическое смешение этих мазков и создание эффекта световой вибрации. Задача художника — создать эффект слияния цветов на сетчатке человеческого глаза, как это происходит в живой природе при восприятии солнечного света и цвета в природе. Поль Синьяк, выступая в защиту нового направления в искусстве пишет: «Разделять же — это значит обеспечить себе все преимущества светосильности, красочности и гармонии посредством: 1) оптической смеси исключительно чистых красок (все цвета спектра и все их тона). 2) Разделения на элементы (цвет локальный, цвет освещенной части, их взаимодействие и т. д.). 3) Равновесия этих элементов и их пропорций (по законам контраста, градации и иррадиации). 4) Выбором мазка, пропорционального размеру картины» [16]. Научные принципы неоимпрессионизма базировались на достижениях современной оптики. Система дивизионизма была разработана художником Жоржем Сера на основе некоторых научных изысканий по оптике и физиологии цвета, в частности на выявленных М. Э. Шевредем эффектах simultaneity и последовательного контраста в восприятии дополнительных цветов. Большое влияние на художников-неоимпрессионистов оказала также работа американского физика О. Руда «Современное учение о цвете».

Кубизм обращается к свойствам пространства. В работе Альберта Глеза и Жана Метценже указывается: «Если хотя бы связать пространство художников с какой-либо геометрией, то лучше всего было бы обратиться к неевклидовой геометрии, внимательно обдумать некоторые теоремы Римана. Что касается чисто зрительного пространства, мы знаем, что оно получается от согласования ощущений схождения глазных осей и аккомодации хрусталика. Для картины, как плоской поверхности, аккомодации нет. Схождение прямых, которое перспектива заставляет нас выдумывать, не может, значит, само по себе вызвать идею глубины» [5]. Авторы указывают на возможности совре-

менной масляной живописи, которая позволяет выразить все признаки глубины, плотности, длительности, считавшиеся неизобразимыми, и побуждает представить в сложном ритме на очень ограниченном пространстве соединение вещей, как в некотором сплаве.

В творчестве отечественного художника К. С. Петрова-Водкина новые представления о неклассических пространственных геометриях находят новое преломление, рисуящее искривленное, практически космическое пространство. В своей автобиографической работе «Пространство Эвклида» К. С. Петров-Водкин вспоминает: «Но теперь, здесь на холме, когда падал я наземь, предомной мелькнуло совершенно новое впечатление от пейзажа, какого я еще никогда, кажется, не получал. Решив, что впечатление, вероятно, случайно, я попробовал снова проделать это же движение падения к земле. Впечатление оставалось действительным: я увидел землю, как планету. Обрадованный новым космическим открытием, я стал повторять опыт боковыми движениями головы и варьировать приемы. Очертя глазами весь горизонт, воспринимая его целиком, я оказался на отрезке шара, причем шара полого, с обратной вогнутостью, — я очутился как бы в чаше, накрытой трехчетвертьшарием небесного свода. Неожиданная, совершенно новая сферичность обняла меня на этом затоновском холме. Самое головокружительное по захвату было то, что земля оказалась не горизонтальной и Волга держалась, не разливаясь на отвесных округлостях ее массива, и я сам не лежал, а как бы висел на земной стене» [15, с. 13].

Энергия и скорость, научно-технический прогресс становятся точкой назначения в искусстве футуризма. Филиппо Томмазо Маринетти в Первом манифесте футуризма провозглашает: «Мы утверждаем, что великолепие мира обогатилось новой красотой — красотой скорости. Гоночная машина, капот которой, как огнедышащие змеи, украшают большие трубы; ревущая машина, мотор которой работает как на

крупной картечи, — она прекраснее, чем статуя Ники Самофракийской. Мы хотим воспеть человека у руля машины, который метает копье своего духа над Землей, по ее орбите» [11, с. 159].

Искусство модернизма и авангарда создало новое революционное пространство, несмотря на ощущение кризиса и декаданса, художники, литераторы предпринимают системные попытки создать, творчески преобразовать и воплотить новую картину мира. Поиски в целом носят оптимистический характер, воплощающий веру в прогресс и будущее человечества.

Само восприятие человека и мира, предложенное модернизмом, вступало в противоречие со всем строем предшествующего ему мышления и философии. Область интересов художника переместилась с действительности на способы ее репрезентации, манифестации, конструирования. Модернизм проявил исключительное внимание к «духовным и жизненным практикам человека, до тех пор подвергавшимся различным запретам, вытеснениям и дискредитации» [17, с. 149]. Он стремился не расширить у зрителя, читателя представление об окружающей действительности, а воздействовать на его систему восприятия, ментальный аппарат, конструирующий картину мира, поэтому о модернизме часто говорят, как об искусстве, рассчитанном на активное сотворчество.

Заключение

В целом, можно говорить о том, что картина мира отдельного исторического периода, включая научную картину мира, представления о мироздании, способах и методах его познания и понимания, соседствует и оказывает влияние на художественное отражение действительности. Искусство в пространстве эстетико-гносеологической функции берет на себя часть задач по осмыслению и объяснению мира: в Средневековье — трансцендентного, в эпоху Возрождения и Нового времени — объективного, в период

развития неклассической науки второй половины XIX — первой половины XX в. — мира, в который допущены новые виды реальности, относительность стандартов, неопределенность, самоценность Я творца и субъективных систем отсчета. В целом, система художественного творчества, существуя в пространстве научной картины мира, в составе гносеологической функции, во многом отражает новые научные понятия, входящие и врастающие в мировоззренческую картину мира как общества в целом, так и субъективную картину мира отдельного человека.

1. Алпатов, М. В. Древнерусская иконопись / М. В. Алпатов. — М. : Искусство, 1974. — 332 с.

2. Белый, А. Будущее искусство / А. Белый // Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. Т. 1 / вступ. ст., сост. А. Л. Казин, коммент. А. Л. Казин, Н. В. Кудряшева. — М. : Искусство, 1994. — (История эстетики в памятниках и документах). — URL: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_14_1909_simvolizm.shtml (дата обращения: 16.10.2023).

3. Винчи, Л. да. Трактат о живописи / Л. да Винчи // Эстетика Ренессанса: антология: в 2 т. / Т. 2. / сост. и науч. ред. В. П. Шестаков. — М. : Искусство, 1981. — 639 с. — С. 355—373.

4. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое / В. Гейзенберг. — М. : Наука, 1990. — 400 с.

5. Глез, А., Метценже, Ж. О кубизме / А. Глез, Ж. Метценже ; пер. с фр. Е. Низен. Ред. Матюшина. — СПб, 1913. — URL: https://www.studmed.ru/albert-glez-zhan-mecenzhe-o-kubizme_19d5566c1bb.html (дата обращения: 16.10.2023).

6. Дамаскин, И. Три защитительных слова против отвергающих святые иконы / И. Дамаскин // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. / Т. 1. / Отв. ред. М. Ф. Овсянников. — М. : Изд-во Академии художеств СССР, 1962. — С. 335-337.

7. Данилова, И. Е. От Средних веков к Возрождению (Сложение художественной системы картины кватрочен-

то) / И. Е. Данилова. — М. : Искусство, 1975. — 128 с.

8. Дерен, А. Письма Вламинку. 1901 г. / А. Дерен // Мастера искусства об искусстве: Избранные отрывки из писем, дневников, речей и трактатов : в 7 т. / Т. 5, кн. 1. Искусство конца XIX — начала XX века / под ред. И. Л. Маца и Н. В. Яворской. — М. : Искусство, 1969. — 448 с.

9. Догужиева, М. М. Наука и техника в социокультурном контексте Средневековья / М. М. Догужиева // Гуманитарный вестник. — 2015. — № 6 (32) — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-tehnika-v-sotsiokulturnom-kontekste-srednevekovya> (дата обращения: 16.10.2023). DOI: 10.18698/2306-8477.

10. Жидков, В. С. Искусство и общество / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. — СПб : Алетейя, 2005. — 592 с.

11. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике [1964] / Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / сост. А. Д. Кошелев. — М. : Гнозис, 1994. — С. 11-258.

12. Маринетти, Ф. Т. — Le Figaro, 20 февраля 1909 г. / Ф. Т. Маринетти // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы / сост., предисл., общ. ред. Л. Г. Андреева. — М. : Прогресс, 1986. — С. 158-162.

13. Огурцов, А. П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование / А. П. Огурцов. — М. : Наука, 1988. — 256 с.

14. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. — М. : АСТ, 2003. — 269 с.

15. Петров-Водкин, К. С. Пространство Евклида / К. С. Петров-Водкин. — М. : Искусство, 1970. — 632 с.

16. Синьяк, П. От Делакруа к неоимпрессионизму / пер. Дудин И. О. — М. : Юрайт, 2022. — URL: http://rozanova.net/second_page.pl?id=384&catid=14 (дата обращения: 15.10.2023).

17. Солонин, Ю. Н. Аспекты моральной философии модернизма / Ю. Н. Солонин // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя : материалы науч. конф. 26-27 сентября 2000 г. — СПб :

Санкт-Петербургское философское общество, 2000. — С. 148—152.

18. Степин, В. С. Типы научной рациональности и синергетическая парадигма / В. С. Степин // Сложность. Разум. Постнеклассика. — 2013. — № 4. — С. 45-59.

19. Табунова, Н. А. Основные черты выразительности искусства Нового времени / Н. А. Табунова // Художественная культура. — 2022. — № 1. — С. 80—107. DOI: 10.51678/2226-0072-2022-1-80-107.

20. Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — 369 с.

References

1. Alpatov M. V. (1974) Drevnerusskaya ikonopis' [Old Russian icon painting]. Moscow, Iskusstvo, 332 p. [in Rus].

2. Belyi A. (1994) Budushchee iskusstvo [Future art]. *Criticism. Aesthetics. Symbolism theory*: v 2-kh tt. T. 1 / Vstup. St., sost. A. L. Kazin, komment. A. L. Kazin, N. V. Kudryasheva. (Istoriya estetiki v pamyatnikakh i dokumentakh). Moscow, Iskusstvo, available at: http://az.lib.ru/b/belyj_a/text_14_1909_simvolizm.shtml (accessed October 16, 2023) [in Rus].

3. Vinchi L. da. (1980) Traktat o zhivopisi [Treatise on Painting]. *Renaissance Aesthetics: An Anthology*: v 2 t. / sost. i nauch. red. V. P. Shestakov. T. 2. Moscow, pp. 355-373 [in Rus].

4. Geizenberg V. (1990) Fizika i filosofiya. Chast' I tseloe [Physics and philosophy. Part and whole]. Moscow, Nauka, 400 p. [in Rus].

5. Glez A., Mettsenzhe Zh. (1913) O kubizme [About cubism]. Per. S fr. — E. Nizen, Saint Petersburg, available at: https://www.studmed.ru/albert-glez-zhanmecen-zhe-o-kubizme_19d5566c1bb.html (accessed 16.10.2023) [in Rus].

6. Damaskin I. (1962) Tri zashchitel'nykh slova protiv otvergayushchikh svyatye ikony [Three protective words against those who reject holy icons]. *History of aesthetics. Monuments of world aesthetic thought*: v 5 t. T.1. Otv. Red. M.F. Ovsyannikov. Moscow, Izd-vo

Akademii khudozhestv SSSR, pp. 335-337 [in Rus].

7. Danilova I. E. (1975) Ot Srednikh vekov k Vozrozhdeniyu (Slozhenie khudozhestvennoi sistemy kartiny kvattrocento) [From the Middle Ages to the Renaissance (Addition of the artistic system of Quattrocento paintings)]. Moscow, 128 p. [in Rus].

8. Deren A. (1969) Pis'ma Vlaminku. 1901 g. Mastera iskusstva ob iskusstve: Izbrannye otrivki iz pisem, dnevnikov, rechei i traktatov: v 7 tt. T. 5, kn.1. Iskusstvo kontsa XIX — nachala XX veka. Pod redaktsiei I. L. Mátsa i N. V. Yavorskoi, Moscow, Iskusstvo, pp. 273-274 [in Rus].

9. Doguzhieva M. M. (2015) Nauka i tekhnika v sotsiokul'turnom kontekste Srednevekov'ya [Science and technology in the sociocultural context of the Middle Ages]. *Humanitarian Bulletin*, no 6 (32), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-tehnika-v-sotsiokulturnom-kontekste-srednevekovya> (accessed 16.10.2023) [in Rus].

10. Zhidkov V. S., Sokolov K. B. (2005) Iskusstvo i obshchestvo [Art and society]. Saint Petersburg, Aleteiya, 592 p. [in Rus].

11. Lotman Yu. M. (1994) Lektsii po struktural'noi poetike [1964] [Lectures on structural poetics [1964]]. *Yu.M. Lotman and the Moscow-Tartu semiotic school*. Moscow, Gnozis, pp. 11-258 [in Rus].

12. Marinetti F. T. (1986) Le Figaro, 20 fevralya 1909 g. [Le Figaro, February 20, 1909]. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: Programmnye vystupleniya masterov zapadnoevropeiskoi literatury*. Moscow, Progress, pp. 158-162 [in Rus].

13. Ogurtsov A. P. (1988) Distiplinarnaya struktura nauki: Ee genezis i obosnovanie [Disciplinary structure of science: Its genesis and rationale]. Moscow, Nauka, 256 p. [in Rus].

14. Ortega-i-Gasset Kh. (2003) Vosstanie mass [Rise of the masses], Moscow, AST, 269 p. [in Rus].

15. Petrov-Vodkin K. S. (1970) Prostranstvo Evklida [Euclidean space]. Moscow, Iskusstvo, 632 p. [in Rus].

16. Sin'yak P. (1913) Ot Delakrua k neoimpressionizmu [From Delacroix to Neo-Impressionism], available at: http://rozanova.net/second_page.

pl?id=384&catid=14 (accessed 15.10.2023) [in Rus].

17. Solonin Yu. N. (2000) *Aspekty moral'noj filosofii modernizma* [Aspects of the moral philosophy of modernism]. *Aesthetic and ethical: 40 years later. Mat. scientific conf. September 26-27, 2000 Abstracts of reports and speeches*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, pp.148-152 [in Rus].

18. Stepin V. S. (2013) *Tipy nauchnoi ratsional'nosti i sinergeticheskaya paradigm* [Types of scientific rationality and synergetic paradigm]. *Complexity. Intelligence. Post-non-classical*, no. 4, pp. 45-59 [in Rus].

19. Tabunova N. A. (2022) *Osnovnye cherty vyrazitel'nosti iskusstva Novogo vremeni* [The main features of expressiveness of modern art]. *Art culture*, no. 1, pp. 80-107 [in Rus].

20. Uspenskii B. A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 369 p. [in Rus].

*Статья поступила в редакцию
03.11.2023*

Права: © Тухватулина К. А. (2023).
Опубликовано Челябинским филиалом
РАНХиГС. Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

For citing: Tukhvatulina, K. A.
Aesthetic and epistemological function
of art in the context of the non-classical
scientific paradigm / K. A. Tukhvatulina //
Sotsium i vlast/Society and Power. — 2023. —
№ 4 (98). — P. 59—68. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-59-68. —
EDN XRBFMG.

UDC 7.01

EDN XRBFMG

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-59-68

AESTHETIC AND EPISTEMOLOGICAL FUNCTION OF ART IN THE CONTEXT OF THE NON-CLASSICAL SCIENTIFIC PARADIGM

Ksenia A. Tukhvatulina,

South Ural State Humanitarian and Pedagogical
University,

Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (History).

Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0001-9171-0136

E-mail: ksusha-81@inbox.ru

Abstract

The article considers the influence of the scientific world picture on the forms and modes of the existence of art. The author reveals the epistemological function of art in various historical periods of changing scientific paradigms, outlines the role of art in the Middle Ages (pre-scientific knowledge), the Renaissance, the New Age (classical scientific paradigm), and the period of the late 19th - first half of the 20th centuries (non-classical scientific paradigm). Particular attention is paid to modernism, in the art of which the epistemological function is largely realized, and artists embody the achievements of the contemporary scientific world picture in new forms, reflecting the complexity of new scientific theories that an ordinary person must take for granted.

Keywords:

art,
epistemological function of art,
world picture,
modernism,
non-classical scientific paradigm

Copyright: © Tukhvatulina K. A. (2023).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

Для цитирования: Погорельская, Е. Ю.
 Кино: конструирование времени /
 Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов //
 Социум и власть. — 2023. —
 № 4 (98). — С. 69—83. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-69-83. —
 EDN FWPCUY.

УДК 115

EDN FWPCUY

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-69-83

КИНО: КОНСТРУИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
 доцент кафедры социально-культурного
 сервиса и туризма,
 кандидат философских наук.
 Екатеринбург, Россия.
 ORCID: 0000-0002-9723-465X
 E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,

Уральский государственный
 горный университет,
 доцент кафедры философии
 и культурологии,
 кандидат философских наук, доцент.
 Екатеринбург, Россия.
 ORCID: 0000-0003-2277-2899
 E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Техническое искусство кинематографа традиционно рассматривается как синтетическое единство научно-технического прогресса и творческого начала. Возможность неограниченного копирования киносюжетов позволяет распространить авторитет кино на широкие сферы общественного внимания и формирует массового человека. При этом остается за кадром тот факт, что кино — это прежде всего эксперимент со временем, организованный техническими средствами.

Цель. Если основные вопросы человечества сосредоточены вокруг проблемы жизни и смерти, вокруг проблемы освоения и одоления времени, то кино наглядно показывает, что человечество имеет готовую воплощенную модель своего желания.

Методы. В работе используется феноменологический метод, позволяющий за «непрозрачным телом» кино видеть временную ткань. Эйдетическая редукция к основаниям сконструированной временной реальности киносюжетов дополняется структуралистским методом анализа технических устройств и технологических приемов кинопромышленности.

Научная новизна. Онтология технического искусства кино выходит за грани рациональности и прагматики. Запуская особого рода эксперимент со временем, технологии кино позволяют присутствовать зрителю в бифуркационных моментах временных метаморфоз, соединяющих различные временные модусы. Временная ткань подчинена сюжетной логике.

Результаты. В кино техническими средствами конструируется время. Природа этой конструкции позволяет усматривать слоистую структуру времени, пересечения временных потоков, наплывы, обратные временные порядки и остановки во времени. Техника кино наглядно показывает, что временные барьеры условны.

Выводы. Кино растворяет любую эмпирическую плотность, создавая в ней лакуны и переходы в иные миры. Связь между мирами осуществляет сконструированное время. Время вынимается из объектов и, подчиняясь ходу повествования, расширяет реальность мира. Так появляется виртуальность.

Ключевые слова:
 виртуальное время,
 кино,
 копия,
 кино-образы,
 воображение

Введение

Современный технический мир разнообразен и гибок. Он входит узлами и в живую социальную ткань, и в мыслительные операции, и в художественное дело: это позволяет сравнивать и отождествлять мир технических предметов с естественной средой. В этом техническом мире кино является индустриальным искусством, специфической машинерией, — как по своему происхождению, так и по форме своего существования. При этом распространение и развитие кинематографа объясняется и прогрессом собственно технического, вещественного элемента, и особым отношением кино к времени, которое резонирует восприятию зрителя масс.

Действительно, кино в современном мире «забирает» основные объемы внимания, как это делают деньги. Значит, есть в телекино что-то, что так прельстительно, на что согласны многие. Кино наводнило материальный мир специфическими образами, которые ранее закреплялись исключительно за деятельностью сознания. «Как бы кино ни приближало нас к вещам, как бы ни удаляло нас от них и ни вращало вокруг них, оно все же устраняет укорененность субъекта и горизонт мира, то есть условия естественной перцепции, оно подменяет имплицитным знанием и вторичной интенциональностью» [8, с. 107], — пишет Ж. Делёз. Вспомним, через интенциональность схоласты пытались определить способ творения окружающего мира. «Бог мыслит вещами», — утверждал средневековый учёный, соответственно, создать вещь — значит сотворить её через внимание, направить внимание, волю и собственно творческий акт на эту создаваемую вещь. Таким образом, выделенный Делёзом аспект «вторичной интенциональности» видит в кино то техническое, которое претендует на сотворчество, на создание особого мира технических и специфических образов.

Кино как техническое искусство напрямую наследует возможности машин, запускающих его творение, оно

поглощает автономии личных сознаний, вырывает безоговорочное «да» на включенность индивидуальных атомарных жизней в иное. Реальность, создаваемая кино, есть мимикрия, которая и не претендует на подлинность. Оно особая материя-растворитель, необходимая многим: кому-то для понимания этого мира, кому-то для бегства из него. Является ли мир бесконечных кино грез зеркальным лабиринтом человеческих деяний или кино являет образец новой формы существования человечества, потерявшего рай и цепляющегося за любое подобие такового? Что за тоска гонит человечество за пределы твердости материальных заборов и определенности невыбираемых условий?

Технические временные объекты

О времени написано много, но объект интереса оказывается неисчерпаем. Выберем из множества смысловых путей то, что имеет отношение к нашей теме. Обратимся к работе Эдмунда Гуссерля «Феноменология внутреннего сознания времени» [5], написанной тогда, когда кинематограф только вступил в мир культуры и воспринимался исключительно как диковинка. Исследуя временные объекты, Э. Гуссерль, опираясь на Ф. Brentano, рассматривает исключительно феномены сознания. Однако анализ феноменов сознания как объектов говорит о том, что Гуссерль не сомневался, что имеет дело с объективной реальностью. Такую феноменологически описываемую объективность позднее обозначили как интерсубъективность. Нам важно здесь подчеркнуть, что феномены сознания не есть психологические кажимости и иллюзии, а суть самые что ни на есть факты. Кино в этом аспекте само создаёт временные феномены сознания, вынесенные наружу, обретшие плоть.

Для исследования времени кино, предварительно посмотрим на интуиции самого Гуссерля. На наш взгляд Гуссерль «заводит» в схему технического времени, коль скоро живое время

всегда представлено каскадом образов или звуков, кристаллизующих субъективность в себя.

«Под временными объектами мы понимаем объекты, которые не только представляют собой единства во времени, но содержат в себе временное протяжение» [5, с. 25], — пишет Гуссерль. Ярким примером временного объекта является мелодия, творящаяся шаг за шагом, нота за нотой, тон за тоном талантом исполнителя и при помощи музыкального инструмента. Никто не отваживается называть мелодию техническим искусством, хотя для ее исполнения требуется мастерство (*techné*) и музыкальные инструменты. Исполнительское музыкальное искусство насквозь пропитано «техническим составом»: инструментами¹, выученными навыками, нотными алгоритмами, позами, упражнениями, дневником исполнения. Но в проигрывание музыкального сюжета включается время, и технический ансамбль, составленный из человеческого мастерства и инструментов, оживает: мелодия «берет за душу», открывает путь в иные миры. Временной аспект выводит техническое исполнение до уровня бытия.

Классическая философия в лице Платона [11] временной аспект цели не учитывает, ибо идеи-эйдосы вечны, а время суть способ до идеи добраться (у Платона — подняться, воспарить). В этом смысле идеи Платона, категории Канта и Гегеля, модусы и атрибуты Спинозы [15] не являются временными объектами, ибо, повторим, принадлежат вечной истине. Гуссерль, исследуя феномены сознания, пытается описать и проанализировать путь, способ движения к тому, что ранее было понятием-идеей. И этот способ в своей важнейшей характеристике — временной, временный. Т. о. время создает ступени к идее, лестницу вверх. Обозначая, очерчивая каждый тон, время позволяет ему сохраниться после фактически-

¹ Например, музыкальный инструмент орган представляет собой сложнейший технический механизм. П. А. Флоренский видел в устройстве органа пример неверной догматической характеристики западного христианства в целом.

го окончания звука, Гуссерль назвал это первичной памятью. Восприятие оставляет музыкальный трек, «хвост кометы», ретенцию, остаточное воспоминание, позволяющее мелодии длиться, подхватываться следующим тоном и передаваться далее. Мелодия на нотных листах так же записана последовательно, музыкальные структуры так же предполагают хронологию. Бесплезно нажимать все клавиши сразу — мелодии не будет, время включено в исполнение произведения. Целостность музыкального движения образует целостность идеи/темы, которая с обязательным условием будет воплощаться шаг за шагом, не срываясь на полпути, если того не предполагает замысел, целевая причина. Хотя, конечно, цель музыкального образа может предполагать проволочки, сбивки, но это лишь кокетливые лакуны, не отпускающие свое участия в осуществлении общего замысла.

Гегель полагал, что истина — это целое, подразумевая, что результат нельзя брать отличным от процесса. Целостность мелодии в ее временном пути — это ее сакральная/персональная истина. Музыка здесь дает образец восхождения к бытию, кино его подхватывает. Кино создает дополнительную визуальную плотность, не порывая со временностью. Кадр аналогичен тону. На музыкальный сюжет наслаивается визуальный концепт. Могут, конечно, возразить, что немое кино появилось раньше звукового, но в мире всё несвоевременно, все просто возникает, выстраиваясь потом в общую логику движения бытия, не теряясь и находя свое место. И немому кино нужен был тапёр, который, отметим, не обязательно должен быть хорошим музыкантом. Задача тапёра в немом кино — поддерживать временную целостность визуального ряда (помогать ему), который пока что выглядит как чудная экзотика. Безусловно, что в этом кружении вектором силы являются авторы, оформляющие свои интуиции в единый смысловой поток, где каждый завиток в итоге приобретает индивидуальное имя. Авторский взгляд

здесь — «сборочный пункт», формирующий синтетическое единство, которое будет отпущено в плавание по общему процессу истории с возможностью бесконечного реверса. Показывается схваченное настоящее, становящееся прошлым, и при этом прошлое удерживается сознанием как настоящее. Это то прошлое, к которому в упоении возвращаются, дорогие памяти осколки. Поэтому понимание кинематографического чуда невозможно исходя только из очевидного явления приращения смысла за счет авторской компоновки материала/словесных блоков/кадров. Техническое копирование, в котором активно участвует кино, поддерживается онтологической жаждой целостности. Так мы смотрим фильм, который любили в детстве, вспоминая себя теми, которые его смотрели тогда. Или, более сложная структура: в фильме описывается прошлое главного персонажа, и этот персонаж сам вспоминает себя прошлым. Так структурно построен «Мой друг Иван Лапшин» А. Ю. Германа.

Кино можно толковать как воплощенное воспоминание, вынесенное за скобки индивидуального сознания; воспоминание, связывающее время жизни как таковое со временем индивидуального пребывания. Этим кино отличается от фотографии, зафиксированного неподвижного кадра. Фотография в этом смысле останавливает время и Р. Барт справедливо отмечал, что фотография человеческого лица близка посмертной ритуальной маске. Кино же показывает движение в первую очередь, а именно движение является важнейшей характеристикой времени. И не случайно один из первых киносюжетов был связан с прибытием-движением поезда (заметим — технического аппарата). Эта способность и качество кино — выход с уровня внешне-плоской технической целесообразности в глубину «настоящих» переживаний. А. Тарковский подчёркивал и специально отмечал в той «люмьеровской» сценке, что первые зрители вставили и с испугом покидали свои места, ибо боялись, что поезд ворвётся в зал.

Темпоральная инженерия кино

В таком индустриально-техническом модусе кино выглядит как система копий: можно воспроизвести фильм неограниченное количество раз и размножить изначальный образец в многообразии одинаковых вариантов. Техническая копия — искусственное подобие вечности в её бесконечном повторении того же самого; что в сущности, к самой вечности отношения не имеет, но похоже на нее, имитация. Технические копии скорее предполагают замкнутость технически организованного времени, зажатого в ограниченную длительность фильма. Законченный киносюжет внешне похож на работу автомата с воспроизводимым циклом. Киносюжет повторяется бесконечное количество раз. Однако работа киноаппаратов значительно отличается от работы традиционных автоматических систем. Автоматические действия роботов различного уровня подчиняются алгоритмам, моделируемым достижением определенных целей, заранее известных и предсказуемых. Самодействие процессов жизни (дыхания, сердцебиения и т. д.) позволило, например, Декарту [7] рассматривать организм как естественный автомат. Открытие генетиками процессов транскрипции, трансляции, репликации позволило в который раз подтвердить автоматизм многих биологических процессов. Человек не думает над тем, как он дышит и не думает над тем, какой ногой ему сделать следующий шаг. Технические автоматы так же направлены на экономию внимания, они сделаны с условием ответственной предсказуемой работы машины. Типичный автомат не требует присутствия сознания, разве изредка, когда мы, например, с интересом или озабоченностью смотрим на часы, или, когда требуется перезагрузить кофе-машину.

С кино-копиями и кино-повторами возникает та же ситуация, которая появилась в эпоху создания печатной книги. Консервация хода времени за

счет копирования. «Копия — это атом технической реальности» [12, с. 22]. Подобного рода отношение к реальности стало особенно заметным в ситуации промышленного производства и массового потребления. Кино нацелено на массовое производство образов, и, как при любом производственном процессе, образы подвержены копированию. Кино — имитация закрытой системы, в которой производство образов происходит «по ту сторону материального мира». Складируется в данном случае время. Однако кино — ускользающая натура, и, хотя нам кажется, что перед нами типичная копия или закрытая на себя система, на деле, кинематографическое событие — это специфический «портал» в иное измерение. Переход в иной тип реальности возможен благодаря тому, что формируется связь, которую осуществляет время.

Андрей Тарковский, как известно из его лекций, интервью и личных бесед постоянно подчёркивал, что «материалом кино является время» [16, с. 24]. Но ведь время не глина, не краска и даже не звук и, тем не менее, кино схватывает и манипулирует временем.

Хайдеггер в работе «Основы метафизики» [19], исследуя время, замечает, что время лучше всего чувствуется в состоянии скуки. Ход времени ощущается, когда ждешь поезда, когда делаешь никому не нужный отчет, когда сидишь в очереди: время течет медленно, становится плотным, трудно проходным. В ситуациях вовлеченности или искренней занятости человек время не чувствует — время летит, говорим мы, имея в виду то, что время прошло незаметно. Затянутое время создает процессы трансформации, нерешительность и отсутствие движения нагнетают временную энергичность, задают поиск момента освобождения. Запутанная рутинной жизнью «ныряет в кино», в виртуальные ворота. Кино склоняет человека к «продленному» существованию в фантастическом субстрате/облаке. Сегодня, — нацеленное на удивление, на развлечение, «на интересное», на «что-то новое» — кино всеми силами

противостоит скуке и тем самым забирает время у человека, а через время (к бытию оно ближе всего), забирает у человека и бытие.

Если посмотреть на естественное время, то мы нигде не найдем ни механически равных часов, ни начала дня/суток или года. В северных широтах летнее течение времени отлично от зимнего, а на экваторе разницу времен года обнаружить сложнее. И, тем не менее, структурирование времени и, следовательно, жизни оказывается ценным. Искусственное время механических равных часов, появившихся в XIII веке, дает образец и открывает возможность конструирования времени.

И кино здесь — достойный наследник механического понимания времени, ибо оно вынимает время из объектов и выстраивает его по своей особой логике, но при этом оно не порывает с естественным течением событий, а как бы дает им дополнительную виртуальную плоскость, иное измерение. Это хорошо понятно людям, которые чувствуют и ценят естественную темпоральность событий, которые осознают «технические леса» киношного времени. Эта публика любит и почитает театр больше, чем кино именно из-за того, что театральные постановки в большинстве своем не выходят за естественное время. Монтаж в кино — всегда особая логика целого, которая отвечает за формирование смысла техническими средствами. В работе К. Э. Разлогова «Монтажный и антимонтажный принцип в искусстве экрана» выделяется основная техническая предпосылка монтажа — склейка. «Именно техническая необходимость склеивать куски, снятые разными аппаратами в разное время и в разных местах, позволила Л. Кулешову с лабораторной наглядностью показать несводимость экранного образа к эмпирической реальности, влияние монтажного контекста на смысл и эмоциональное содержание одного и того же кадра, возможность конструкции псевдоединоного эпизода из произвольно собранных кусков и т. д.» [14, с. 26]. Монтаж, с одной

стороны, — это совокупность кадров, каждый из которых частично замкнут на себя, и представляет собой полузакрытую систему, а с другой стороны, монтаж — это не просто определенная последовательность схожих кадров, отличающихся нюансом и в синтезе имитирующих движение, как это хорошо видно при создании рисованных мультфильмов. Монтаж формирует особую визуальную последовательность, скрепляющую целое — идею. Получается, что здесь налагаются друг на друга несколько пластов времени: время-сумма — механическая совокупность кадров, организующих определенные множества и подмножества, различные схваченные визуальные, узнаваемые системы; время-замысел фильма, протянутый через все законченные скадрированные множества; время жизни индивидуального сознания, включенного в просмотр фильма, и укорененного во временном ходе естественных процессов бытия.

Монтаж конструирует, прежде всего, свое время фильма: он позволяет совместить ускоренную киносъёмку, составить кадры в обратном порядке, снимать из неожиданных углов и позиций, снимать при помощи подвижной камеры. Время в кадрах имеет разную интенсивность, может быть воплощено разным количеством движения или пустотой, в разной акцентуации может быть представлен тот или иной момент времени. В темпоральности фильмов отсутствует гомогенность и потому так нелепо для кино абсолютное время Ньютона с его математической однородностью и размеренностью. Время у Ньютона рассматривается как субстанция, независимая от того, что в ней происходит. Рассматривать киносюжет вне времени, просто как конструкцию, составленную из определенного числа элементов, мы тоже не можем. Киноискусство технически конструирует виртуальность, отличную от действительности, но виртуальность эта, прежде всего временная, отсюда, есть основание называть кино «сконструированным сном» [20, с. 111], на-

стаивая на его сверхъестественности. Время вплетено в ткань технических объектов.

С одной стороны, время в кино берется как континуум, как неделимое целое, которое не имеет частей, «целое представляет собой нечто вроде нити, пересекающей множества и предоставляющей каждому реализующуюся в обязательном порядке возможность до бесконечности общаться с другими» [8, с. 58—59], — пишет Делёз. Здесь целое берется как открытая самовозрастающая реальность, связывающая кинофильм с любым явлением вселенной через принцип существования. Монтаж вынимает время из объектов, и ставит время объектов в подчинении у скачкообразного, неравномерного, непоследовательного и обратного движения, или даже провалов во времени, подчиненных вихрям смыслообразований. И поэтому монтаж сродни коннотативному слою языка, укрощающему денотативные первичные смыслы вложенным целевым причинам, располагающим материал объектов в новых подчиненных замыслу конфигурациях. Но если у Барта «автор текста умирает» [1], что означает возрождение коннотативных слоев читателем, то кино образы активны. Кино, при всей его воспроизводимости, предполагает управление вниманием. Это понятно режиссеру через выстраивание кадра и звукового ряда согласно логике монтажа. И здесь автор не умирает, как полагает Барт, описывая процесс прочтения текста, здесь автор фильма ведет, он сталкер, он определяет путь интереса зрителя.

Камера представляет собой кинематографический глаз, или кинематографическое *cogito*, устанавливающие привилегированный взгляд, который может быть субъективным, если выражает позицию героя, или объективным, если исходить из совокупности ощущений множества вещей. В кино может думать и чайник, и пространство (яблоки, лошади, дождь, гуси — у А. Тарковско-го). Но на самом деле, этот взгляд камеры всегда полу-субъективный или неподлинно прямой, поскольку образ

создается технически. «Дело в том, что персонаж действует на экране, и считается, что у него есть собственная манера видеть мир. Но в то же время камера видит и персонажа, и его мир с иной точки зрения, осмысливающей, переосмысливающей и трансформирующей точку зрения персонажа» [8, с. 127]. Камера навязывает зрителю свое видение. С одной стороны, «духовный автомат» знаменует наивысшее проявление мысли, с другой стороны, он склоняет повиноваться импринтингу галлюцинаций, насилия и ужаса. Камера — «активное сознание», — говорит Делёз, которое продуцирует навязчивое кадрирование и расстановку объектов, ожидание персонажа, слежку, акценты на пустоте, наезд на персонажа. То есть кинематографическое *cogito* находится в постоянном переосмыслении образов, но в отличие от живого сознания, чья деятельность во многом анонимна для постороннего наблюдателя, здесь нутро переживаний и осмыслений вытаскивается наружу, теряет анонимность и интимность процесса, иногда до безобразности. Индивидуальность, сокровенность профанируются, отдается во всеобщее пользование. Недоступное и обособленное теряет свою закрытость. «Нагота лица больше наготы тела, нечеловеческий характер лица больше не человечности животных», [8, с.157] — замечает Делёз, определяя, что намеренно выбранная точка зрения, угол кадрирования, заставляет видеть так, а не иначе. «Движение камеры у большинства режиссеров ... остается закреплённым за примечательными моментами» [8, с. 93], и потому время проявлено не только через количество и интенсивность движения, но и через световую экспрессию, через мощностные впечатления.

Это можно назвать навязанными эффектами. «Они напоминают точки плавления, кипения, конденсации, коагуляции и т. д. Поэтому лица, выражающие различные аффекты или различные точки иного и того же аффекта, не сливаются в неразличимом страхе, который бы стер их индивидуальности» [8].

Сравнение Делёза аффективных образов с точками физических процессов лишней раз подчеркивает, что аффект выражает манифестацию сущности с переходом в иное. Аффект — остановка времени, миг, точка, взрывающаяся в себя. Поэтому Делёз и пишет, что аффект есть некоторая сингулярность, место неопределенности перспектив, вход в иное измерение. У кино есть точные технические средства для реализации этой цели. «Аффективное кадрирование достигается с помощью резаных крупных планов. Иногда в общей массе лица вырезаются вопиющие уста или беззубая усмешка. Порою кадр разрезает лицо горизонтально, вертикально или наискось, бегло. А движения бывают разрезанными в самом процессе их выполнения, монтажные же соединения при этом — систематически ложными, как будто требуется разбить слишком реальные или чересчур логичные связи» [8, с. 165—166]. Разрушить привычную логику можно только в чрезвычайной ситуации, значит, есть что-то, что предполагает выход за грань: жизнь не укладывается в конвенции и разрывает зависимости. Люди и вещи могут быть упорядочены вокруг некоего смыслообразующего рубежа, часто вокруг момента смертельной опасности или чрезвычайного положения.

Кино позволяет миллионам зрителей, при особой удаче кинематографического проекта прочувствовать момент откровения, инсайта безотносительно к ресурсам собственной жизни. Каким бы талантом или мастерством ни обладал литератор, ему не добиться такого эффекта. Л. Толстой в «Крейцеровой сонате» [17] сознательно понижает градус и степень эффекта убийства В. Позднышевым своей жены. Хотя, с кинематографической точки зрения сцена могла бы быть крайне впечатляющей. Рационализм «позднего Л. Толстого» нацелен на то, чтобы зритель в первую очередь сам думал о том, что ему рассказывает писатель; Толстой уповаet и надеется на читательскую просвещённость. Кино эффект смерти Хари от выпитого жидкого

кислорода и последующего воскрешения в «Солярисе» А. Тарковского совершенно иной. Режиссёр показывает смерть и воскрешение с разных ракурсов: с ракурса страдания, боли, эротики. «Она убила себя от отчаяния», — так сказал Крис. Хари убила себя второй раз (первый раз в реальной жизни — на Земле), она убила себя после того, как Крис до этого хотел её убить. Она убила себя после того, как сослуживцы Криса усомнились в её реальности, и она это поняла. Эти ракурсы, смысловые подтексты и визуальные сопровождения (куски стекла и металла рядом с окровавленным красивым женским лицом и т.п.) будут расшифровываться и переживаться поколениями зрителей, в них стянуты разные временные эпизоды и масса контекстов. По сути — в смерти и воскрешении жены Криса демонстрируется мечта человечества о преодолении смерти, мечта о вечности и, таким образом, — этот частный эпизод-эффект собирает в себе то множество религиозных и научных опытов и фантазий, которые сопровождали всю культурную историю. Заметим, что хронологически, с позиции секундомера — этот кусок фильма длится не более семи минут. Учитывая, что «Солярис» в целом и эта сцена в частности действительно талантливы и почти гениальны — мы можем спокойно умозаключить, что, посмотрев это кино, мы приобщились к тайне смерти и к её величеству Вечности. Согласимся, довольно опасное и поспешное заявление. Часто мы слышали: «Не плачь, это просто кино». Вот он — оппортунистический «душевный» момент: попробовать понять не растратившись. Нас просто извещают, защищают, просвещают, дают возможность разобраться и так далее. Кажется, что безопасность личной судьбы сохранена, хотя фильм очевидно выводит в иное измерение, предлагает искушения виртуальности. Кино заводит в разные миры, и можно остановиться на часок где-нибудь, в чем-либо, эдакие реверсы с транзитным укоренением. Оно позволяет профанировать ужас смерти, смеяться над тем, что страшно, ви-

дет подлость и порок. Кажется, что тысячи невозможных чужих экранных жизней позволяют приобщиться к неведомым фантазиям, хотя, возможно, что в этих фантазиях правды больше, чем в самом мире. «В действительности не существует виртуального, которое не становилось бы актуальным по отношению к актуальному, при том, что последнее становится виртуальным в том же самом отношении: изнанка и лицевая сторона являются полностью взаимобратимыми» [8, с. 368], — предупреждает Делёз. Кино дает массовый опыт виртуализации, приучает к нему, и лишь условно можно различить реальное и придуманное, прошлое и будущее. Человек склонен находиться везде и сразу. Воображение включено в жизнь в качестве горизонта. Воображение — это «одна из основных черт антропологической реальности» [6, с. 27], — пишет И. А. Давыдов, это то, что может характеризовать человека как такового.

Ценность воображения, фантазий, предвосхищений, мечты хорошо понятна, если посмотреть сквозь крайние случаи. Виктор Франкл, описывая свой опыт концлагеря, говорил, что в таком месте нельзя выжить ни за счет воспоминаний прекрасного прошлого, ни за счет поиска смысла в настоящем. Человек в самые тяжелые моменты прибегает к «просвету в будущем», пытается уцепиться там, найти смысл. Это воображаемое место, мечта, которой скорее всего не дано осуществиться, но это единственное, что может удерживать в жизни отчаявшееся существо. Франкл пишет, что, когда было совсем невмоготу, «я использую свой прием: в следующее мгновение я вижу себя стоящим на кафедре в большом, ярко освещённом, красивом, теплом зале. Я делаю доклад — и публика, сидящая передо мной в уютных мягких креслах, заинтересованно слушает. А говорю я о психологии в концентрационном лагере. И все, что угнетает и мучает меня сейчас, как-то объективируется для меня, видится уже с высоты научного анализа... Этот прием помогает

мне подняться мысленно над действительностью, рассматривая ее так, будто она уже прошлом, уже миновала, а сам я со своими страданиями стал уже объектом интереснейших психологических исследований, мной самим предпринятых» [18, с. 136—137]. Кино производит монтаж, оно сразу поднимает Виктора Франкла на кафедру, а зал с мягкими креслами заполняет внимательными зрителями и слушателями. Кино — состоявшееся воображение, воплощенная трансцендентность. Воображение, которое помогает выжить даже в аду. Конечно, виртуальность кино, с ее фантазийной основой, будет к себе манить.

Виртуальность: бифуркации времени

Термин «бифуркация» использован Ильей Пригожиным для описания ситуации крушения программы/логики работающей системы. «Понятие бифуркации фиксирует момент слома стандартного состояния, ситуацию «критического выбора», которая одновременно реализует новые возможности («новые ветви решений») системы, тем самым диверсифицирует ее поведение» [4, с. 305], — отмечает Н. В. Бряник. Неравновесные системы, описанные Пригожиным [13] в ряде своих работ, характеризуются неустойчивостью внутренней структуры, открытостью и самоорганизацией. Энтропия в таких системах не накапливается, а выносится вовне. Самоорганизация системы предполагает, что есть адаптационные механизмы, которые позволяют системе остаться существовать при серьезном изменении внешних условий. Кроме того, самоорганизующиеся системы имеют память, то есть накапливают информацию о тех ситуациях, которые с системой произошли/случились. Именно эта «кладовушка» приводит к точке бифуркации, к некоему созреванию решения, когда случайного фактора, последнего камня, будет достаточно для того, чтобы система сменила свою траекторию развития и вообще специфика. Это время-ориентированные

системы. Выраженная динамика мира свидетельствует о творческой роли времени в организации мирных связей и отношений. На первый взгляд кажется, судя из видимых следствий, что бифуркация происходит на уровне исключительно вещественном, но по сути это прежде всего бифуркация времени, «окно времени», осуществление нелинейной короткой связи. Необратимость развития диссипативных систем не отменяет «дыр во времени», в которых происходят бифуркационные переходы, каскад изменений. *Бифуркация — не узел проблем, а решение вопроса, и в этом смысле бифуркация всегда выход, возможность «нырнуть» в иную временную структуру.* Наблюдения за временем позволяют говорить, что «время не ждет» или «ни ко времени», обозначая тем самым, что время имеет свою структуру. Пригожин заметил, что бифуркационные переходы возникают в ситуации сильнонеравновесной стадии системы, когда незначительного влияния, или минимального фактора достаточно, чтобы система из ситуации потери устойчивости перешла в принципиально новое состояние. Случайным является не фактор, а момент, в который фактор появляется. Хайдеггер эти дыры называет «просветом присутствия». Они влекут к себе, как аттракторы, которые не привязаны к временному модусу. Они суть не прошлое и не будущее, и даже не вечное, — это точка поворота. В кино это замечательно показано Тарковским в фильме «Сталкер». Зона, описанная Тарковским — внутреннее время, где, двигаясь по якобы знакомому маршруту, попадаешь через ловушки всякий раз в иное, растущее вместе с тобой. Или, как пишет Эрнст Блох: «Время нигде не является абстрактной схемой изменения, оно конкретно и само изменяется вместе с видом и содержанием самого изменения» [2, с. 350]. Эта позиция созвучна реляционной концепции времени.

Тайна виртуальности в бифуркационных кувурках времени. Ассоциативное мышление дает нам образец этих временных бифуркаций. Ассоци-

ации представляют собой некоторую несанкционированную, бесконтрольную память. Свободные ассоциации стягивают разные времена в настоящее, делая различные темпоральные элементы одновременными: порядок ассоциаций не определяется никакой логикой, но подчинен временным реверсам и погружениям. В любой ассоциации есть материал из прошлого, и есть актуально воспринимаемое, «провоцирующее» ассоциацию. Взаимоотношения ассоциативного образа и актуального временного восприятия в моменте вступают в диалог, унося в вихре сюжетов, навеванных фантазией. «Воздушные замки» — называют эти мечтания скептики-прагматики; «грезы» — спорят с ними визионеры. О появлении той или иной ассоциативной мысли можно рассказать историю, и не одну. Можно по-разному воспроизвести, как пришла та или иная ассоциация, из каких случайных моментов она выстроена, какие ожидания ее «позвали из будущего». Но любые наши ожидания и мечты могут быть преобразованы в воспоминания. Кино вовсю использует эти «временные прогулки». Обычно в фильме один кадр наплывает на другой, образы накладываются и иницируется момент сдвига во времени, flashback. Прорывается воспоминание, определяя в настоящем, актуальном новый контекст, линейное повествование рушится. Гуссерль, повторяя Brentano, говорит, что загадка временности лежит в сфере фантазии. «Фантазия есть сознание, характеризующееся как воспроизведение (репродукция). Хотя имеет место теперь воспроизведенное время, однако, оно с необходимостью указывает на первично данное, не сфантазированное» [5, с. 49]. По сути фантазии в свободных ассоциациях зачастую конфликтуют между собой и творят новые смысловые единства, пытаются сосуществовать. Настоящее возобновляется в фантазиях каким-угодно образом. И. Кант в «Критике чистого разума» [9] пишет о том, что сознание, выходя за пределы эмпирического опыта с необходимостью впадает в иллюзии, поскольку

логически доказать можно любое положение. Именно опыт изучения природы с его жесткими материальными детерминантами заставляет сознание вернуться в объективность и руководствоваться реальным положением дел. Опасность трансцендентальных иллюзий в том, что реальность размывается, она становится какой угодно, а, следовательно, ставится под вопрос само понятие реальности. Вопросы, связанные с трансцендентальной диалектикой идей, с антиномиями и паралогизмами, важны для демаркации научного знания, для определения сферы интереса естествознания прежде всего. Но для человека как такового материальная реальность всегда рассматривалась как некое допущение, которое можно обойти. Между мечтой и иллюзией граница условная. Кино разрешает не цепляться за природные каузальные определенности. Недаром Кант пишет впоследствии «Критику практического разума», где необходимость существования Бога выводится запросом нравственной природы человека. Моральный поступок абсурден в охваченной природными зависимостями естественной среде. Моральный поступок понятен и возможен, если сущность человеческая продлевается за временные ограничения жизни, если человек бессмертен и душа его свободна, прежде всего, от инстинктов. «В свое время Кант удивлялся тому, что мы ничуть не сомневаемся в собственной правоте, истолковывая один и тот же поступок то как результат предшествующих причин, делающих этот поступок неизбежным, а потому неподсудным ни юридически, ни морально, то как результат свободно принятого нами решения, за последствия которого мы готовы принимать благодарность и поощрение. Видимо, размышления над этим парадоксом и привели Канта к открытию того, что знание правил поведения мы приобретаем иначе, чем знание законов природы. Мир практических поступков непостижим средствами теоретического познания, чувственностью и рассудком, которые превращают свободное и

вменяемое лицо в неразумную неподсудную вещь» [3, с. 134], — пишет Г. В. Болдыгин. Киноискусство наследует традиции, идущие от Платона к Канту; это поиск интеллигибельного мира, позволяющего человеку понять, что такое свобода. Временная длящаяся онтология выходит за пределы теоретического знания. Кино с его технической процедурой монтажа, склейкой разных времен дает вариант стыковки объектов, неудачных встреч и т. д. с выходами в практическую и эстетическую сферы бытия. Время подчиняется законам воображения, а законы воображения сюжетны. Кино позволяет показать «два настоящих времени, которые непрестанно пересекаются так, что не успевает завершиться одно, как движется другое...Хотя мы движемся по историческому событию вперед, но тут же возвращаемся вспять внутрь другого события: первое уже давно воплощено, второе же продолжает выражаться и даже стремиться к другому выражению. Это одно и то же событие, но одна его часть совершена и запечатлена в некоем положении вещей, а вот вторая все удаляется от какого бы то ни было свершения» [8, с. 165], — таковы особенности воображения, которые в кино разворачиваются в полную силу, указывает Делёз. Кино позволяет не разделять грезы и реальность. Например, в фильме Жако Ван Дормеля «Господин Никто» основному герою одновременно 118 лет, 9 лет и 34 года: в памяти можно остановиться на любом рубеже. Часто в жизни человек выбирает путь сознательного, рационально спланированного успеха, он, как и главный герой фильма Немо, может совершить последовательно массу целерациональных действий. В итоге у него будет дом с бассейном, жена, дети, хорошая работа и неуверенность в том, что обладатель всего этого жив. Счастье проходит сквозь пальцы как солнечный зайчик. К этому пути Немо приравнивается параллельный во времени путь невзаимной любви, которая для главного героя оканчивается провалом: Элиза бросает Немо. Третий потенциальный путь, со

своей сюжетной линией и в своем времени отсылает героя к ситуации невозможной, разорванной обстоятельствами любви к Анне. Именно эта любовь станет знаменателем жизни Немо, так никогда не воплотившись. Что является наиболее реальным из этих сценариев человеческой жизни? Кино показывает, как условно материален человек, как мало ему физического мира. Имя Анна будет у Немо последним словом. Кино позволяет не делать выбора, все варианты жизненных планов имеют смысл и ожидают понимания. Немо остался там, в девятилетнем возрасте, помнящим свое будущее и не могущем сделать выбор, не потому, что он слабый, а потому, что человеку мало конечных путей. Мечты Немо напоминают паутину, где жизненные места предназначены не мечтателю, а желанной добыче. Кино-образы работают с уверенностью конвейера, перерабатывающего меланхолию в надежду. Немо остается на уровне созерцания, совмещающего все времена, и свободно передвигается между ними. Все варианты Немо оставляет себе — реальности становится больше. «Все происходит так, как если бы реальное и воображаемое друг за другом бежали, и друг в друге отражались, возле точки неразличимости» [8, с. 298], — иронизирует Делёз. Фильм заканчивается, а воображение продолжает работать. Кино находит свое место между смыслом и аффектом, оно промежуточная реальность, «деятельность титанов», поднимающая хтоническое, силу «начальных условий»: как будто открываются старые клады, «допотопные» динозавры, фантазии, действующие в кино, тормозят окаменелую память. Кино идет на сознательное формирование новой чувственности, «чувственность, однако, контролируется самим субъектом, согласным на самообман» [10, с. 6], — пишет А. Павлов об образах современности XXI в. И хотя Павлов в своей работе рассуждает, прежде всего, о новом культурном концепте «метамодерна», связанным с установлением новых ценностей искренности и детской наивности,

пришедшей на смену цинизму и иронии постмодерна, на наш взгляд формирование новой чувственности, нового ощущения реальности связано с включением в «текущую структуру чувств» технических компонентов, и прежде всего кинообразов. Не стоит ожидать, что воображение оставит реальность прежней. Когда не останется историй, которые можно будет рассказать — наступит конец времени.

Заключение

Традиционное рассмотрение кино как искусства оставляет «за кадром» обязательную техническую составляющую этого процесса. В каком-то смысле самое очевидное остается анонимным. Однако, на наш взгляд, анализ технической генетики кино не может ограничиваться только структурными «производственными моментами», которые создают кино шаг за шагом и не может определяться только как творческая деятельность. Кино — это, прежде всего, эксперимент со временем. В ходе кинопроектов создается «технически новое время» с возможностью неограниченного копирования. Кино запускает трансформации времени, в результате чего мы получаем промежуточные формы реальности, сочетающие в себе все возможные временные модусы в любом неестественном — реверсивном, параллельном, многослойном и т. д. — порядке, с любыми последовательностями и наложениями. Так создаются небывалые типы временных отношений. Возникает «вновь выведенное» бытие, которое не проявлялось ранее, технически организованная и поддерживаемая виртуальность.

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М. : Прогресс: Универс, 1994. — 615 с.

2. Блох, Э. Логос материи / Э. Блох. В кн.: Человек в своем времени. Многомерность опыта темпоральности: коллективная монография. — СПб. : Владимир Даль, 2021. — С. 332—353.

3. Болдыгин Г. В. И. Кант о специфике теоретического и практического видов познания (статья первая) / Г. В. Болдыгин // Вестник Гуманитарного университета. — 2014. — № 3 (6). — С. 120—136.

4. Бряник, Н. В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа (Философский анализ классической, неклассической и постнеклассической науки) / Н. В. Бряник — М. : Академ. Проект, 2021. — 373 с.

5. Гуссерль, Э. Собрание сочинений. Т. I. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. — М. : Издательство «Гнозис», 1994. — 192 с.

6. Давыдов И. А. Деантропологические аспекты неаутентичной виртуальности / И. А. Давыдов // Социум и власть. — 2023. — №1 (95). — С. 26—38.

7. Декарт, Р. Рассуждение о методе: с приложениями диоптрики, метеоры, геометрия / Р. Декарт ; под ред. Г. Г. Слюсарева ; ред. А. П. Юшкевич. — Ленинград : Академия наук СССР, 1953. — 654 с. : ил. — (Классики науки). — Режим доступа: по подписке. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=477407> (дата обращения: 05.09.2023).

8. Делёз, Ж. Кино / Ж. Делёз. — М. : Издательство «Ад Маргинем», 2004. — 622 с.

9. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. Н. О. Лосский. — Москва : Директ-Медиа, 2002. — 1095 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029> (дата обращения: 05.09.2023).

10. Павлов, А. Образы современности в XXI веке / А. Павлов // Логос. — 2018. — № 6 (28). — С. 1-19.

11. Платон. Диалоги / Платон. — Москва : Современный гуманитарный университет, 2001. — 142 с. — (Антология гуманитарных наук). — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275138> (дата обращения: 05.09.2023).

12. Погорельская, Е. Ю. Цифровизация в «музее истории», или Слон в посудной лавке / Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов / Цифровизация как вызов

современности: между гуманизацией и дегуманизацией : сб. материалов и докл. XXV Рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 12 — 13 апреля 2023 г.) / редкол.: Л. А. Закс и др. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. — С. 21—25.

13. Пригожин, И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / И. Пригожин. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 288 с.

14. Разлогов, К. Э. Монтажный и антимонтажный принцип в искусстве экрана / К. Э. Разлогов // Монтаж. Литература. Искусство. Кино. — М. : Наука, 1988. — С. 23—31.

15. Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза. — М. : Директ-Медиа, 2002. — 482 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7002> (дата обращения: 05.09.2023).

16. Тарковский, А. Уроки режиссуры / А. Тарковский. — М. : Всероссийский институт переподготовки и повышения квалификации работников кинематографии (ВИППК), 1992. — 92 с.

17. Толстой, Л. Н. Крейцерова соната / Л. Н. Толстой. — М. : РИПОЛ классик, 2013. — 256 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=213553> (дата обращения: 05.09.2023).

18. Франкл, В. Э. Сказать жизни «Да» / В. Э. Франкл. — М. : Директ-Медиа, 2008. — 170 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39232> (дата обращения: 01.09.2023).

19. Хайдеггер, М. Основы метафизики / М. Хайдеггер. — СПб. : Владимир Даль, 2013. — 592 с.

20. Чернов, Л. С. Время кино / Л. С. Чернов. — Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2021. — 214 с.

References

1. Bart R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika*. [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress: Univer, 615 p. [in Rus].

2. Bloh Je. (2021) *Logos materii*. [Logos of matter]. V kn.: *Chelovek v svoem vremeni. Mnogomernost' opyta temporal'nosti: kollektivnaja monografija*.

Saint Petersburg, Vladimir Dal', pp. 332-353 [in Rus].

3. Boldygin G.V. (2014) *I.Kant o specifične teoretičeskogo i praktičeskogo vidov poznanija (stat'ja pervaja)*. [I. Kant on the specifics of theoretical and practical types of knowledge (article one)]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (6), pp. 120 — 136 [in Rus].

4. Brjanik N.V. (2021) *Ot klassiki k postneklssike: jetapy razvitija nauki sovremenogo tipa (Filosofskij analiz klassičeskoj, neklassičeskoj i postneklassičeskoj nauki)*. [From Classics to Post-Non-Classics: Stages in the Development of Modern Type Science (Philosophical Analysis of Classical, Non-Classical and Post-Non-Classical Science)]. Moscow, Akademicheskij proekt, 373 p. [in Rus].

5. Gusserl' Je. (1994) *Sobranie sochinenij. T. I. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni*. [Collected works. T.I. Phenomenology of the inner consciousness of time]. Moscow, Izdatel'stvo «Gnoziz», 192 p. [in Rus].

6. Davydov I.A. (2023) *Deantropologičeskie aspekty neautentičnoj virtual'nosti*. [Deanthropological aspects of inauthentic virtuality]. *Socium i vlast'*, no. 1 (95), pp. 26-38 [in Rus].

7. Dekart R. (1953) *Rassuzhdenie o metode : s prilozhenijami dioptrika, meteory, geometrija*. [Discourse on the method: with applications of dioptrics, meteors, geometry]; pod red. G. G. Sljusareva ; red. A. P. Jushkevich. Leningrad, Akademija nauk SSSR, 654 p. : il. (Klassiki nauki). Rezhim dostupa: po podpiske, available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=477407> (accessed 05.09.2023). Tekst : jelektronnyj [in Rus].

8. Delez Zh. (2004) *Kino* [Movie]. Moscow, Izdatel'stvo «Ad Marginem», 622 p. [in Rus].

9. Kant I. (2002) *Kritika chistogo razuma*. [Critique of pure reason]; per. N. O. Losskij. Moscow, Direkt-Media, 1095 p. Rezhim dostupa: po podpiske, available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029> (accessed 05.09.2023). — ISBN 978-5-9989-0265-9. Tekst : jelektronnyj [in Rus].

10. Pavlov A. (2018) Obrazy sovremenosti v XXI veke. [Images of modernity in the XXI century]. *Logos*, no.6 (28), pp. 1-19 [in Rus].

11. Platon. (2001) Dialogi [Dialogues] / Platon. — Moscow, Sovremennyj gumanitarnyj universitet, 142 p. (Antologija gumanitarnyh nauk). Rezhim dostupa: po podpiske, available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=275138> (accessed 05.09.2023). [in Rus].

12. Pogorel'skaja E.Ju., Chernov L.S. (2023) Cifrovizacija v «muzee istorii», ili Slon v posudnoj lavke. [Digitalization in the "Museum of History", or an Elephant in a china shop]. *Cifrovizacija kak vyzov sovremennosti: mezhdu gumanizaciej i degumanizaciej*. Ekaterinburg, Gumanitarnyj universitet, pp. 21-25 [in Rus].

13. Prigozhin I. (2002) Ot sushhestvujushhego k vznikajushhemu: Vremja i slozhnost' v fizicheskikh naukah. [From Existing to Emerging: Time and Complexity in the Physical Sciences]. Moscow, Editorial URSS, 288p. [in Rus].

14. Razlogov K.Je. (1988) Montazhnyj i antimontazhnyj princip v iskusstve jekrana. [Mounting and anti-mounting principle in screen art] // *Montazh. Literatura. Iskusstvo. Kino*. Moscow, Nauka, pp. 23-31 [in Rus].

15. Spinoza, B. (2002) *Jetika* [Ethics]. Moscow, Direkt-Media, 482 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7002> (accessed 06.09.2023). [in Rus].

16. Tarkovskij A. (1992) *Uroki rezhissury*. [Directing lessons]. Moscow, Vserossijskij institut perepodgotovki i povyshenija kvalifikacii rabotnikov kinematografii (VIPPK), 92 p. [in Rus].

17. Tolstoj L. N. (2013) *Krejcerova sonata*. [Kreutzer Sonata]. Moscow, RIPOL klassik, 256 p. (Pocket&Travel (klassika)), available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=213553> (accessed 05.09.2023). ISBN 978-5-386-05367-3. Tekst : jelektronnyj [in Rus].

18. Frankl V. Je. (2008) *Skazat' zhizni "Da"* [Say yes to life]. Moscow, Direkt-Media, 170 p., available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=39232> (accessed 01.09.2023). [in Rus].

19. Hajdegger M. (2013) *Osnovy metafiziki*. [Fundamentals of Metaphysics]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

20. Chernov L.S. (2021) *Vremja kino*. [movie time]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyj uchenyj, 214 p. [in Rus].

*Статья поступила в редакцию
06.09.2023*

For citing: Pogorelskaya, E. Yu.
Cinema: the construction of time /
E. Yu. Pogorelskaya, L. S. Chernov //
Sotsium i vlast/Society and Power. — 2023. —
№ 4 (98). — P. 69-83. —
DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-69-83. —
EDN FWPCUY.

UDC 115

EDN FWPCUY

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-69-83

CINEMA: THE CONSTRUCTION OF TIME

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University,
Associate Professor of the Department of Socio-
Cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department of Philoso-
phy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The technical art of cinematography is traditionally regarded as a synthetic unity of scientific and technological progress and creativity. The possibility of unlimited copying of movie plots makes it possible to extend the authority of cinema to broad areas of public attention and forms a mass man. At the same time, the fact that cinema is, first of all, an experiment with time, organized by technical means, remains behind the scenes.

The purpose of the study. If the core issues of humanity are centered on the problem of life and death, on the problem of mastering and overcoming time, then cinema clearly shows that humanity has a ready-made embodied model of its desire.

Methods. The authors use a phenomenological method that allows one to see the temporal fabric behind the “opaque body” of cinema. The eidetic reduction to the foundations of the constructed film plot temporal reality is complemented by the structuralist method of analyzing technical devices and technological methods of the film industry.

Scientific novelty of the research. The ontology of the technical art of cinema goes beyond rationality and pragmatics. By launching a special kind of experiment with time, cinema technologies allow the viewer to be present in the bifurcation moments of temporal metamorphoses that connect different temporal modes. The temporal fabric is subject to the plot logic.

Results. In cinema, time is constructed by technical means. The nature of this construction allows us to see the layered structure of time, the intersections of time flows, influxes, reverse time orders and stops in time. The cinema technique clearly shows that time barriers are conditional.

Conclusions. Cinema dissolves any empirical density, creating gaps in it and transitions to other worlds. The connection between the worlds is carried out by constructed time. Time is taken out of objects and, obeying the course of the narrative, expands the reality of the world.

Keywords:
virtual time,
cinema,
copy,
film images,
imagination

Для цитирования: Гулеватая, А. Н. «Будущее образования, мышления и навыков» на VIII Форуме молодых ученых БРИКС: философско-антропологическое осмысление / А. Н. Гулеватая // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 84—96. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-84-96. — EDN CVBLKN.

УДК 37.012.1

EDN CVBLKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-84-96

«БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ, МЫШЛЕНИЯ И НАВЫКОВ» НА VIII ФОРУМЕ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ БРИКС: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ¹

Гулеватая Анастасия Николаевна^{1, 2},

¹ Южно-Уральский государственный университет, сотрудник управления научной и инновационной деятельности;

² Челябинский государственный институт культуры, аспирант кафедры философии и культурологии.

Челябинск, Россия.
ORCID 0000-0003-4860-3831
E-mail: gulevataiaan@susu.ru

Аннотация

Статья представляет собой аналитический обзор секции “The future of education, mindset, and skillset” (“Будущее образования, мышления и навыков”) VIII Форума молодых ученых стран БРИКС (31 июля — 2 августа 2023, г. Гкеберха, ЮАР). Программа обозначенной секции Форума включала в себя такие подтемы, как применение новых и конвергентных технологий в образовании, новые образовательные инструменты для преодоления локальных социально-экономических барьеров, а также лидерское и предпринимательское мышление для навигации в постоянно меняющемся будущем. Форум в целом и указанная секция в частности объединили молодых ученых пяти стран (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), представляющих научные направления как технической, так и гуманитарной сферы. По итогам участия в образовательной секции Форума автор статьи выделяет три ключевых маркера в докладах об образовании молодых ученых стран БРИКС и предлагает их философско-антропологическое осмысление.

Ключевые слова:

БРИКС, будущее образования, мышление и навыки, философская антропология, образование человека

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение: образование как один из фокусов внимания VIII Форума молодых ученых БРИКС

Актуальной современной тенденцией становится расширение сотрудничества стран БРИКС по вопросам устойчивого развития человечества, которые включают проблематику неравенства, бедности, продовольственной безопасности, изменения климата, здравоохранения и образования. В рамках этого сотрудничества с 31 июля по 2 августа 2023 в г. Гкеберха (Порт-Элизабет), Южно-Африканская Республика (ЮАР), проходил VIII Форум молодых ученых стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) — Young Scientists Forum (YSF). «Решение об учреждении Форума было принято по итогам второй встречи Министров науки, технологий и инноваций стран БРИКС и закреплено в Бразильской декларации, подписанной 18 марта 2015 г. Начиная с 2016 года, Форум проводится ежегодно в стране, председательствующей в межгосударственном объединении БРИКС. Программа Форума, разрабатываемая страной-председателем, включает пленарные заседания и доклады ведущих молодых ученых по наиболее значимым и востребованным направлениям научно-технического и инновационного сотрудничества¹. Форум, в первую очередь, является коммуникационной площадкой талантливой молодежи для обмена опытом, выстраивания сети профессиональных знакомств с целью проведения дальнейших совместных исследований.

Образование давно является фокусом внимания сообщества стран БРИКС. Исследователями отмечается, что «важнейшей предпосылкой экономического развития, повышения конкурентоспособности стран-членов БРИКС является наличие развитой образовательной системы, формирующей новый слой молодых высококвалифицированных

специалистов, способных успешно работать в рамках партнерства» [14]. Форум молодых ученых БРИКС проходил в 2023 г. в восьмой раз, однако образовательная проблематика не всегда была на повестке Форума. Проследим, как менялись тематические акценты Форума. Программа Первого Форума (председательство Индии, г. Бангалор, 2016 г.) была посвящена вычислительному интеллекту, энергетическим решениям и доступному здравоохранению. Вторым Форум (председательство Китая, г. Ханчжоу, 2017) был сфокусирован на энергетике, материаловедении, биотехнологиях и биомедицине, научно-технической и инновационной политике. Повестка Третьего Форума (председательство ЮАР, г. Дурбан, 2018) затрагивала проблематику энергетики, водных ресурсов и социальных наук. Четвертый Форум (председательство Бразилии, г. Рио-де-Жанейро, 2019) объединил два ключевых тематических направления — кибербезопасность и биоэкономика, также были проведены три пленарных заседания по направлениям «Молодые женщины в науке», «Научная дипломатия» и «Молодежное предпринимательство и инновационная деятельность». Пятый Форум (председательство России, г. Челябинск, 2020 год) предполагал три тематических направления — экология, материаловедение и искусственный интеллект. Концепция Шестого Форума (председательство Индии, онлайн-формат, 2021 год) включала секции о здравоохранении, энергетике и применении киберфизических систем. Седьмой Форум (председательство Китая, онлайн-формат, 2022 г.) проходил под девизом «Раскрывая молодежный потенциал, формируем будущее БРИКС» и включал исключительно технико-технологические секции («Биомедицина», «Искусственный интеллект», «Новые материалы» и «Низкоуглеродные технологии»). Таким образом, повестка YSF БРИКС до 2023 г. в основном была сконцентрирована на инновационной деятельности в сфере технологий, здравоохранении и экономики.

¹ См.: В Рио-де-Жанейро состоялся IV Форум молодых ученых стран БРИКС. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21770/>

В 2023 году председательство ЮАР впервые включило образовательную проблематику в повестку Форума молодых ученых БРИКС. Программа VIII Форума объединила три секции: изменение климата и экологическая устойчивость, будущее общества, а также будущее образования, мышления и навыков — предмет анализа данной статьи. Важно отметить, что темы и доклады проходили строгий конкурсный отбор не только на соответствие тематике той или иной секции Форума; важным отборочным критерием также являлась значимость накопленного научного опыта и уровень квалификации молодого ученого. Каждая страна делегирует группу молодых ученых в возрасте до 40 лет, добившихся высоких результатов в реализации фундаментальных и прикладных научных исследований по спектру тематических направлений Форума. По этой причине актуальной и небезынтересной становится задача проанализировать то, какую проблематику в сфере образования молодые ученые, участники стран БРИКС, считают наиболее актуальной для обсуждения на международном уровне, и пронаблюдать, какие образовательные ориентиры транслируют их доклады. Рабочим языком Форума был английский, в связи с этим в предлагаемом анализе будут приведены термины на языке оригинала докладов с последующим переводом или интерпретацией.

Поясним, что подразумевается под философско-антропологической оптикой автора данной статьи. В такой оптике образование понимается предельно широко как способ человеческого бытия, который не может быть сведен до обучения новым способам мышления и новым навыкам. Носителем мышления и навыков будущего является человек, и именно проблематика человека с позиции философско-антропологического разговора об образовании является центральной. Человек как целостность является главной целью образования, понимаемого в таком смысле. Именно философия позволяет заниматься

концептуализацией и осмыслением; как философы мы можем разметить поле образования и предложить новые продуктивные способы думать и говорить о его проблемах. Это важно, т. к. язык, на котором мы говорим об образовании, определяет, что может и не может быть сказано и сделано [12]. В методологическом смысле философско-антропологическая оптика применительно к образованию вопрошает «непогрешимость естественнонаучного познавательного идеала и всеобщего господства формального рационализма, ставшего обязательным и универсальным принципом не только для наук о природе, но и для наук об обществе. Универсальность этого принципа отрицает в человеке собственно человеческое, т. е. его способность добавлять к миру свои акты сознания. Собственные внутренние движения человека остаются недооцененными, а часто и нераскрытыми потому, что человек в лучшем случае рассматривается как объект воспитания, а в худшем — манипулирования» [1, с. 102].

Образовательные ориентиры в докладах молодых ученых стран БРИКС о будущем образования, мышления и навыков

По итогам прослушивания более тридцати докладов молодых ученых стран БРИКС на секции «Будущее образования, мышления и навыков» можно выделить три ключевых «маркера» в дискурсе об образовании, которые имплицитно или эксплицитно присутствовали у докладчиков из разных стран: 1) *learnification*, или перенос фокуса с образования на обучение; 2) *learning acceleration*, или ускорение процесса обучения; 3) *datafication*, или датафикация обучения. Рассмотрим каждый маркер-тренд подробнее через предложенную философско-антропологическую оптику, предполагающую образование не только и не столько частью социальной «горизонталей», где человек функционирует в своей социальной идентичности,

сколько утверждающую образование как способ бытия человека человеком в экзистенциально-антропологическом «вертикальном» измерении.

1. Перенос фокуса с образования на обучение (*learnification*). Ключевым философским наблюдением можно считать то, что на секции «Будущее образования, мышления и навыков» образование приравнивалось к обучению, слова «образование» и «обучение» в докладах многих спикеров звучали взаимозаменяемо. По крайней мере, никто из присутствующих не прибегал к концептуализации и прояснению того, о будущем чего именно идет речь на секции «Будущее образования». В фокусе внимания докладчиков оказывались такие идеи, как *sustainable learning* (устойчивое обучение) и *lifelong learning* (обучение на протяжении всей жизни), которые лишь опосредованно связаны с образованием в широком смысле.

Такую тенденцию сведения образования к обучению можно назвать термином *“learnification”*, хотя напрямую ни у кого из докладчиков он не звучал. Термин *“learnification”* был предложен профессором Эдинбургского университета Г. Биестой и вызывает некоторые трудности при переводе на русский язык. С. В. Борисов при переводе статьи о П.Фрейре предложил термин А. И. Солженицына *образованщина*, «означающий образованность, сводящуюся к получению государственного свидетельства о пребывании в тех или иных образовательных учреждениях при отсутствии глубоких знаний, эрудиции, практических навыков и осознания связи образования с жизнью» [6]. В сущности *learnification* связан с редукцией образования до обучения навыкам и отсутствием дискуссий о сути образования, его ценности, целях и взаимоотношениях субъектов в ходе образовательного процесса. То есть образование, понимаемое в терминах *learnification*, вычитает из него живого человека, приравнивая его к механизму-алгоритму, который может быть запрограммирован на необходимый результат. Г. Биеста утверждает,

что сегодня *learnification* переопределяет все образовательное в терминах обучения [14]. Мы можем заметить, что это характерно не только для англоязычного дискурса об образовании, но и для русскоязычного: например, студентов называют учащимися (*learners*), образование для взрослых — обучением на протяжении всей жизни (*lifelong learning*) и т.п. С философско-антропологической перспективы редукция образования человека до обучения, разумеется, недопустима, что оказалось предметом дискуссии на секции.

Феномен *learnification* проявляет себя в ситуации коммерциализации образования и преобладания «менеджеристской парадигмы» [4]. Современное образование Г. Биеста описывает в терминах экономической сделки, где есть место «поставщику» и «потребителю» образовательных услуг, и, следовательно, последний может быть «удовлетворен» или «неудовлетворен» предоставленным «сервисом». Г. Биеста называет это *“shopping paradigm”*, схожим образом мыслит и М.Н. Эпштейн, задавая вопрос о том, чем образование сегодня принципиально отличается от супермаркета [11]. В работе *“Against Learning. Reclaiming a language for education in an age of learning”* Г. Биеста утверждает, что язык образования оказывается совершенно вытеснен языком обучения, и обосновывает необходимость «возвращения», воссоздания языка образования (*“we need to reclaim — or rather: reinvent — a language of education which can serve as alternative for the language of learning”*) [12, с. 60]. Он выдвигает идею об образовательных отношениях, которые по своей сути не являются отношениями поставщика услуг и потребителя. Г. Биеста организует свою идею языка для образования вокруг трех концептов: (1) *безосновательное доверие (“trust without ground”)*, (2) *трансцендентальное насилие (“transcendental violence” — термин Ж. Дерриды)*, (3) *ответственность без знания (“responsibility without knowledge”)*. Безосновательное доверие является ответом на риск (Г.

Биеста называет этот риск «красивым», см. [13]) и сопряжено с готовностью встретиться с неопределенностью, что противоречит концепции predetermined *“learning outcomes”* в парадигме *learnification*. «В педагогике существует такой парадокс: чем лучше, чем прочнее учитель знает, чего ему надо достичь, что сделать из своего ученика, тем менее он успешен как педагог. Наиболее успешными как педагоги оказываются те, кто не знает точно, что у них будет «на выходе». Принцип “бойся того, кто скажет: я знаю, как надо» (А. Галич) — общий принцип для педагогики и политики. И там, и там алгоритмическое воздействие с заданным конечным результатом работает на очень коротком отрезке, в ограниченной области, но не затрагивает самого главного. Подлинная же педагогика, как и психотерапия и, по большому счету, настоящая политика — это “езда в неизвестное”» [7]. Состоялась дискуссия о том, что более удачной концепцией здесь может оказаться не столько идея *trust*, сколько идея онтологического мужества, которую развивал экзистенциальный мыслитель П. Тиллих. «Мужество — это самоутверждение “вопреки”, а именно вопреки тому, что пытается помешать Я утвердить самое себя»¹. «Ответственность без знания» (3) также связана с риском: она предполагает ответственность за становление человека уникальным субъектом, и, соответственно, не может быть качественно и количественно определена. «Трансцендентальное насилие» (2) подсвечивает экзистенциальную сложность образовательного опыта: истинное образование не может быть бесконечным *edutainment* (обучением с элементами развлечения), приятной и легкой прогулкой: напротив, это “*deep, transforming and disturbing challenges*” [12, с. 63]. Образование, понятое таким образом, должно ставить перед человеком сложные вопросы и «помещать» его в сложные ситуации — только в таком образовательном пространстве

¹ Тиллих П. Мужество быть : пер. с англ. М. : МОДЕРН, 2014. С. 29.

возможно то, что Г. Биеста называет *“coming into presence”*, или субъективизация человека в образовании, становление его субъектом.

Следует отметить, что исследований, предлагающих (подобно описанному выше) язык для переосмысления образования, на данный момент не так много, они являются скорее редким исключением, чем тенденцией, поэтому в выбранной нами оптике задача по переосмыслению языка образования (не в терминах обучения) видится актуальной в свете обозначенных проблем. Такой язык мог бы расширить возможности обсуждения проблем образования. Следующие два обсуждаемых пункта в данной статье — акселерация обучения и его датафикация — являются, как мы считаем, следствием того, что понимание образования сужается до обучения.

2. Learning acceleration, или ускорение процесса обучения (не образования). Если *learnification* предполагает объектом образования некий механизм, то логично, что обучение «механизма» предзаданному навывому «алгоритму» хотелось бы видеть максимально эффективным, продуктивным и быстрым — с минимумом издержек. *Inspirational Talk* (мотивационная речь) спикера из Южной Африки, которая открывала сессию о будущем образования, мышления и навыков, поставила вопрос о том, как возможна акселерация обучения в мире, который меняется так быстро. Необходимость *Learning Acceleration* автором доклада принципиально не вопрошалась, однако были приведены некоторые тезисы для воплощения высказанной идеи. Можно предположить, что такой курс — необходимость ускоряться и «догонять» в образовании — характерен для ситуации, в которой страны БРИКС продолжают осознавать себя «отстающими» в образовательном, социальном, культурном и экономическом измерениях от ведущих западных стран.

Данный доклад спровоцировал плодотворную дискуссию о необходи-

мости и возможности такой акселерации в образовании. Была приведена «садовая» метафора, обладающая высоким иллюстративным потенциалом для данной проблемы. Цветку (т. е. человеку) зачастую требуется много времени на качественный рост, и как ни «ускоряй» его извне, цветок от этого быстрее не вырастет; терпеливое и созерцательное садоводство может многому научить современных вечно спешащих людей. Метафора сада и цветка была расширена: дополнительные, искусственные мотиваторы для «эффективности» и «продуктивности» в образовании в метафоре «сада» являются вредными пестицидами, которые в конечном счете цветку не помогают, а губят его. Часть аудитории молодых ученых согласилась с тем, что мы — человечество — не очень хотим с таким положением дел мириться и признавать, что образование человека — это то, что принципиально нельзя «акселерировать». Некоторые человеческие процессы не просто бессмысленно пытаться ускорить — хуже того, этим можно причинить больше вреда, чем пользы. С философско-антропологического ракурса истинное образование (не обучение) вообще должно быть медленным — именно вопреки и в противостоянии современному скоростному ритму жизни. «Абсолютизируемый принцип “эффективности” ведет к редукции, в тенденции — сокращению самих образовательных процессов как избыточных, — ведь эффективность возрастет настолько, насколько удастся сократить процесс. Однако тогда как для машин время действия и процесс — это фактор, уменьшающий их эффективность, для человека процесс с требуемым для него временем, — это процесс человеческой жизни» [4, с. 10].

Объективация человека, его деантропологизация, в т.ч. в образовательных контекстах, происходит в условиях социального ускорения и вызванного им утомления. К. Юханнисон, исследуя современные формы меланхолии, вызванные к жизни стремительным

изменением общественной жизни, указывает на то, что в современной меланхолии большую роль играет именно усталость, чего не было прежде: это усталость человека от скоростей и перенапряжения. «В общественном контексте культивируется образ человека, нацеленного на достижение все новых целей, заложником которых он становится. Необходимо стремиться вверх, вверх, расчищать себе путь локтями, быть на виду. Люди старательно работают для достижения успеха, но, достигнув его, ощущают лишь усталость и бремя ответственности. <...> Ключевые слова — *спешка* и *стресс*, болезненное приспособление к чуждым ритмам и темпам лишает человека сил и энергии. Перенапряжение возникает в результате перерасхода психической энергии, а также из-за недостатка отдыха. <...> Люди живут с постоянным ощущением отставания — ментального, психического и эмоционального. Ритмы, заложенные в организм природой, оказываются под угрозой. От человека требуются максимальная гибкость и умение приспособливаться»¹. Один из докладов южноафриканской стороны был посвящен проблеме выгорания преподавателей: проблема обозначалась на пересечении непомерных профессиональных требований в цифровую эпоху и неспособности справляться с ними. Коллеги из других стран выразили согласие с докладчиком: эта проблема касается всех нас, и философский комментарий выглядел следующим образом.

Бесконечное нечеловекомерное ускорение приводит к усталости. Современное исследование немецкого философа корейского происхождения Х. Бен-Чхоля концептуализирует эпоху XXI века как эпоху «нейронального насилия», приводящего человечество в т.н. «общество усталости», где главными экзистенциальными состояниями

¹ Юханнисон К. История меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / К. Юханнисон; пер. со швед. И. Матыциной. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 229—240.

становятся такие формы меланхолии как выгорание и депрессия¹. Институты образования, функционирующие в культурном и социальном контексте избыточной «позитивности» (в терминах Х. Бен-Чхоль), не создают пространство, которое было бы устроено по альтернативным законам, поэтому такие феномены как перегрузка, академическое выгорание и *studyholism* («учебоголизм», см. [17]) массово становятся характерны и для образовательной среды². Выходом из этого может являться возвращение «негативности» (в терминах Х. Бен-Чхоль) — т.е. альтернативно организованного пространства и времени, где возможно промедление, паузы, отсутствие деятельности совместно со «способностью мочь-не-мочь». В связи с этим также важно переосмысление экзистенциалов лени и скуки как необходимого элемента образования человека, являющегося предохранителем от «нейронального насилия». В другой своей работе, в философском эссе об искусстве созерцания, Х. Бён-Чхоль пишет о таком опыте скуки, имея в виду именно хайдеггеровскую «глубокую скуку», которая представляет собой остановку в повседневном ходе вещей. Такая скука, в отличие от других форм скуки, также разбираемых Хайдеггером, провоцирует субъекта на размышления³. В современных отечественных научных исследованиях созерцательное бездействие как отсутствие побуждения к *vita activa* реабилитируется в этическом измерении, будучи закономерным ответом человека на гегемонию труда [9].

Таким образом, принудительное самосовершенствование с ориентацией на высокие достижения и самоэксплуатация, ведущая к выгоранию, формируют антропологический ландшафт

образования, понимаемого в терминах *learnification* и *acceleration*.

3. Datafication, или датафикация образования. Социокультурная ситуация текущего времени заключается в том, что большие данные становятся определяющими для жизни современного общества. Датафикация в широком контексте философии культуры «выражается в вовлеченности цифровых устройств и технологий в сбор данных, их удаленную обработку, и предоставление обратно персонализированной, адаптированной под конкретные пользовательские потребности информации» [8]. Датафикация превращает любой аспект повседневности в количественно измеримый, и процессы, происходящие с человеком в образовательном пространстве, не является исключением. Образовательные реалии обретают новую форму существования в качестве данных, на основании которых человеком принимаются решения.

Медиализация, цифровизация, дигитализация — все это, несомненно, соблазнительные, «трендовые» темы для многих современных молодых ученых. Большинство докладов на обсуждаемой секции YSF так или иначе затрагивали вопрос использования искусственного интеллекта и иных технических изысканий в обучении (не образовании). Эти акценты в том числе звучали в названиях докладов, например: *“The future of Higher Education in the digital transformation age”* («*Будущее высшего образования в эпоху цифровой трансформации*»), *“Data tools to understand the link between Educational system and labour market”* («*Инструменты работы с данными для понимания связи между образовательной системой и рынком труда*»), *“The Impact of Technology Innovation on Higher Education”* («*Влияние технологических инноваций на высшее образование*»). Более половины молодых ученых из всех пяти стран БРИКС на секции о будущем образования были техническими специалистами, увлеченно и компетентно рассказывающими о своих — количественных — изысканиях.

¹ Бен-Чхоль Х. Общество усталости. негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / Хан Бен-Чхоль ; пер. с нем. А. С. Салина. М. : Лед, 2023. 160 с.

² см. ИНОБР НИУ ВШЭ: Российские школьники массово жалуются на усталость от школы и нагрузку. URL: <https://ioe.hse.ru/news/463396200.html/>

³ Бен-Чхоль Х. Аромат времени. Философское эссе об искусстве созерцания / Х. Бен-Чхоль ; пер. с нем. А.С. Салина. М. : Лед, 2023. 192 с.

Датафикация является закономерным последствием в упомянутой выше «менеджеристской парадигме», применяемой к образованию. «Регуляция показателями ограничивает и искажает характер деятелей образования, лишая их свободы и престижа быть творцами, — так из них выковываются исполнители, которые, в свою очередь, способны воспитывать исполнителей» [4]. Перенесение реалий образования из качественной исключительно в количественную форму существования, возможно, может оказаться перспективным для решения проблемы, обозначенной некоторыми докладчиками Форума как *“translation education into economy”*, или необходимости соответствия образования рабочим местам в экономике, а также для решения ряда других проблем. Однако не менее справедливы вопросы о том, «каково назначение и смысл этого датафицированного существования, неужели машина теперь не только воспринимает и обрабатывает данные, но и творит новые жизненные смыслы и ценности для человека?» [8]. В русскоязычном философском дискурсе есть понятие гуманитарной экспертизы, которое отсутствует в зарубежных исследованиях (С. А. Смирнов, Б. Г. Юдин): полагаем, оно может предложить мощный исследовательский потенциал для затронутых проблем ученым-исследователям стран БРИКС.

Упор на количественные данные вытесняет качественные данные из разговора об образовании — и в философско-антропологической оптике это большая угроза того, что образование может вообще перестать мыслиться как экзистенциальный опыт. Попытка все измерить основана на узком эмпирическом взгляде на социальные и человеческие явления. Проблема в том, что такой подход маргинализирует те исследования образования, которые основаны на специфических методах гуманитарных наук (исследование сознательного опыта и интенциональности человека; нарративы — включая авто- и биографию; описательное письмо и др.) [16]. Как пишет К. Мадсберг в

работе *Sensemaking* о переосмыслении гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов, «мы игнорируем знание культуры, вытекающее из гуманитарных наук, и тем самым ставим под угрозу будущее. Мы концентрируемся лишь на точных данных и методах естественных наук. Пытаемся измерить человеческое поведение подсчетом восклицательных знаков или графических символов. И в результате перестаем воспринимать те формы знаний, которые не поддаются упрощению. Мы теряем связь с книгами, музыкой, искусством и культурой — всем тем, что позволяет людям осознавать себя в сложном социальном контексте»¹. Несомненно, международному сообществу молодых ученых необходимо продолжение дискуссии о границах датафикации в образовании человека XXI в.

**Заключение:
выход к человеческому
измерению образования?**

По тем образовательным трендам стран БРИКС, которые попали в фокус докладов на Форуме молодых ученых в 2023 году, можно сделать вывод о том, что образование молодыми учеными в основном трактуется инструментально. Делается акцент на *datafication* и *learnification*, т.е. на данные, измеримость и обучение человека предзаданным алгоритмам для соответствия стремительно меняющейся реальности. В связи с этим актуальным становится вопрос о соотношении сиюминутно-реактивного и универсально-вечного в образовании, о взаимодействии социальных «горизонталей» образования и его философско-антропологической «вертикали». Необходима рефлексивная пауза для критического осмысления технико-технологических трендов в образовании и поиска точки оптимума на «карте» трендов и универсальных смыслов образования. Исследование А. А. Дыдрова и Л. Д. Александровой об

¹ Мадсберг К. Осмысление. Сила гуманитарного мышления в эпоху алгоритмов. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. С. 14.

аксиологических ориентирах современного российского образования ухватывает противоречие, характерное для текущей социокультурной реальности не только в отечественной перспективе, но и в более широкой — международной. Вопрос, который «вital в воздухе» на обсуждаемой секции, мог быть сформулирован так: «сегодня, в век высоких технологий и претенциозных проектов, проблема отчуждения не исчезла. Что будет высшей ценностью в эпоху продуктоориентированного образования — личность или результат проекта? Будут ли организаторы нового образования ценить личность во всей ее уникальности или она — личность — будет только средством реализации претенциозных замыслов (проектов, стартапов и т. д.)»? [3].

Доклад автора данной статьи, представленный на секции, назывался *“Human Education in the Era of Digital and Metaskills”* («Образование Человека в эпоху цифры и мета-навыков») и по тематике и пафосу стоял отдельно от других докладов, предлагая иную систему отсчета. В начале выступления были расставлены философско-антропологические акценты: ключевым словом в содержании доклада является не *Digital* (цифровое) и не *Metaskills* (мета-навыки), а *Human* (человеческое). На международном уровне была предложена концепция философско-антропологической архитектуры современного образовательного пространства (подробнее см. [2]). Философско-антропологический анализ образовательного пространства с помощью топологической метафоры измерений (*dimensions*) позволяет «разметить» образовательное пространство, выделив его универсальную экзистенциально-антропологической вертикаль и различные социальные горизонталы. Можно заключить, что данный доклад предложил говорить об образовании в «человеческом» измерении, в то время как другие исследования были проведены в социальной «плоскости» образования (в том числе с активным фокусом на то, каким образом можно «соединить» результаты образования с рабочими местами в экономике).

Помимо актуализации философской оптики в разговоре об образовании, доклад знакомил международных коллег с проектом ученых Южно-Уральского государственного университета «Цифровая антропология»¹, который в том числе направлен на критический анализ взаимодействия человека с современной цифровой средой с позиций философской антропологии. Факт востребованности доклада на тему, связанную с образованием как способом бытия человека, а также последующая дискуссия, говорят о заинтересованности сообщества БРИКС в философско-антропологической оптике применительно к образованию и тех возможностях, которые такая оптика может представить. Возможно, также не случаен и тот факт, что такой подход на международном форуме был предложен участницей из России, т.к. традиционно русская философия несет в себе мощный экзистенциально-антропологический потенциал, что несомненно влияет на нашу культуру и образ мышления поколения современных ученых, что также подчеркивалось в докладе.

Полагаем, что разговор о взаимодействии философско-антропологической «вертикали» образования с его социальными проекциями в «горизонталы» особенно необходим университетам стран БРИКС на текущем этапе развития. Анализ их миссионерских заявлений (*mission statements*) показывает, что на глубоком уровне миссий университеты БРИКС ориентированы не столько на то, что связано с техникой и технологиями, но на гуманитарный ракурс образования (например, речь идет о меняющемся жизненном студенческом опыте, о преимуществах принадлежности к уникальной и захватывающей университетской культуре, об обеспечении социальной справедливости и диверсификации, а также о сотрудничестве и лидерстве) [18]. Девизы Форумов молодых ученых БРИКС также неоднократно акцентировали

¹ URL: <https://digitalanthropology.ru>.

идеи лидерства в науке и инновациях. Полагаем, что такие глобальные человекоориентированные намерения могут быть достигнуты в парадигме, где образование не упрощается до обучения и не служит лишь инструментом подготовки рабочих мест в условиях растущей экономики, но также понимается предельно-антропологически как способ человеческого бытия.

1. Антропологическое измерение российского государства / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. В. Н. Шевченко. — М. : ИФРАН, 2009. — 214 с.

2. Гулеватая, А. Н. Философско-антропологическая архитектура современного образовательного пространства / А. Н. Гулеватая // Вестник Челябинского государственного университета. — 2023. — № 7 (477). — С. 42—47.

3. Дыдров, А. А. Ориентиры современного российского образования: философско-аксиологический ракурс / А. А. Дыдров, Л. Д. Александрова // Социум и власть. — 2019. — № 2 (76). — С. 7-17.

4. Кожевникова, М. Н. Менеджеристская парадигма: в управлении образованием, образовательных целях и социально-воспитательных следствиях / М. Н. Кожевникова // Человек и образование. — 2019. — № 4 (61). — С. 170—176.

5. Кожевникова, М. Н. Управление для «образования человека» и его применение в педагогическом образовании в гуманистической парадигме / М. Н. Кожевникова // Социум и власть. — 2021. — № 3 (89). — С. 7-16.

6. Кохан, У. О. Пауло Фрейре и «философия для детей»: критический диалог / У. О. Кохан // Социум и власть. — 2018. — № 6 (74). — С. 55—67.

7. Леонтьев, Д. А. Опыт методологического осмысления практик работы с личностью: фасилитация, ноотехника, жизнетворчество / Д. А. Леонтьев // Консультативная психология и пси-

хотерапия. — 2012. — Т. 20, № 4. — С. 164—185.

8. Назаренко, А. Н. Медиатизация в контексте философии культуры / А. Н. Назаренко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. — 2023. — № 1. — С. 69—80.

9. Сысоев, Т. А. Реабилитация лени как ответ на гегемонию труда / Т. А. Сысоев // Философия и общество. — 2018. — № 2 (87). — С. 106—123.

10. Федчук, А. А. Тенденции развития образования как важнейший фактор политики сотрудничества стран БРИКС / А. А. Федчук // Вестник университета. — 2015. — № 13. — С. 248—253.

11. Эпштейн, М. Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. — М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с.

12. Biesta, G. J. J. Against Learning. Reclaiming a language for education in an age of learning / G. J. J. Biesta // Nordisk Pedagogik. — 2005. — Vol. 25. — Pp. 54—66.

13. Biesta, G. J. J. Beautiful risk of Education / G. J. J. Biesta. — Routledge, 2014. — 178 p.

14. Biesta, G. J. J. Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy Gert Biesta / G. J. J. Biesta. Paradigm Publishers, 2010. — 160 p.

15. Biesta, G. J. J. Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited / G. J. J. Biesta // Educ. Theory. — 2020. — No. 70. — Pp. 89—104.

16. Bridges, D. Philosophy in Educational Research / D. Bridges // Epistemology, Ethics, Politics and Quality. Springer, 2017. — 474 p.

17. Loscalzo, Y. When studying becomes an obsession: The Studyholism Inventory — Extended Version / Y. Loscalzo, M. Giannini // Curr. Psychol. — 2022. — No. 41. — Pp. 6867-6879.

18. Lozovskaya, K. B. "Horizon of the future": realities and aspirations of top-ranking BRICS universities (analysis of mission statements) / K. B. Lozovskaya,

A. S. Menshikov, E. S. Purgina // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2020. — № 55. — С. 163—174.

References

1. Antropologicheskoe izmerenie rossijskogo gosudarstva (2009) [Anthropological dimension of the Russian state] / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; otv. red. V.N. Shevchenko. Moscow, IFRAN, 214 p. [in Rus].

2. Gulevataya A. N. (2023) Filosofsko-antropologicheskaya arhitektonika sovremennogo obrazovatel'nogo prostanstva [Philosophical and anthropological architectonics of modern educational space]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 7 (477), pp. 42-47 [in Rus].

3. Dydrov A. A., Aleksandrova L. D. (2019) Orientiry sovremennogo rossijskogo obrazovaniya: filosofsko-aksiologicheskij rakurs [Orientations of modern Russian education: philosophical and axiological perspective]. *Socium i vlast'*, no. 2 (76), pp. 7-17 [in Rus].

4. Kozhevnikova M.N. (2019) Menedzheristskaya paradigma: v upravlenii obrazovaniem, obrazovatel'nyh celyah i social'no-vospitatel'nyh sledstviyah [Managerialist paradigm: in education management, educational goals and socio-educational implications]. *Chelovek i Obrazovanie*, no. 4 (61), pp. 170-176 [in Rus].

5. Kozhevnikova M. N. (2021) Upravlenie dlya «obrazovaniya cheloveka» i ego primenenie v pedagogicheskom obrazovanii v gumanisticheskoy paradigme [Management for “human education” and its application in teacher education in the humanist paradigm]. *Socium i vlast'*, no. 3 (89), pp. 7-16 [in Rus].

6. Kohan U.O. (2018) Paulo Freyre i “filosofiya dlya detej”: kriticheskij dialog [Paulo Freire and “philosophy for children”: a critical dialogue]. *Socium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 55-67 [in Rus].

7. Leontiev D.A. (2012) Opyt metodologicheskogo osmysleniya praktik raboty s lichnost'yu: fasilitaciya, nootekhnika,

zhiznetvorchestvo [Making methodological sense of practices of personality interventions: facilitation, nootechnics, life enhancement]. *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya*, vol 20, no. 4, pp. 164-185 [in Rus].

8. Nazarenko A. N. (2023) Mediatizaciya v kontekste filosofii kultury [Mediatization in the context of philosophy of culture]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 69-80 [in Rus].

9. Sysoev T.A. (2018) Reabilitaciya leni kak otvet na gegemoniyu truda [Rehabilitation of laziness as a response to the hegemony of labour]. *Filosofiya i obshchestvo*, no. 2 (87), pp. 106—123 [in Rus].

10. Fedchuk A.A. (2015) Tendencii razvitiya obrazovaniya kak vazhnejshij faktor politiki sotrudnichestva stran BRICS [Trends in the development of education as the most important factor in the policy of cooperation between the BRICS countries]. *Vestnik Universiteta*, no. 13, pp. 248—253 [in Rus].

11. Epshtein M.N. (2016) Ot znaniya — k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmenyat' mir [From Knowledge to Creativity. How Humanities Can Change the World]. Moscow, Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ, 480 p. [in Rus].

12. Biesta G.J.J. (2005) Against Learning. Reclaiming a language for education in an age of learning. *Nordisk Pedagogik*, vol. 25, pp. 54-66 [in Eng].

13. Biesta G. (2014) Beautiful risk of Education. Routledge, 178 p. [in Eng].

14. Biesta G.J.J.(2010) Good Education in an Age of Measurement: Ethics, Politics, Democracy. Paradigm Publishers, 160 p. [in Eng].

15. Biesta G. (2020). Risking Ourselves in Education: Qualification, Socialization, and Subjectification Revisited. *Educ.Theory*, 70, pp. 89-104 [in Eng].

16. Bridges D. (2017). Philosophy in Educational Research. Epistemology, Ethics, Politics and Quality. Springer, 474 p. [in Eng].

17. Loscalzo Y., Giannini, M. (2022) When studying becomes an obsession: The Studyholism Inventory — Extend-

ed Version. *Current Psychology*, no. 41, pp. 6867-6879 [in Eng].

18. Lozovskaya K. B. (2020) "Horizon of the future": realities and aspirations of top-ranking BRICS universities (analysis

of mission statements). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 55, pp. 163-174 [in Eng].

*Статья поступила в редакцию
07.11.2023*

Права: © Гулеватая А. Н. (2023).
Опубликовано Челябинским филиалом
РАНХиГС. Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Copyright: © Gulevataya A. N. (2023).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPА.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

For citing: Gulevataya, A. N. "The Future of Education, Mindset and Skillset" at the VIII BRICS Young Scientists Forum: philosophical and anthropological understanding / A. N. Gulevataya // *Sotsium i vlast/Society and Power*. — 2023. — № 4 (98). — P. 84—96. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-84-96. — EDN CVBLKN.

UDC 37.012.1

EDN CVBLKN

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-84-96

**"THE FUTURE OF EDUCATION,
MINDSET AND SKILLSET"
AT THE VIII BRICS
YOUNG SCIENTISTS FORUM:
PHILOSOPHICAL
AND ANTHROPOLOGICAL
UNDERSTANDING¹**

Anastasia N. Gulevataya^{1, 2},

¹ South Ural State University,
Staff Member of the Department of Scientific
and Innovation Activities;

² Chelyabinsk State Institute of Culture,
Postgraduate Student of the Department
of Philosophy and Cultural Studies.
Chelyabinsk, Russia.

ORCID 0000-0003-4860-3831

E-mail: gulevataiaan@susu.ru

Abstract

The article presents an analytical review of the section "The Future of Education, Mindset and Skillset" of the VIII BRICS Young Scientists Forum (31 July — 2 August 2023, Gkeberha, South Africa). The programme of this Forum section includes such sub-themes as application of new and convergent technologies in education, new educational tools for overcoming local socio-economic barriers, as well as leadership and entrepreneurial thinking for navigating the ever-changing future. The Forum in general and this section in particular brought together young scientists from five countries (Brazil, Russia, India, China, South Africa) representing both technical and humanitarian scientific fields. The author identifies three key markers in the reports on the education made by young scientists from the BRICS countries and provides their philosophical and anthropological understanding.

Keywords:

BRICS,
the future of education,
mindset and skills,
philosophical anthropology,
human education

¹ The research was supported by Russian Science Foundation "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups" (regional competition) 22-18-20011 "Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)"

Для цитирования: Нечаева, С. В. Муниципальное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности. Итоги Всероссийской научно-практической конференции (26—27 октября 2023 года, Челябинск, Российская Федерация) / С. В. Нечаева // Социум и власть. — 2023. — № 4 (98). — С. 97—102. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-97-102. — EDN OQHFOI.

УДК 334.021.1

EDN OQHFOI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-97-102

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В НОВЫХ РЕАЛИЯХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ.
Итоги Всероссийской
научно-практической
конференции
(26—27 октября 2023 года,
Челябинск,
Российская Федерация)**

Нечаева Светлана Владимировна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора, доцент кафедры политологии, истории и философии, кандидат исторических наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: nechaeva-sv@ranepa.ru

Аннотация

Статья посвящена обзору и анализу итогов Всероссийской научно-практической конференции «Муниципальное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности», состоявшейся в г. Челябинске 26—27 октября 2023 г., и представляет собой дайджест основных мероприятий конференции.

Ключевые слова:

конференция, муниципальное управление, цифровизация, развитие муниципальной службы

26—27 октября 2023 года на площадке Челябинского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Муниципальное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности». *Организаторами и партнерами конференции выступили:* Челябинский филиал РАНХиГС, Правительство Челябинской области, Учебно-методический совет по ГМУ РАНХиГС (г. Москва).

Конференция была организована в смешанном формате, что позволило принять в ней участие как в очном, так и в онлайн-формате представителям органов государственной власти и местного самоуправления, научного сообщества и некоммерческих организаций из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Кургана, Смоленска, Алтайского края, а также муниципальных образований Челябинской области.

В рамках конференции в 2023 г. была проведена экспертная дискуссия на тему «Муниципальные управленческие команды как акторы опережающего развития муниципалитетов», модерировали которую и. о. председателя Учебно-методического совета по ГМУ РАНХиГС, и. о. директора Института государственной службы и управления РАНХиГС, заведующий кафедрой информатики и прикладной математики РАНХиГС, кандидат технических наук Руслан Николаевич Корчагин и заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, доцент Виталий Александрович Воропанов.

Открыли конференцию и подчеркнули актуальность обсуждаемых вопросов: «Каковы требования и ожидания граждан в отношении муниципаль-

ного управления? Какие инструменты необходимы для внедрения стандарта клиентоцентричности в органы публичной власти в российских регионах? Как повысить качество муниципального управления в условиях цифровой трансформации?» директор Челябинского филиала РАНХиГС Евгений Викторович Алдошенко и заместитель губернатора Челябинской области Станислав Иванович Мошаров.

С ключевым докладом на тему «Клиентоцентричность в государственном и муниципальном управлении: возможности и барьеры» выступила директор по развитию ФГБУ «ВНИИ труда» Минтруда России, кандидат педагогических наук Надежда Михайловна Сладкова.

Автор рассказала о ценностях «государства для людей», о стандартах работы с внутренним и внешним клиентами, о том, с чего начать изменения в кадровой работе при клиентоцентричном подходе, привела примеры модели hr-мониторинга и карты клиентского пути.

Особое внимание Надежда Михайловна уделила анализу типичных заблуждений и ошибок при внедрении клиентоцентричности, таких как работа по клиентоцентричности — это «отдельная дополнительная нагрузка к работе с кадрами; мы и без мониторинга знаем, что у нас хорошо, что не очень; мы хорошо знаем нашего внутреннего и внешнего клиента (в т. ч. его потребности, ожидания); повышение уровня hr-компетенций (понимание, владение кадровыми технологиями) требуется только для специалистов кадровых служб; обратная связь нужна кадровой службе только от клиентов» и др. Доклад вызвал живой интерес и бурное обсуждение.

Корчагин Руслан Николаевич представил доклад на тему «Роль вузов в формировании клиентоцентричной компетентности управленческих команд», в котором напомнил о том, что вузы одновременно выступают в трех

взаимодополняющих ролях. В частности, вуз — это:

- разработчик и реализатор образовательных программ среднего профессионального, высшего, дополнительного и дополнительно-профессионального образования;
- исследователь и разработчик современных концепций, методологий, методов, методик и технологий, включая предложения по совершенствованию образовательных стандартов и образовательных технологий, нормативного правового регулирования;
- проводник государственной политики, популяризатор современных управленческих концепций.

Комментируя первую из ролей, докладчик привел пример общепрофессиональной компетенции «Способен осуществлять профессиональную деятельность в соответствии с принципом клиентоцентричности и омниканальности государственного и муниципального управления» и ее закрепление в таких дисциплинах как например, «Дизайн-мышление для цифровых инноваций» на программе бакалавриата «Цифровое государство».

Иллюстрируя вторую из ролей вуза, Руслан Николаевич привел пример реализованных Президентской академией НИР по обсуждаемой теме: «Совершенствование законодательства и правоприменения в области социально значимых услуг в условиях формирования концепта «клиентоцентричности» публичного управления».

А в качестве примера роли вуза как проводника государственной политики докладчик напомнил о проекте Центра подготовки руководителей цифровой трансформации ВШГУ РАНХиГС — навигаторе «Клиентоцентричный подход в госуправлении».

Навигатор предназначен в помощь руководителям органов исполнительной власти, местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, проектных офисов, специа-

листами, которые работают над достижением целей национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и отдельных федеральных проектов в ее составе. В навигаторе описаны порядка 50 бесплатных простых и доступных инструментов для тех, кто впервые погружается в тему клиентоцентричности.

Берешкеева Эльвира Михайловна, начальник отдела организации муниципальной службы Управления государственной службы Правительства Челябинской области, предложила вниманию участников доклад на тему «Совершенствование кадрового потенциала муниципального образования».

В первую очередь автор напомнила составляющие профессиональной культуры органа местного самоуправления, среди которых такие звенья клиентоцентричности, как миссия организации, единая модель ценностей, которыми необходимо руководствоваться муниципальным служащим при осуществлении профессиональной служебной деятельности, кодекс этики и поведения, а также модель компетенций муниципальных служащих.

Помимо этого, Эльвира Михайловна привела результаты мониторинга текучести и стабильности кадров в органах местного самоуправления (ОМСУ) муниципальных образований Челябинской области и акцентировала внимание на перечне поручений Президента Российской Федерации от 4 июня 2023 г. № Пр-1111 по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления 20 апреля 2023 г. Среди поручений главы государства такие, как организация деятельности, связанной с созданием информационного контента, направленного на популяризацию муниципальной службы и представление предложений по разработке механизмов привлечения молодых и узких специалистов на муниципальную службу, в том числе в сельской местности.

В заключении докладчик охарактеризовал признаки вовлеченности специалиста, компоненты программы «Благополучие сотрудников», а также напомнил о конкурсах, организованных в регионе: «Лучший глава поселения Челябинской области» и «Лучший муниципальный служащий в Челябинской области» как действенном механизме повышения мотивации сотрудников к клиентоцентричной деятельности.

Тему клиентоцентричности государственных и муниципальных служащих через цифровую трансформацию органов местного самоуправления продолжил министр информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области Игорь Борисович Фетисов.

Докладчик привел результаты мониторинга цифровой трансформации и прокомментировал ежемесячный рейтинг ОМСУ, в составе которого такие показатели, как внедрение платформы обратной связи, оказание в электронном виде массовых социально значимых услуг и достижение «цифровой зрелости» в сфере «общественного транспорта» и «городского хозяйства».

«Тепловая карта» по исполнению показателей ОМСУ, представленная докладчиком, вызвала бурное обсуждение среди участников конференции. Игорь Борисович сформулировал в ходе доклада рекомендации и мотивировал глав органов местного самоуправления к обмену опытом с лидерами рейтинга в рамках данной конференции, в «цифровой день», организованный для руководителей цифровой трансформации муниципальных образований Челябинской области — 17 ноября 2023 г., а также и в процессе рабочих взаимоотношений.

Заместитель руководителя Аппарата губернатора и Правительства Челябинской области Сергей Валерьевич Зюсь представил доклад на тему «Информационный суверенитет и система обратной связи органов местного

самоуправления», в котором был представлен мониторинг коммуникаций сотрудников ОМСУ Челябинской области и населения.

Сергей Валерьевич отметил, что в современном обществе все идет к консолидации медиа-активов и значение местной повестки имеет огромный вес в рамках развития государственной медиа-отрасли.

Далее курганские коллеги, председатель правления Ассоциации «Совет муниципальных образований Курганской области», глава Куртамышского муниципального округа Андрей Николаевич Гвоздев и начальник отдела дополнительного профессионального образования Курганского филиала РАНХиГС Ольга Владимировна Мальцева поделились опытом своей региональной команды в части трансформации административно-территориального деления и органов публичной власти на муниципальном уровне.

Презентованный теоретический и практический опыт вызвал живейший интерес среди участников конференции, и коллегам из Курганской области задали массу вопросов как в ходе экспертной дискуссии, так и в ходе последующего неформального общения.

В завершение сессии начальник отдела оптимизации ведомственных процессов Управления государственной службы Правительства Челябинской области Дмитрий Васильевич Жаботинский рассказал о лучших практиках в области бережливых технологий в муниципальном управлении и о ключевых эффектах высвобождения времени.

Материалы всех докладов вызвали оживлённые экспертные дискуссии между участниками научно-практической конференции. Представители научного сообщества, органов местного самоуправления, НКО обменялись мнениями и сверили векторы развития регионов России в целом и Уральского федерального округа в частности.

В рамках программы второго дня конференции, 27 октября, состоялись проектная сессия «Муниципальное управление и актуальные социально-экономические задачи: взгляд молодых» и круглый стол «Научный журнал как инструмент формирования актуального дискурса в современном российском обществе», посвященный 20-летию журнала «Социум и власть».

Модераторами проектной сессии, в рамках которой студенты презентовали свои проектные идеи, выступили молодые ученые заведующий лабораторией прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС Богданова Дарья Валерьевна и руководитель центра научного и карьерного роста Курганского филиала РАНХиГС Литвиненко Маргарита Сергеевна. А вот экспертами, которые оценили самые перспективные проектные идеи и выбрали грантополучателей, стали не только ученые, но и практики, например, в экспертной оценке приняла участие начальник управления делами и государственной службы Министерства финансов Челябинской области Татьяна Александровна Брагина и др.

По результатам работы проектной сессии победителями — грантополучателями межрегионального внутрикорпоративного конкурса грантов на проведение инициативных научных исследований студентов Курганского и Челябинского филиалов РАНХиГС стали следующие студенты со своими проектными идеями от Челябинского филиала:

- Астахова Анастасия, Голубчикова Мария — «Альянс: народы Челябинской области» — образовательно-познавательная настольная игра о народах региона и их культуре», научный руководитель — старший преподаватель кафедры частного права Л. В. Рубцова;
- Атауллина Нелли, Сельницына Яна — «Право выбора», научный

руководитель — помощник заместителя директора по научной работе Я. А. Семенова;

- Ботов Семен, Кузина Анастасия — «Интерактивная карта «Геральдический наставнию» — помощник граждан в изучении геральдического наследия субъектов Челябинской области», научный руководитель — к. и. н., доцент О. В. Осипов;
- Азарова Анна — «Тест-драйв инклюзивного пространства», научный руководитель — помощник заместителя директора по научной работе Я. А. Семенова;
- Иванова Кристина, Деркач Анастасия — «Разработка настольных игр, повышающих финансовую грамотность, для использования в профориентационных целях в Челябинский филиал РАНХиГС», научный руководитель — к. э. н., доцент Н. Ю. Коротина;
- Коптеева Дарья, Мукаева Евгения — «Организационный механизм установки официального остановочного комплекса на перекрестке улиц Комарова и Танкистов в Тракторозаводском районе г. Челябинска», научный руководитель — старший преподаватель кафедры частного права Л. В. Рубцова;
- Кучукова Диана — «Самозанятость как развитие предпринимательской активности молодёжи», научный руководитель — к. э. н., доцент Ю. В. Боровкова;
- Понамарчук Кристина, Верхошнцева Полина — «Программа профориентационно-образовательного курса для школьников «Личностный старт», научный руководитель — старший преподаватель кафедры частного права Л. В. Рубцова.

От Курганского филиала победили студенты:

- Галкина Дарья, Федотова София, Бушуева Валерия — «Инноваци-

онные подходы к сохранению разнообразия змей и пауков Красной Книги Курганской области»;

- Ефимова Кристина, Самойлова Дарья — «Программа информационного просвещения жителей г. Кургана и Курганской области»;
- Вахтомина Анастасия, Хрущева Анна, «Герои земли Зауральской»;
- Ковалева Ксения, Дубровина Виктория — социологическое исследование «Цивилизационное своеобразие региональной политической элиты: проблемы формирования и пути развития».

Отчет о реализации проектных идей студенты представят к 30 марта 2024 г.

Участники круглого стола, посвященного 20-летию журнала «Социум и власть», подчеркнули особую роль научных журналов в целом и журнала «Социум и власть» в частности как эффективного инструмента формирования актуального дискурса в Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации. «Научный журнал — это не только, может быть, самая важная форма презентации результатов исследования, но и способ научной коммуникации и обсуждения актуальных проблем, без чего немислимо само существование и развитие науки. Вокруг всякого научного издания с годами складывается какой-то свой неформальный круг общения, сообщество единомышленников, которые помогают и поддерживают друг друга в их научной работе, поэтому хотел бы пожелать и редакции журнала «Социум и власть», и его авторам всячески укреплять и развивать эту неформальную сторону существования и деятельности журнала», — отметил о важности научных изданий заместитель главного редактора «Социум и власть» (до 2010 года главный редактор) Александр Степанович Чупров.

В завершение участники Всероссийской научно-практической конференции высказали мнение, что организованный форум позволил ученым

и практикам, экспертам и молодежи сверить векторы развития и дал почву для новых идей повышения качества муниципального управления в условиях новой реальности.

Организационный комитет благодарит всех, кто присоединился к работе конференции!

С материалами конференции можно будет ознакомиться в РИНЦ и на сайте Челябинского филиала РАНХиГС <https://chel.ranepa.ru/>

*Статья поступила в редакцию
05.12.2023*

For citing: Nechaeva S.V. Municipal management in new realities: modern challenges and opportunities.

Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 26—27, 2023, Chelyabinsk, Russian Federation) // *Sotsium i vlast/Society and Power*. — 2023. — № 4 (98). — P. 97—102. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-97-102. — EDN OQHFOI.

UDC 334.021.1

EDN OQHFOI

DOI 10.22394/1996-0522-2023-4-97-102

**MUNICIPAL MANAGEMENT
IN NEW REALITIES:
MODERN CHALLENGES
AND OPPORTUNITIES.
Results of the All-Russian
Scientific and Practical Conference
(October 26-27, 2023,
Chelyabinsk, Russian Federation)**

Svetlana V. Nechaeva,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Deputy Director,
Associate Professor of the Department
of Political Science, History and Philosophy,
Cand. Sc. (History), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: nechaeva-sv@ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to reviewing and analyzing the results of the All-Russian scientific and practical conference “Municipal management in new realities: modern challenges and opportunities”, held in Chelyabinsk on October 26—27, 2023, and is a digest of the main events of the conference.

Keywords:

conference,
municipal government,
digitalization,
development of municipal service

Права: © Нечаева С. В. (2023).
Опубликовано Челябинским филиалом
РАНХиГС. Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Copyright: © Nechaeva S. V. (2023).
Published by Chelyabinsk branch of RANEPA.
Open access under CC BY-NC License 4.0.

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 1311. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. Key words (up to 5).
 - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal .

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 1311.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

